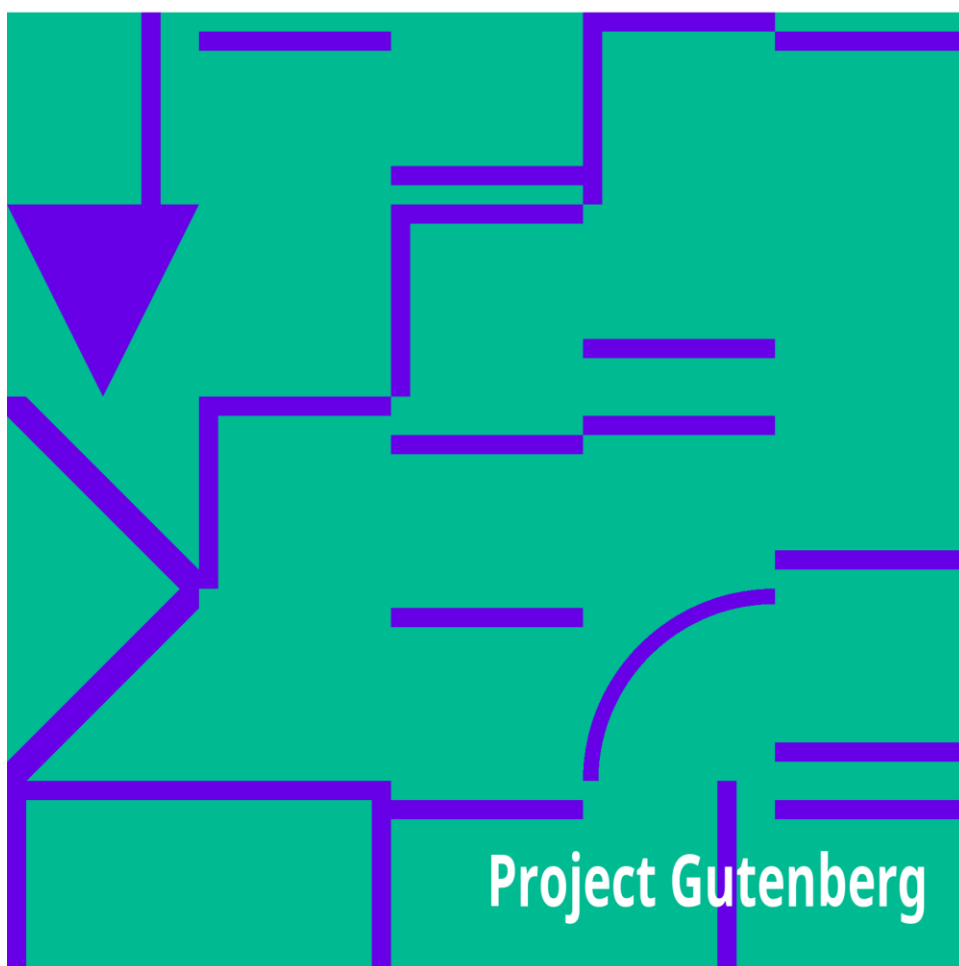

Герои современной Европы

Элис Биркхед

Heroes of Modern Europe

Alice Birkhead

Электронная книга проекта "Гутенберг" о героях современной Европы

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Герои современной Европы

Автор: Элис Биркхед

Дата выхода: 16 апреля 2007 [Электронная книга № 21114]

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер Эл Хейнс

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ГЕРОИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ" ***

Leo Tolstoy in his bare Apartments at Yasnaya Polyana
Repin

Fr.

Лев Толстой в своих пустых апартаментах в Ясной Поляне (Репин)

ГЕРОИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

АВТОР ЭЛИС БИРКХЕД Б.А.

АВТОР "ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ", "МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ", "ПЕТРА Великого" И ДР.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

*ДЖОРДЖ Г. ХАРРАП И КО. ЛТД.
ЛОНДОН - КАЛЬКУТТА - СИДНЕЙ*

[Примечание переписчика: номера страниц в этой книге обозначены цифрами, заключенными в фигурные скобки, например {99}. Они были расположены там, где в оригинальной книге происходили разрывы страниц, в соответствии с FAQ проекта Gutenberg-V-99. В указателе номер страницы указан только в начале этого раздела. В HTML-версии этой книги номера страниц указаны на левом поле.]

Впервые опубликовано в июле 1913 года Джорджем Дж. ХАРРАП и Ко.
39-41 Паркер-стрит, Кингсуэй, Лондон, WC 2

Перепечатано в настоящей серии:

февраль 1914 г.; август 1917 г.; май 1921 г.; январь 1924 г.; июль 1926 г.

Содержание

ГЛАВА	
I.	ДВА МЕЧА 9
II.	ДАНТЕ, БОЖЕСТВЕННЫЙ ПОЭТ 19
III.	ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ 30
IV.	НАСТОЯТЕЛЬ САН - МАРКО 41
года V.	МАРТИН ЛЮТЕР, РЕФОРМАТОР ЦЕРКВИ 52
VI.	КАРЛ V, ИМПЕРАТОР СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ 63
года VII.	МОРСКИЕ ПОПРОШАЙКИ 74
VIII.	ВИЛЬГЕЛЬМ МОЛЧАЛИВЫЙ, ОТЕЦ СВОЕЙ СТРАНЫ 86
IX.	ГЕНРИХ НАВАРРСКИЙ 100
X.	ПОД КРАСНОЙ МАНТИЕЙ 115
XI.	ВЕЛИКИЙ МОНАРХ 128
XII.	ПЕТР ВЕЛИКИЙ 137
XIII.	КОРОЛЕВСКИЙ РАЗБОЙНИК 145
XIV.	ДУХИ ЭПОХИ 156
XV.	ЧЕЛОВЕК С КОРСИКИ 168
XVI.	"БОГ И ЛЮДИ" 183
XVII.	"ЗА ИТАЛИЮ И ВИКТОРА ЭММАНУИЛА!" 195
XVIII.	ТРЕТИЙ НАПОЛЕОН 207
XIX.	РЕФОРМАТОР ВОСТОКА 216
XX.	ГЕРОЙ В ИСТОРИИ 228
	ИНДЕКС 233

Иллюстрации

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В СВОИХ ПУСТЫХ АПАРТАМЕНТАХ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ (Репин)	Фронтиспис
ДАНТЕ НА УЛИЦАХ ФЛОРЕНЦИИ (Эвелин Пол)	22
ПОСЛЕДНИЙ СОН САВОНАРОЛЫ (сэр Джордж Рид, P.R.S.A.)	60
ФИЛИПП II ПРИСУТСТВУЕТ НА АУТОДАФЕ (Д. Вальдивьесо)	78
ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНИЯ ГРАФА ЭГМОНТА (Луи Галле)	90
ПРОШЕНИЕ КАРДИНАЛА О ЕГО БЛАГОСКЛОННОСТИ (Уолтер Гэй)	124
ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ, ПОЛУЧАЮЩИЙ ДАНЬ УВАЖЕНИЯ ОТ СВОЕГО НАРОДА (А. Менцель)	152
ВСТРЕЧА ВИКТОРА ЭММАНУИЛА И ГАРИБАЛЬДИ (Пьетро Альди)	204

Герои современной Европы

Глава I

Два Меча

В четвертом веке после Рождества Христова начался упадок Римской империи, которая была гордостью тогдашнего цивилизованного мира. Воины тевтонской расы вторгались в его великолепные города, без зазрения совести уничтожали самые дорогие и прекрасные из его старинных сокровищ. Храмы и изображения богов пали перед варварами, единственным страхом которых было умереть "на соломе", в то время как мраморные фонтаны и роскошные бани были разграблены как признаки самого бесславного состояния цивилизации. Театры погибли, а вместе с ними и пьесы греческих драматургов, которые не нашли настоящих преемников. Картины, статуи и здания были испорчены там, где они не были полностью разрушены. Латинская раса выжила, отчаянно сознавая свою исчезнувшую культуру.

Едва тевтонцы начали навязывать Империи грубые обычаи своей собственной расы, как сарацины, стремившиеся распространить религию Магомета, обрушились на Италию, где сопротивление сторожевых башен и замков было бессильно остановить их жестокие набеги. Нормандские пираты грабили берега Средиземного моря и плавали вверх по реке Сене, всегда одерживая легкие победы. Мадыяры, странная, кочующая раса, пришли с Востока и причинили много зла недавно поселившимся немцам.

С третьего по десятый век среди европейских народов произошли невероятные перемены. Ушли в прошлое сверкающие города Юга, поклонение искусству и науке, изысканная жизнь, наполненная научным досугом. Ушли в прошлое процветающие мануфактуры, поскольку у воина не было времени посвящать себя торговле. Любовь к литературе и престиж философа исчезли теперь, когда люди смотрели только на поле битвы, чтобы заслужить славу.

Внешне Средневековая Европа представляла печальный контраст с великолепием Империи, которая с каждым годом отдалялась. Уродливые города не пытались скрыть свое убожество, когда грязь была настолько естественным состоянием жизни, что рыцарь хвастливо подчеркивал свое презрение к чистоте, а красавица демонстрировала руки, не умеющие ухаживать должным образом. Одежда людей была плохо сшита и скудна, ей не хватало сурового изящества римской тоги. Мебель была грубо вытесана из дерева и расставлена на полах, которые, как правило, были неровными и устланы соломой вместо того, чтобы быть вымощенными мозаичным мрамором.

Однако внутренняя жизнь Европы была более чистой, поскольку она стремилась следовать учению Христа и проповедовала всеобщую любовь и терпимость, которые ставили на один уровень могущественного правителя и самых низких в его царстве. Свирепые духи, к сожалению, иногда забывали истину и предавались жестокой жажде преследований, что противоречило их вероучению, но самые святые теперь осуждали войну и восхваляли добродетели послушания и самопожертвования.

В то время как языческие греки и римляне искали красоту на земле, средневековые уныло верило, что мир - это место, где только несчастье может быть уделом человечества, которому было велено искать счастья и удовольствий в другой жизни. Грешники, спасаясь от искушения, спешили в монастыри, которые были основаны для того, чтобы дать людям возможность подготовиться к вечности. Семейная жизнь была разрушена, и все приятные социальные привычки прекратились. Брак был ловушкой, и даже любовь родителей могла оказаться опасной для преданного монаха. Странной была изоляция отшельника, который отказался очиститься или сменить одежду, желая превыше всего достичь того благословенного состояния, когда его душа забудет о своем теле.

Женщины также презирали притязания родственников и удалялись в монастыри, где избранным даровались видения после долгих молитв и поста. Монахиня опустилась на колени на голый каменный пол своей кельи, ожидая экстаза, который снизойдет на нее. Когда он снова прошел, она была близка к смерти, слабая и измученная, но вынужденная бороться до тех пор, пока ее земная жизнь не подошла к концу.

Крестовые походы, или Войны Креста, вывели Европу из состояния самого тягостного рабства. Невежество и варварство были озарены проблесками духовного света даже после того, как огромные армии были посланы, чтобы вырвать Иерусалим из рук неверных. Постыдные истории об обращении с паломниками к Гробу Господню вызвали в сердцах королей и принцев страстное негодование. Доблесть стала высшей, и все люди стремились встать в один ряд с крестоносцами — теми героическими солдатами, чьим делом было христианство и его защита. В конце десятого века бесчисленные паломники направлялись в Святую Землю, поскольку было предсказано, что в 1000 году нашей эры наступит конец света, когда тем, кто находится в

Иерусалиме, Городе Спасителя, будет хорошо. Бесчеловечное поведение турка вызвало бурное негодование, потому что оно лишило многих грешников спасения; и опасное путешествие на Восток считалось искуплением самых тяжких преступлений.

После первых бедствий, в которых погибло так много крестоносцев, прежде чем они достигли места назначения, Италия особенно начала извлекать выгоду из этих войн. Считалось более безопасным добираться до Иерусалима морем, садясь на суда в итальянских портах, которые принадлежали и были оборудованы итальянскими купцами. Венеция, Пиза и Генуя постепенно переняли торговлю древнего Константинополя, некогда не имевшего конкурентов на южном море. Константинополь был городом чудес для невежественных воинов из других стран, которые никогда и не мечтали о такой совершенной цивилизации, как та, которой обладала она. Преисполненные благоговения перед элегантностью и роскошью, они вернулись в свои дома с чувством неполноценности. Они встречались и сражались бок о бок с воинами с такими изысканными манерами, что им стало стыдно за собственную жестокость. Они видели странные костюмы и слушали незнакомые языки. Отныне ни одна нация Европы не могла быть полностью равнодушной к тому факту, что существует мир снаружи.

Вдов и безутешных не утешили знания, которыми с радостью поделился вернувшийся Крестоносец. Они были принесены в жертву гордыне, которая заставляла мужей и отцов продавать свои поместья и транжирить огромные суммы денег, чтобы они могли вооружить отряд последователей и с триумфом вести их на Священные Войны. Жалобы голодающих женщин привели к тому, что Ламбер Ле Беге, "заикающийся священник", собрал много золота и серебра. Он построил несколько небольших домиков для проживания Ордена Бегинес, новой общины сестер, которые не отделяли себя полностью от мира, а жили в мирном уединении, целыми днями занимаясь прядением и ткачеством.

Бегарды, или Братья-ткачи, взяли пример с этой деятельной гильдии рабочих и следовали тем же правилам простого благочестия. Они любили религиозные дискуссии и были мистиками. Они пользовались одобрением Рима до тех пор, пока не были учреждены новые ордена святого Франциска и святого Доминика.

В двенадцатом веке религия все больше приближалась к человечеству и нуждам земли. Таким образом, новые ордена пытались преодолеть пропасть между заблудшими и святыми, запрещая своим братьям уединяться от других людей. Происходила здоровая реакция на старую идею о том, что религиозная жизнь означает уход от соблазнов мира.

Святой Доминик, родившийся в Испании в 1170 году, был основателем "Ордена монахов-проповедников для обращения еретиков". Первой целью "*Domini canes*" (доминиканцев), или Гончих Господа, было нападать на любого, кто отрицал их веру. Жестокость могла практиковаться при правлении Доминика, который повелевал своим последователям вести людей любым путем к их окончательному спасению. Терпимость к свободной мысли и прогрессу не поощрялась, а жесткая дисциплина исправляла любого последователя сострадания. Одежда ордена была строго простой и состояла из длинной черной мантии поверх белой мантии. Братья жили в бедности и смиренно питались хлебом и водой.

Францисканцев в коричневых одеждах, соперничавших в более поздние времена с монахами Доминика, всегда учили любить человечество и быть милосердными к преступникам. Долгом Братьев-проповедников было предупреждать и угрожать; для *Frati Minori*, или Меньших Братьев,

было радостью ухаживать за больными и защищать беспомощных, заботясь даже о птицах и рыбах.

Святой Франциск родился в Ассизи в 1182 году в семье преуспевающего домовладельца и торговца тканями. Он пил и был весел, как любой другой юноша того времени, пока серьезная болезнь не избавила его от безумств. Посвятив свою жизнь Богу, он сложил на рыночной площади Ассизи все, что у него было, кроме рубашки на теле. Горькие упреки родственников тщетно преследовали его, когда он в нищенском виде отправился служить бедным и презируемым. Он любил Природу и ее создания, говоря о птицах как о "благородных" и поддерживая с ними тесное общение. Святой итальянец был против воинственных доктрин святого Доминика; он очень часто заключал мир между двумя партиями, известными как гвельфы и гибеллины.

Вельф было распространенным именем среди герцогов Баварии, и гвельфы, в целом, были сторонниками папства и этого герцогского дома, тогда как Вайблинген (гибеллины) получили свое название от замка в Швабии, вотчины врагов папы Гогенштауфенов. Именно при знаменитом императоре из Швабского дома борьба между папством и империей, "два меча", привлекла внимание остальной Европы.

В одиннадцатом веке папа Григорий VII одержал много заметных побед в поддержку своих притязаний на светскую власть. Он привез Генриха IV, гордого императора, перед именем которого трепетали люди, просить о помиловании в Каноссу и держал просителя в снегу с непокрытой головой и босыми ногами, чтобы тот мог вынести последние унижения. Затем судьба войны изменилась, и папа был схвачен в церкви Святого Петра в Риме Ченчо, вспыльчивым дворянином, который держал его в тесном заключении. Было легче господствовать над принцами, которых ненавидели многие из их собственных подданных, чем подавлять вражду, вызванную попыткой господства в Вечном городе.

Иногда папе удавалось избрать императором сторонника партии гвельфов. С другой стороны, было слышно, как император оплакивал избрание верного друга на папский престол, потому что он верил, что ни один папа никогда не сможет быть истинным гибеллином.

Некоторые принцы из Дома Гогенштауфенов были слишком горды, чтобы признать власть, которая угрожала сокрушить их могущество в Италии. Генрих VI был правителем, которого современники боялись как безжалостного до последней степени. Он сжигал людей заживо, если они его оскорбляли, и без угрызений совести приказывал обмазывать виновных дегтем и ослепить. Он был такого вспыльчивого характера, что у папы не хватило смелости потребовать от него оммажа вассала. Именно Фридрих II, сын Генриха, вступил в конфликт с папством настолько яростно, что все его соседи с ужасом наблюдали за происходящим.

Папа Григорий IX не желал пощады и отлучил императора от церкви за то, что он не смог отправиться в крестовый поход из-за эпидемии в своей армии. Духовенству было приказано собраться в церкви Святого Петра и бросить вниз зажженные свечи, пока папа проклинал императора за нарушенное обещание, грех против религии. Весть об этой церемонии распространилась по всему миру, обе стороны обратились к князьям Европы за помощью в разрешении этой ссоры. Фридрих пренебрег папским указом и отправился отвоевывать Иерусалим у неверных, как только его солдаты пришли в себя. Он взял город, но должен был короновать себя как короля, поскольку никто другой не стал бы служить человеку вне Церкви.

Фридрих велел благочестивым мусульманам продолжать молитвы, которые они прекратили бы из уважения к христианскому правителю. Он отбросил все суеверия того времени, за исключением изучения астрологии, и был ученым с широкой репутацией, получавшим удовольствие от переписки с учеными.

Арабы не восхищались личностью Фридриха, считая, что за него вряд ли можно было бы получить высокую цену, если бы он был рабом! Он был лыс и обладал слабым зрением, хотя в целом считался грациозным и привлекательным. По умственным способностям он превосходил самых выдающихся в своем доме, который всегда славился своим интеллектом. Он родился в Палермо, "городе трех языков"; поэтому греческий, латынь и арабский были одинаково знакомы. Он был дерзок в речи, широк во взглядах и космополитичен по привычкам. Он основал Неаполитанский университет и поощрял изучение медицины; он перевел греческий Аристотеля и сам установил моду на сочинение стихов, которое вскоре должно было стать развлечением каждого двора в Италии.

Папа добился большего успеха в состязании языков, чем доказал это на полях сражений, которые были усеяны телами как гвельфов, так и гибеллинов. В 1230 году он обедал за одним столом со своим врагом, но мир между ними продолжался недолго. В свою очередь, они одержали победу, столкнув друг с другом две армии Креста, последователей папы Римского, сражающихся под знаменем Ключей Святого Петра как защитника истинной христианской Церкви от ее угнетателей.

Папа Иннокентий IV, сменивший Григория, показал себя очень хитрым противником. Он мог бы одержать легкую победу над Фридрихом II, если бы требования папства не вызвали гнев стран, где он искал убежища после своих первых неудач. Бесплезно было объявлять в Лионе, что император низложен, когда вся Франция взывала к жадности прелатов. Изнурительная борьба продолжалась до тех пор, пока самим крестьянам не пришлось охранять их работу рыцарями, высланными из городов следить, чтобы их не взяли в плен. Это был день разбойника, и все было в его руках, если бы он был достаточно смел, чтобы ухватиться за это. Военнопленные подвергались ужасным пыткам: их подвешивали за ноги и за руки в надежде, что друзья скорее выкупят их. Деревни были сожжены дотла, и волки выли рядом с убежищами людей, ища пищу, чтобы утолить свой неистовый голод. Говорили, что свирепые звери прогрызали стены домов и пожирали маленьких детей в их колыбелях. Италию раздирали конфликты, который разделил одну провинцию от другой и даже поставил жителей одного города по разные стороны баррикад и вызвал раздор в самых знатных семьях.

Флагелланты прошли процессией по стране, призывая к миру, но принося смуту. Сторонники императора поспешили изгнать их с территории, которой они управляли, но они не смогли избавить людей от ужасного страха, внушаемого босоногими фигурами в черных одеждах, с ветвями и свечами в руках и святым Крестом, пылающим красным перед ними.

Одно поражение за другим приводило Дом Гогенштауфенов под контроль Церкви, которой они так смело бросали вызов. Собственный сын Фридриха восстал против него, и лагерь Фридриха был разрушен армией гвельфов. Император жил великолепно, производя большее впечатление на мировую историю, чем любой другой принц из этого прославленного рода, но он умер в час поражения, с горечью ощущая, каким великим триумфом будет его смерть для папы-победителя.

Был конец 1250 года, когда весть о смерти Фридриха II медленно распространилась по его империи. Многие отказывались им верить и много лет спустя заявляли, что Император все еще жив под могучей горой. Казалось, мир все еще сотрясается от вибрации той смертельной борьбы. Остались Конрад и Конрадин, а также Манфред, любимый сын Фридриха, но их правление было коротким и отчаянным, и когда они тоже миновали, средневековые вступило в другую эпоху. "Двум мечам" папства и империи еще предстояло пронзать и ранить, но борьба между ними уже никогда не казалась такой мощной после того, как исчез дух, вдохновлявший Конрадина, последнего из Швабского дома.

Этого молодого принца повели на эшафот, где он решительно заявил о своих притязаниях на Неаполь выше притязаний Карла, графа Анжуйского, который считал его вотчиной папства. Тогда Конрадин осмелился бросить свою перчатку народу, приказав им отнести ее Петру, принцу Арагонскому, как символ, которым он передавал права, которых только смерть могла лишить его.

Глава II

Данте, Божественный Поэт

В 1265 году все еще существовали гвельфы и гибеллины, но старые названия частично утратили свое значение во Флорентийской республике, где граждане ежедневно дрались, одна фракция против другой. Дворяне, тем не менее, были связаны с императором, поскольку происходили из того же тевтонского рода, и бюргеры часто искали покровительства очень могущественного папы, надеясь таким образом сохранить столь любимую ими независимость.

Но часто гвельфы и гибеллины не интересовались ничем за пределами стен Флоренции. Флорентийская кровь была горячей и быстро воспламенялась желанием отомстить за оскорбление. Семейная вражда горячо поддерживалась в таком узком и ревностном сообществе. Если мужчина толкал другого на улице, это было оправданием для драки, которая могла закончиться ужасным кровопролитием. Страх изгнания не был сдерживающим фактором для сражающихся. Партия гвельфов прогоняла гибеллинов после того, как там происходили какие-нибудь позорные беспорядки. Затем *фуори* (снаружи) были отозваны, потому что их собственная фракция снова была у власти, и, в свою очередь, гвельфы были изгнаны гибеллинами. В 1260 году даже поговаривали о разрушении знаменитого города в Тоскане. Флоренция была бы стерта с лица земли, если бы лидер партии, Фарината дельи Уберти, не проявила неожиданный патриотизм, который спас ее.

Флоренция достигла могущества благодаря своей торговле, занимая высокое место среди итальянских городов, сбросивших феодальное иго и ставших республиками. Богатство давало гражданам досуг для изучения искусства и литературы и для постижения высшей цивилизации процветающего государства. Итальянцы того времени были носителями языка Европы и как таковые имели сношения со всеми значимыми нациями. Они были особенно успешны как банкиры, флорентийские граждане среднего достатка, сколотившие такие огромные состояния благодаря финансам, что опередили дворян, которые жили за воротами и проводили все свое время в сражениях. Гильдии Флоренции объединяли людей одного ремесла, а также поощряли совершенство в различных отраслях. Ювелиры предлагали чудесные изделия для покупки состоятельному дилетанту. Шелк был натуральным материалом, а бумагу нужно было производить в таком месте, где Юридическая школа привлекала иностранных ученых.

Рим славился былым великолепием и пурпуром имперской гордости. Венеция была центром мировой торговли и посылала флоты на восток и запад, груженные драгоценными грузами, что придавало ей уникальное положение среди пяти республик. Болонья привлекала студентов из всех столиц Европы в свои древние университеты. Милан был центром обучения даже во времена римского владычества, и император Максимилиан сделал его столицей Северной Италии. Флоренция, несколько омраченная такой славой, все же могла похвастаться самым древним происхождением. Разве Фаэсулы, лежащие недалеко от нее, не были первым городом, построенным после того, как Потоп смыл жилища людей и оставил землю совершенно опустошенной? *Fia sola* — "Оставь ее в покое" — эти слова эхом разносились по всей округе и были гордостью Флоренции, раскинувшейся на улыбающейся плодородной равнине, где процветало все. Флорентийцы становились самостоятельными по мере того, как проходили Средние века; это были люди с хитрыми руками и мозгами, всегда стремившиеся зарабатывать деньги и тратить их на приобретение роскоши и красоты, которых жаждала их натура. "Флорин" был обязан своей популярностью процветанию торговли на тех самых улицах, где колокол, известный как "большая корова", так громко звонил, призывая горожан на бой. Золотые монеты разносили славу прекрасного итальянского городка по другим странам, и он так часто менял владельцев, что его процветание было очевидным.

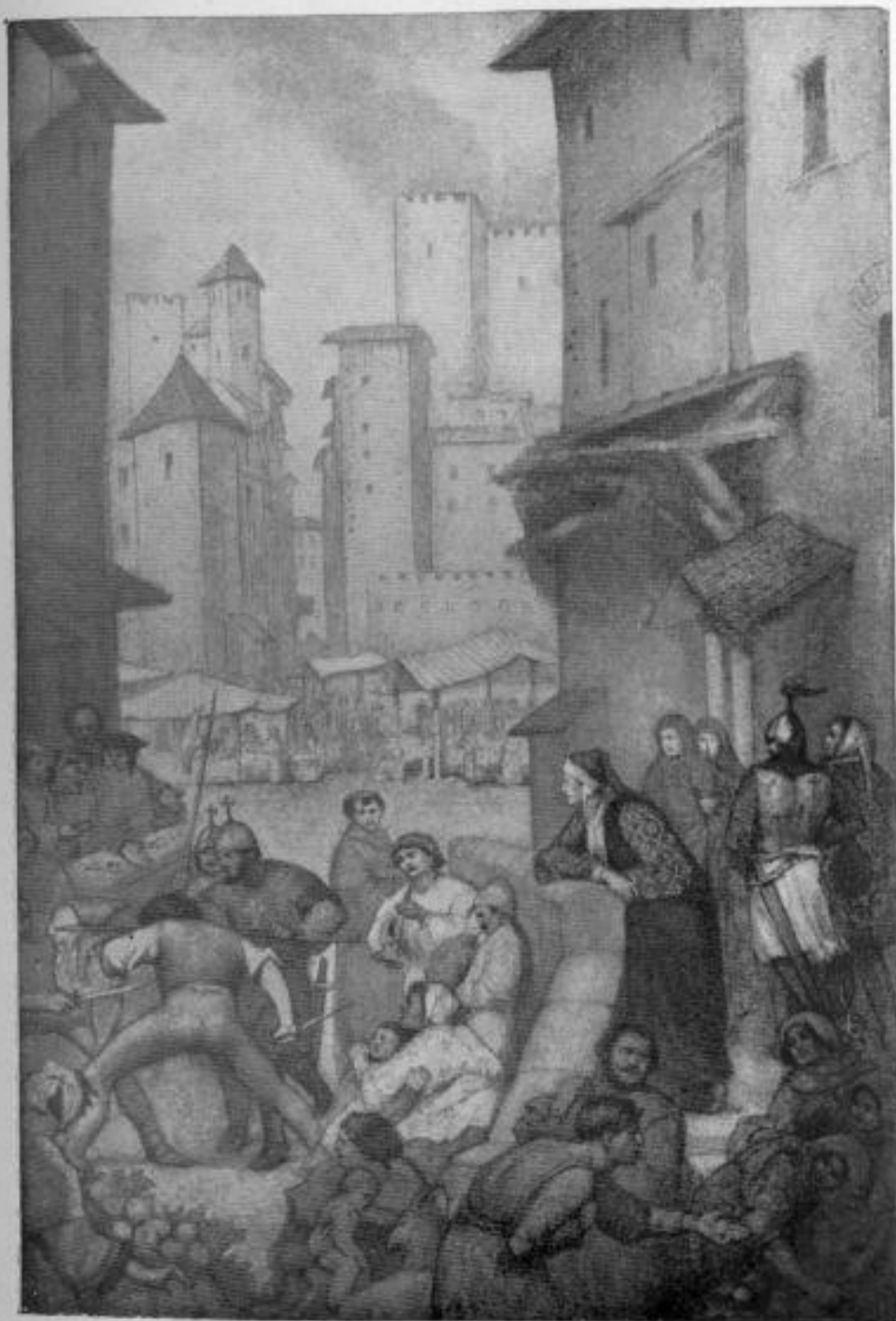
Флоренция выглядела очень красиво, когда Дуранте Алигьери появился на свет, потому что он родился майским утром, когда флорентийцы устраивали праздник. В высоких серых домах, окружавших маленькую церковь Сан-Мартино, царили веселье и шутки. Алигьери жили в этом квартале, но более скромно, чем их прекрасные соседи, Портинари, Донати и Черчи.

Портинари по-королевски отпраздновали май 1275 года, пригласив всех своих друзей на веселое сборище. На этом *празднике* Данте Алигьери встретил Беатриче, маленькую дочь хозяина, и сбылась давняя мечта его жизни, ибо с той первой юношеской встречи он идеализировал ее красоту.

"Ее платье в тот день было самого благородного цвета, приглушенного и красивого малинового, с поясом и украшениями, которые лучше всего соответствовали ее очень нежному возрасту. В тот момент я говорю совершенно искренне, что дух жизни, обитающий в самой тайной комнате сердца, начал дрожать так сильно, что малейшие импульсы моего тела сотрясались вместе с ним; и, дрожа, он произнес эти слова: *"Спасибо Тебе за меня, за то, что ты вениенс доминируешь надо мной."* С того времени Любовь правила моей душой..."

С тех пор Данте ждал видения Беатриче, сплетая вокруг нее все поэтические фантазии своей юности. Должно быть, он видел ее много раз, но между ними не было сказано ни слова, пока не прошло девять лет, и он случайно не увидел ее во всем сиянии ее женственности. Она находилась "между двумя благородными дамами, которые были старше ее; и, проходя мимо по улице, она обратила свой взор к тому месту, где я стоял очень робко, и в своей невыразимой вежливости приветствовала меня так грациозно, что мне показалось, тогда я увидел вершины всякого блаженства. И поскольку это был первый раз, когда ее слова дошли до моих ушей, они были так сладки для меня, что, как пьяный, я оставил всех своих спутников и, удалившись в уединенное убежище своей комнаты, стал думать об этой самой учтивой особе, и, думая о ней, я погрузился в сладкий сон, в котором мне явилось чудесное видение". Поэт описал это видение в стихах — это была Любовь, несущая в одной руке спящую женщину, а в другой пылающее сердце Данте. Он пожелал, чтобы на написанный им сонет откликнулись "все верные последователи любви", и был удовлетворен быстрым ответом Гвидо Кавальканти, снискавшего известность как рыцарь и менестрель.

Данте стал другом этого пожилого поэта, и его вдохновила его фантастическая история первых лет его жизни и его фантастическое обожание Беатриче Портинари. "*Новая жизнь*" была прочитана окружением поэта, которое с сочувствием интересовалось деталями драмы. Молодой влюбленный не признался в своей любви "младшему из ангелов", но продолжал боготворить ее еще долго после того, как она вышла замуж за Симону де Барди.

Dante in the Streets of Florence
Evelyn Paul

22

Данте на улицах Флоренции (Эвелин Пол)

Однако Данте окунулся в более грубую жизнь Флоренции и взял в руки оружие для защиты фракции гвельфов, к которой принадлежала его семья. Он сражался в 1289 году в битве при

Кампальдино против города Ареццо и гибеллинов, которые овладели этим городом. Флоренция в его детстве была на удивление мирной, потому что в то время гвельфы были ее непрекаемыми хозяевами. Должно быть, для флорентийцев было облегчением вступить во внешнюю войну!

Данте доблестно сыграл свою роль на поле битвы, затем вернулся к удивительной отстраненности от борьбы фракций. Он был поражен серьезными опасениями, что Беатриче должна умереть, и глубоко скорбел, когда это печальное событие произошло на девятый день одного из летних месяцев 1290 года. "На девятом году их знакомства, девять лет спустя они поговорили; она умерла в девятый день месяца и девяностый год столетия".

Настоящая жизнь поэта началась с женитьбы, когда ему было двадцать восемь лет, поскольку он вступил в союз с благородным Донати, женившись на Джемме из этого дома. О жене мало что известно, но она родила семерых детей и, похоже, была преданной. Данте все еще хранил в своем сердце духовную любовь к Беатриче и задумал чудесное стихотворение, в котором она должна быть достойно воспета.

Данте начал исполнять обязанности гражданина в 1293 году, когда жители Флоренции восстали против знати и отняли у них всю политическую власть. Отныне аристократической партии приходилось смиряться с унижением, записываясь в члены какой-либо гильдии или искусства, если они хотели иметь политические права в Республике. Поэт был не слишком горд, приняв этот курс, и был должным образом занесен в реестр искусства врачей и аптекарей. Не было необходимости в том, чтобы он изучал медицину, поскольку регулирование было простой формой, вероятно, для реализации идеи о том, что каждый гражданин, обладающий привилегией, должен заниматься какой-либо профессией.

Процветание Республики не было разрушено этой мелкой революцией. Были построены церкви и заложены камни для новых стен Флоренции. Отношения с другими государствами требовали услуг любезного и тактичного посольства. Данте стал послом и преуспел в организации дипломатического дела и в содействии благосостоянию своего города. Он был слишком занят важными делами, чтобы обращать внимание на каждую жалкую ссору флорентийцев. Могущественные донати теперь проявляли опасную враждебность к богатым черчи, своим ближайшим соседям. Данте выступал в качестве посредника, когда у него находилось время выслушивать жалобы. Вероятно, он больше сочувствовал народному делу, которое поддерживали черчи, чем высокомерию семьи своей жены.

Вражда Донати и Черчи была усилена вторжением семьи из Пистойи, которая разделилась на две отдельные ветви — бьянки и нери (белые и черные) - и обнажила свои мечи друг против друга. Черчи предпочли поверить, что Бьянки были правы, и, конечно же, Донати встали на сторону Нери. Первоначальный спор был давно забыт, но любой предлог послужил бы двум фракциям, жаждущим борьбы. На майском празднике произошла драка, в ходе которой несколько человек были ранены.

Данте был рад отвлечься от всех своих раздоров, когда наступил последний год тринадцатого века и он отправился в паломничество в Рим. На Пасху весь мир, казалось, стекался на этот торжественный праздник католической церкви, где заблудшие могли получить индульгенцию, посвятив пятнадцать дней молитве. И все же сам перерыв в обычной жизни, полной аудиенций и путешествий, должен был быть благодарен уставшему послу. Он начал размышлять о

поэтических целях своей первой юности и о работе, которая должна была обессмертить имя Беатриче. Некоторые строки нового стихотворения были написаны на латыни, которая в то время была лучшим языком для выражения великой темы. Поэту пришлось отказаться от своего плана, по крайней мере, на время, когда в июне 1300 года он стал одним из приоров, или верховных правителей Флоренции.

В течение короткого срока правления Данте предпринимались некоторые попытки урегулировать острый вопрос о соперничающих партиях. Оба, без сомнения, заслуживали наказания и получили его в виде изгнания глав фракций. "Данте применил весь свой гений, каждое действие и мысль, чтобы вернуть республике единство, продемонстрировав более мудрым гражданам, как даже великие гибнут из-за разногласий, в то время как малые растут и преумножаются бесконечно в условиях мира"

Очевидно, Данте не всегда добивался успеха в своих попытках объединить своих сограждан. Иногда он говорил об отставке и уходе в частную жизнь, против чего выступали его друзья по должности. Когда проигравшая сторона решила попросить папу Бонифация назначить арбитра для разрешения их споров, весь дух Данте восстал против отсутствия у них патриотизма. Он охотно отправился с посольством, желая, чтобы Карл, брат или двоюродный брат короля Франции Филиппа, который был избран для управления государством Флоренция, с дружескими чувствами примкнул к его партии, если его прибытие нельзя будет предотвратить. По какой-то неизвестной причине он остался в Риме с другими послами, в то время как его партия во Флоренции потерпела поражение и ему, как и другим лидерам, был вынесен приговор об изгнании.

Данте любил город, в котором родился, и был полон решимости вернуться из изгнания. Он присоединился к банде *fuor-usciti*, или "отверженных", которые в то время замыслили изменить свою судьбу. Его не волновало, были ли они гвельфами или гибеллинами, в его страстном стремлении склонить их к решительным действиям, которые восстановили бы его в правах гражданина Флоренции. Он без зазрения совести обращался за иностранной помощью против несправедливых флорентийцев. Благодаря его яростным усилиям было предпринято вооруженное покушение на Флоренцию, но оно провалилось, как и второй заговор в течение трех лет, и к 1304 году поэта охватило отвращение к своим товарищам за воротами. Он отвернулся от них и поступил в Болонский университет.

Жена Данте осталась во Флоренции, спасаясь от опасностей, возможно, потому, что принадлежала к могущественной семье Донати. Теперь она отправила своего старшего сына Пьетро к его отцу с мыслью, что он должен начать свое обучение в древнем центре знаний.

После двух лет спокойной жизни, проведенных за написанием своего *Эссе о красноречии* и чтением философии, изгнанник был изгнан из Болоньи и вынужден был укрыться у дворянина из семьи Малеспина. Он терпеть не мог получать покровительство и был благодарен за то, что принялся за работу над своей незаконченной поэмой "Ад", которую ему прислали из Флоренции. Усталость изгнания была забыта, когда он написал великие строки, которым суждено было прозвучать в веках и доказать, какого человека отвергли его сограждане из-за мелочного желания мести и ревнивой ненависти. В юности он писал прекрасные стихи, повествующие о любви, рыцарстве и прекрасных женщинах. Теперь он выбрал темой своего творчества загробный мир и страдания тех, чьи тела покинули землю, а души ждут искупления.

"Там, куда я плыву, никто не бороздил моря" - таковы были его слова, свидетельствующие о намерении выйти за более узкие рамки всех поэтов до него.

"На полпути этой нашей смертной жизни,
я нашел одного в мрачном лесу, заблудившегося,
Сбившегося с прямого пути; и даже когда я говорю, что
Это была нелегкая задача, насколько диким был этот
лес, насколько мощной и неровной была его поросль,
При одном воспоминании о котором мое смятение
возобновляется с горечью недалеко от смерти".

Итак, поэт спустился в воображении в подземный мир, который, как он представлял, простирается широкими кругами от водоворота греха и страданий до точки богоподобного экстаза. С Вергилием в качестве проводника он прошел через темные порталы с их торжественным предупреждением.

"Через меня люди попадают в город великой скорби,
Через меня люди попадают в бесконечные страдания,
Через меня люди попадают туда, куда попадают все потерянные".

В 1305 году *Ад* был завершен, и Данте оставил его монахам некоего монастыря, а сам отправился в далекую страну. Братство нетерпеливо расспрашивало его, спрашивая, почему он решил написать стихотворение на итальянском, поскольку вульгарный язык, казалось, неподобающим образом облакал такую замечательную тему. "Когда я рассмотрел состояние нынешнего века, - ответил поэт, - я увидел, что песнями самых прославленных поэтов пренебрегли больше всего, и по этой причине благородные люди, которые когда-то писали на подобные темы, теперь оставили (о! жаль) свободные искусства для толпы. Для этого я отложил чистую лиру, которой меня снабдили, и приготовил для себя другую, более приспособленную к пониманию современников. Ибо напрасно давать грудным детям твердую пищу".

Данте бежал из Италии и снова сел на студенческую "охапку соломы", выбрав Париж в качестве своего следующего убежища. Там он обсуждал ученые вопросы с мудрецами Франции и терпел много лишений, а также муки тоски по Флоренции, своему любимому городу, который, казалось, забыл о нем. Надежда зародилась в его груди, когда новоизбранный император Генрих Люксембургский решил вторгнуться в Италию и усмирить мятежный дух гордых республик. Был отдан приказ, чтобы Флоренция раз и навсегда уладила свою вражду, но флорентийцы в гневе отказались признать императорскую власть над своими делами и, вспомнив определенное количество изгнанных, отказались упомянуть имя Данте.

Данте в своем яростном негодовании призвал императора осадить город, который сопротивлялся его императорским указам. Штурм не увенчался успехом, и Генрих Люксембургский погиб, так и не выполнив своего похвального намерения сделать Италию более мирной.

Данте жил под защитой могущественного Угуччоне, правителя Пизы, пока писал *"Чистилище"*. Вторая часть его эпоса посвящена региону, лежащему между подземным миром мучений и небесными высотами самого Рая. Здесь души людей должны были очиститься от своих грехов, чтобы они могли стать чистыми в своем последнем экстазе.

Восстание против своего покровителя побудило поэта последовать за ним в Верону, где они оба жили в дружбе с молодым принцем Кане делла Скала. Более поздние песни великой поэмы *"Божественная комедия"* были отправлены этому правителю в том виде, в каком они были написаны. Кейн любил литературу и ценил Данте так высоко, что изгнанник на какое-то время был тронут, забыв о своей горечи. Он посвятил *"Парадизо"* делла Скала, но ему пришлось отказаться от трудной задачи достойного прославления Беатриче и посвятить себя какой-нибудь скромной должности в Вероне. Неполноценность его положения раздражала того, кто считал Вергилия и Гомера равными себе в мире литературы. Он утратил все свое безмятежное спокойствие души, и его лицо выдавало надменное нетерпение его духа. Воистину, он не был подходящим товарищем для шутов, среди которых ему слишком часто приходилось сидеть во дворцах, где он принимал щедрые пожертвования. Он не всегда мог завоевать уважение силой своих темных и пронзительных глаз, поскольку обладал немногими достоинствами личности и пренебрегал добродушными манерами. Размышляя о пренебрежении и несправедливости, он стал настолько отталкивающим, что Кейн втайне испытал облегчение, когда бездумное, жестокое легкомыслие изгнало поэта со двора. Возможно, его никогда не волновало, что Данте, сочиняя заключительные песни своей поэмы, к сожалению, решил не посылать их своему бывшему благодетелю.

Последней целью странствий Данте был древний город Равенна, где его гений почитался великими, и он получал меланхолическое удовольствие от удивления людей, которые отступали с его пути и шептались друг другу: "Видишь ли ты того, кто отправляется в ад и возвращается снова, когда ему заблагорассудится?" Слава *Божественной комедии* была известна всем, и люди были поражены великолепной дерзостью *Ада*.

Однако Данте все еще был изгнанником, когда смерть забрала его в 1321 году, и Флоренция упорно отказывалась платить ему дань уважения. Он был похоронен в Равенне, и над его могилой в маленькой часовне была сделана надпись, упрекающая его родной город в равнодушии.

*"Hic claudor Dantes patriis extorris ab oris,
Quem genuit parvi Florentia mater amoris."*

"Здесь заключен я, Данте, изгнанный из моей родной страны,
Которого родила Флоренция, мать, которая мало любила его".

Глава III

Лоренцо Великолепный

Борьба, в которой Данте сыграл ведущую роль, не прекращалась в течение многих лет после смерти поэта в изгнании. Флорентийцы оказались настолько неспособными управлять своим собственным городом, что им пришлось признать иностранный контроль и склониться перед Верховными лордами, прибывшими из Неаполя. Последний из них умер в 1328 году, и ему наследовал герцог Афинский. Этот тиран пробудил старый дух народа, который в прежние дни отстаивал свою независимость. Он был изгнан из Флоренции в День Святой Анны, 26 июля 1343 года, и с тех пор годовщина этой храброй борьбы за свободу отмечалась громким ликованием.

The *Чомпи*, или рабочие классы, восстали в 1378 году и потребовали повышения заработной платы. Они подвергались жестокому угнетению со стороны знати и были воодушевлены всеобщим духом восстания, охватившим крестьянство Европы. Они были достаточно сильны во Флоренции, чтобы создать новое правительство с одним из них в ранге главного судьи. Но демократия не продержалась долго, и к власти пришел богатый купеческий класс. Такие семьи, как Альбицци и Медичи, вполне могли купить благосклонность народа.

Существовало предание, что флорентийский банкирский дом Медичи был на стороне народа в той борьбе, которая раздирала Флоренцию. Они, безусловно, были прирожденными лидерами и очень хорошо понимали природу своих беспокойных сограждан. Они неуклонно набирали влияние во время правления своих соперников, прославленных Альбицци. Когда Козимо деи Медичи был изгнан, было знаменательно, что тот же самый народный съезд, который отозвал его, отправил Ринальдо дельи Альбицци в изгнание.

Козимо деи Медичи избавлялся от врагов бессовестным методом своих предшественников, изгоняя за стены последователей любой партии, выступавшей против него. Он решил управлять флорентийцами так ловко, чтобы они не осознали его тирании. Он был вполне готов потратить сокровища своих предков на украшение государства, которым управлял, и, среди прочего, построил знаменитый монастырь Святого Марка. Фра Анджелико, монаху-художнику, было поручено покрыть его белые стены фресками, которые пришлось по вкусу монахам.

Таким образом, Козимо приобрел репутацию щедрого человека, проявляющего благосклонный интерес к развитию гениальности. До этого монах посвящал свое время освещению рукописей и был рад трудиться во славу Божию таким образом, чтобы это мог видеть весь монастырь. Он не

желал ни выгоды, ни похвалы для себя, но он знал, что его прекрасное видение будет унаследовано его Церковью и что оно может вдохновить других его братьев.

Золотой век итальянского искусства переживал свой расцвет при Козимо деи Медичи. Художников и архитекторов не беспокоили беспорядки, отвлекавшие соперничающие группировки от их повседневной работы. Они возводили чудесные здания во Флоренции даже в то время, когда партийные настроения были настолько сильны, что это принесло бы само существование города в жертву их злобе. Величественный собор начал подниматься еще до изгнания Данте, но колокольни не было до 1334 года, когда Джотто заложил первый камень в основание *Кампанилы*, откуда колокола будут звонить еще много веков. Художник завершил свой шедевр в 1387 году, за два года до рождения Козимо. Это послужило стимулом для патристически настроенных флорентийцев дополнить благородные здания своего города. Церковь Сан-Лоренцо была обязана своим существованием дому Медичи, который привлекал людей своей высокой оценкой любого гения.

Козимо был ученым и приветствовал ученых греков, бежавших из Константинополя, когда этот город был взят турками в 1453 году. Он основал Платоновскую академию во Флоренции, чтобы его гости могли обсуждать философию на досуге. Он утверждал, что находил утешение во всех несчастьях своей жизни в трудах грека Платона и довольно демонстративно читал их в часы тяжелой утраты. Он собрал столько классических рукописей, сколько его агенты смогли обнаружить во время своих путешествий по Европе, и перевел их для удобства ученых. У него была привычка умиротворять Альфонсо Неаполитанского подарком в виде золота и драгоценностей, но как только в его руки попал том Ливия, латинского историка, он отправил бесценное сокровище своему союзнику, зная, что неаполитанский принц питает огромное уважение к учености. Козимо, по правде говоря, никогда не стремился использовать подобные находки в личных целях, но всегда щедро выставлял их в публичных библиотеках. Он покупал произведения искусства, чтобы поощрять изобретательность флорентийских мастеров, и платил высокую цену за любой новый дизайн, потому что ему нравилось думать, что его доброжелательность способствует благосостоянию города.

Козимо защищал коммерческие интересы Флоренции, отождествляя их со своими собственными. Он знал, что мир необходим для внешней торговли, и старался поддерживать дружеские отношения с соседями, враждебность которых могла бы ее разрушить. Он жил просто в частной жизни, но ему нужно было богатство, чтобы поддерживать свое положение покровителя искусства и Новых Знаний; он также не жалел денег, которые щедро расходовались на великолепные зрелища, любимые необразованными людьми. Он знал, что ничто так легко не лишит флорентийцев их древней любви к свободе, как опыт чувственных наслаждений, в которых все южные расы находят некоторое удовлетворение. Он великолепно развлекал гостей Республики, чтобы на них произвела впечатление безопасность его незаконного правительства.

Лоренцо, внук Козимо деи Медичи, продолжал свою политику. Это увенчалось успехом, поскольку флорентийцы по собственной воле подчинились власти второго тирана.

"Поэты всех мастей, нежные и простые, с золотой кифрой и деревенской лютней, съезжались отовсюду, чтобы оживить ужины в "Магнифико"; приветствовался любой, кто воспевал оружие, любовь, святых, дураков, или тот, кто, выпивая и шутя, развлекал компанию.... И для того, чтобы люди не были исключены из этого нового блаженства (что было важно для Магнифико), он

сочинил и привел в порядок множество мифологических представлений, триумфальных колесниц, танцев и всевозможных праздничных торжеств, чтобы утешить и восхитить их; и таким образом ему удалось изгнать из их душ всякое воспоминание об их древнем величии, сделать их нечувствительными к бедам страны, лишить их избирательных прав и унижить их посредством временной легкости и опьянения чувств".

Лоренцо Великолепный был наделен чарами, которые от природы действовали на людей, любящих красоту. Он был очень тщательно обучен благоразумным Козимо, так что преуспел в физических упражнениях, а также мог претендовать на место среди самых интеллектуальных людей Флоренции. Несмотря на исключительно дурную внешность, он обладал личными качествами, которые привлекали мужчин и женщин. Он не жалел усилий, чтобы выглядеть великолепно всякий раз, когда появлялся на публике. На турнирах он надевал костюм, украшенный золотой и серебряной нитью, и демонстрировал большой медичский бриллиант — *Il Libro* — на своем щите, на котором была изображена *лилия* Франции в знак дружбы между Медичи и этой нацией. Звуки барабанов и флейт возвестили о приближении Лоренцо Великолепного, и радостные возгласы приветствовали его победителем, когда он покидал поле боя, неся желанный серебряный шлем в качестве трофея.

Лоренцо боготворил даму, которая подарила ему букетик фиалок в знак уважения, согласно законам рыцарства. Он писал сонеты в честь Лукреции Донати, но не был волен жениться на ней, поскольку великий дом Медичи казался выше ее семьи. Невеста, выбранная для того, чтобы удостоиться чести сочетаться браком с правителем Флоренции, была римлянкой столь знатного происхождения, что не считалось необходимым, чтобы она приносила значительное приданое. Клариса Орсини была ослеплена на своем свадебном пиру роскошью семьи, в которую она вошла.

Церемония состоялась во Флоренции в 1469 году и дала повод для расточительного гостеприимства. Невеста принимала своих гостей в саду виллы, где ей предстояло править в качестве хозяйки. Молодые замужние женщины окружили ее, восхищаясь роскошью ее одежды и прихорашиваясь в богатых нарядах, которые они надели по этому великому случаю. В верхней комнате виллы мать жениха приветствовала своих друзей зрелых лет и снисходительно прислушивалась к звукам веселья, доносившимся из галерей внутреннего двора. Лоренцо сидел там с знатными флорентийцами, собравшимися почтить его помолвку. Пир был накрыт с торжественностью, отличавшейся от остроумия и смеха, характерных для галантной компании. Рев труб возвестил о появлении блюд, которые, как правило, были простыми. Подавая мясо, стюарды и резчики низко кланялись; их задача была далеко не легкой, поскольку изобилие было правилом дома Медичи. Для свадьбы было заготовлено не менее пяти тысяч фунтов сладостей, но следует помнить, что банкеты продолжались непрерывно в течение нескольких дней, и самый скромный гражданин мог присутствовать на гостеприимных трапезах жениха и его родственников. Сельские жители прислали обычные подарки - жирных кур и каплунов, и были встречены столь же любезно, как и гостям, которые подносили кольца, парчу или дорогие иллюстрированные рукописи.

После женитьбы Лоренцо был призван отправиться в зарубежную миссию. Он отправился в Милан и там выступил поручителем сына правящего герцога Галеаццо Сфорца, чтобы скрепить союз. Он подарил герцогине Миланской золотой ошейник, усыпанный бриллиантами, и ответил, как подобает ему, когда она выразила надежду, что он будет крестным отцом всех ее

детей! Долгом Лоренцо было выступать в роли хозяина, когда герцог Миланский приезжал с визитом во Флоренцию. Его не смущала длинная вереница слуг, следовавших за герцогом, поскольку он знал, что этих богато одетых воинов можно подкупить, чтобы они сражались за его государство, если он примирит их господина. Однако во Флоренции нашлись граждане, которые испугались варварской показухи своего союзника. Они восприняли пожар, вспыхнувший в церкви, как божественное порицание мистерии, разыгранной в честь их гостей, и с явным облегчением закрыли свои ворота перед герцогом Миланским и его гордыми войсками.

Лоренцо не проявил слабости, когда город Вольтерра восстал против Флоренции, которая пользовалась правами защитника. Он очень жестоко наказал жителей, изгнав всех лидеров восстания и отняв у вольтерранцев привилегию самоуправления. Его враги намекали, что он вел себя деспотично, чтобы обеспечить себе определенные права на добычу полезных ископаемых на этой территории, и возлагали на него ответственность за разграбление Вольтерры, хотя он утверждал, что отправился предложить помощь тем жителям, которые потеряли все.

Но война из-за заговора Пацци стала настоящим испытанием на прочность правительства Медичи. Оно пришло на смену периоду высокого процветания Флоренции, когда ее правитель был польщен признанием многих иностранных держав и чувствовал свое положение настолько прочным, что мог спокойно посвящать много свободного времени близкому по духу изучению поэзии и философии.

В период с 1474 по 148 годы Лоренцо сумел навлечь на себя ревнивую ненависть папы Сикста IV, который был полон решимости стать величайшей силой в христианском мире. Этот понтифик умело разорвал союз Неаполя с Флоренцией и Миланом, пообещав довольствоваться номинальной данью в виде двух белых лошадей каждый год вместо солидной ежегодной суммы, которую она обычно требовала от этого вассала. Он особенно поздравил себя с этим политическим ходом, потому что считал Венецию слишком эгоистичным коммерческим государством, чтобы объединиться со своими итальянскими соседями и таким образом сформировать еще один Тройственный союз. Затем он перешел на сторону герцога Урбино, который был лидером флорентийской армии. Он также помешал амбициям флорентийской торговли, купив башню Имола у Милана. Медичи, жаждавшие заключить выгодную сделку для своей торговли с Востоком, были слишком возмущены, чтобы ссудить деньги, которые они, как банкиры папства, должны были предоставить. Они предпочитали видеть своих соперников, крупный римский банкирский дом Пацци, сговорчивыми с папой, даже если это могло означать смертельный удар по их превосходству.

Надежды Лоренцо на сильную коалицию против своего врага были разрушены убийством Сфорца Миланского в 1474 году. Герцог был убит в церкви Святого Стефана тремя молодыми дворянами, которые хотели отомстить за нанесенные им телесные повреждения, а также были вдохновлены горячим стремлением к республиканской свободе. Папа воскликнул, когда услышал новость о том, что мир в Италии был нарушен этим актом беззакония. Лоренцо, неодобрительно относившийся ко всем выступлениям против тирании, пообещал поддержать овдовевшую герцогиню Миланскую. Контроль, который он осуществлял во время ее недолгого правления, закончился в 1479 году узурпацией власти Людовико, ее мавританского шурина.

Тогда Риарио, племянник папы римского, понял, что настало время для заговора против Медичи, который мог лишить их власти в Италии. Он был тесно связан с Франческо деи Пацци,

который стремился к возвышению своей собственной семьи. Его имя давно было известно во Флоренции, каждый добропорядочный гражданин наблюдал за древней *Карро деи Пацци*, которую несли процессией во время пасхального прилива. В машине хранились фейерверки, которые были подожжены с помощью Голубки, приносящей искру, выбитую из каменного фрагмента гробницы Христа. Горожане не могли забыть о происхождении священного пламени, поскольку все они в юности слышали историю о возвращении члена дома Пацци, участвовавшего в крестоносном походе, с этой драгоценной реликвией.

Оба заговорщика надеялись привести иностранную армию против Флоренции и поэтому заручились помощью Сальвиати, архиепископа Пизы. Папа повелел им делать все, что они пожелают, "при условии, что не будет убийств". На самом деле он знал, что готовится заговор с целью убийства как Лоренцо деи Медичи, так и его брата Джулиано, но считал, что это унижит его священный сан, если он заговорит об этом.

Для их первого плана было необходимо заманить Лоренцо в Рим, где собрались заговорщики, но он отклонил приглашение посоветоваться с папой об их разногласиях, и пришлось заменить его новым планом. Соответственно, племянник Риарио, кардинал Рафаэле Сансони, выразил горячее желание ознакомиться с сокровищами дома Медичи и был принят Флоренцией в качестве гостя. Он присутствовал на мессе в соборе, который должен был стать местом убийства, поскольку Лоренцо и его брат были уверены, что придут на нее. Два священника предложили совершить святотатство, от которого первый убийца отшатнулся. Они возненавидели Лоренцо за его обращение с Вольтеррой и выгнали его за ворота новой ризницы. Джулиано был убит у самого алтаря, на его теле было нанесено не менее девятнадцати ран, но Лоренцо сбежал, чтобы оплакать судьбу красивого благородного брата, который был моделью для знаменитой "Примаверы" Боттичелли.

Он слышал, как горожане кричали: "Долой предателей! Медичи! Медичи!" и решил подвигнуть их на отчаянную месть Пацци. Архиепископ Пизы был повешен из окна дворца, в то время как другой заговорщик был сброшен на землю из того же здания. Эта ужасная сцена была разыграна, чтобы доставить удовольствие мстителям за Джулиано.

Флоренция с энтузиазмом защищала своего оставшегося тирана. Боттичелли изобразил его в позе триумфатора над тройственными силами анархии, войны и подстрекательства к мятежу. Вся семья Пацци была осуждена как предатели. Сторонники Лоренцо стирали их герб везде, где его обнаруживали.

С этого момента Лоренцо осуществлял полный контроль над своим родным городом. Он привлек Неаполь к новому союзу дипломатическим визитом, который доказал его мастерство в иностранных переговорах. Дары, пришедшие к нему из чужих стран, на самом деле были преподнесены повелителю флорентийской "республики". Египет прислал льва и жирафа, которых приветствовали как чудеса Востока даже те, кто не оценил тот факт, что они проявили желание торговать. Вскоре стало легко находить новые рынки сбыта для богатых бюргеров, чей класс имел полное господство над древней знатью.

Ранней весной 1492 года Лоренцо смертельно заболел и не находил утешения в философии. Он пил из золотой чаши, которая, как предполагалось, оживляла умирающих, когда в ней был напиток, странно приготовленный из драгоценных жемчужин в соответствии с какой-то

восточной фантазией. Но больной не нашел ничего полезного в свой смертный час, кроме визита честного монаха, которого он много раз видел в монастырях Сан-Марко.

Савонарола подошел к постели великолепного язычника и потребовал трех вещей в качестве платы за отпущение грехов. Лоренцо должен был поверить в милосердие Божье, вернуть все, что он незаконно приобрел, и согласиться на восстановление народного правления во Флоренции. Третье условие было слишком жестким, ибо Лоренцо не хотел признавать себя тираном. Он с горечью отвернулся к стене, и монах удалился, оставив его нераскаянным.

Разграбление Вольтерры и убийство невинных родственников Пацци, участвовавших в великом заговоре, преследовали Лоренцо, когда он уходил из жизни в расцвете мужественности и славных достижений. Он бы оплакивал торговлю своего города, если бы знал, что в том же 1492 году будет совершено открытие Америки, через которую Атлантический океан станет торговой магистралью, что приведет к печальному упадку портов Средиземноморья.

Глава IV

Приор Сан - Марко

Задолго до смерти Лоренцо Джироламо Савонарола сделал коррупцию Флоренции темой проповедей, которые привлекли огромные толпы на собор Сан-Марко. Город мог гордиться великолепными зданиями, украшенными величайшими итальянскими художниками; он мог вызывать зависть у иностранных принцев, которым надоело слушать восхваления Лоренцо; но проповедник сокрушался о грехах флорентийцев, как кто-то в древности сокрушался о нечестии Ниневии, и предсказывал ее гибель, если языческая жажда наслаждений не уступит суровому христианству.

Савонарола был свидетелем многих сцен, которые показывали истинное отношение папы к религии. Он родился в Ферраре, где экстравагантный и роскошный двор оказывал льстивый прием Пию IV, когда тот переходил из города в город с проповедью крестового похода против турок. Папу римского укрыли золотым балдахином, и его приветствовала приятная музыка, а статуи языческих богов были установлены на берегах реки в честь Наместника Христа!

Савонарола избегал придворной жизни и покровительства Борси, правящего маркиза Феррары. Этот принц, прославившийся своими пирами, своими соколами и мантиями из золотой парчи, назначил бы его придворным врачом, если бы он согласился изучать медицину.

Изучение Священных Писаний больше нравилось отшельнику, единственным развлечением которого была игра на лютне и сочинение стихов, исполненных навязчивой меланхолии.

Вопреки желанию своей семьи Савонарола вступил в орден Святого Доминика. Днем он отказался от мира ради тяжелейшего служения в монастыре, а ночью отдыхал на грубом мешке. Несомненно, он сознавал тайное стремление к превосходству, даже когда занимал самое низкое место и надевал самую поношенную одежду.

Алчность папы Секста вызвала у монаха жгучее негодование. Новый папа расточал подарки своей собственной семье, которая тратила на роскошь любого рода деньги, которые должны были принести облегчение беднякам. Церковь, казалось, ревностно включилась в борьбу за богатство и власть, которая опустошала все свободные государства Италии.

Савонарола переехал из своего монастыря в Болонье в монастырь Сан-Марко, когда впервые поднял свой голос с осуждением. Его не очень хорошо приняли, потому что он пользовался Библией — флорентийцы не доверяли ему, выражая сомнения в правильности ее латыни! Однако Пико делла Мирандола, блестящий молодой ученый, был привлечен красноречием монаха. Между этими двумя мужчинами завязалась тесная дружба, чья внешность отличалась так же сильно, как и их характеры.

Савонарола был смуглым человеком с толстыми губами и орлиным носом - только сверкающие серые глаза, расположенные под нависающими бровями, спасали его лицо от суровости. Мирандола, с другой стороны, был одарен замечательной личной красотой. Длинные светлые кудри ниспадали на плечи и обрамляли лицо, которое было одновременно нежным и грациозным. Он обладал экстраординарным знанием языков и замечательной памятью.

Привередливые флорентийцы привыкли к странному вкусу Мирандолы в проповедях, так что монастырский сад с розовыми деревьями стал пристанищем постоянно растущей толпы, жаждущей услышать доктрины, которые были достаточно новыми, чтобы приятно пощекотать их вкус. 1 августа 1489 года монах согласился проповедовать в монастырской церкви братьям-доминиканцам и мирянам, которые продолжали собираться в монастырях. Для своего текста он взял отрывок из Откровения. "Три вещи, которые он предложил людям. Что Церковь Божья нуждается в обновлении, и это немедленно; во-вторых, что вся Италия должна быть наказана; в-третьих, что это должно произойти в ближайшее время". Это было первое из пророчеств Савонаролы, и оно вызвало большое волнение среди флорентийцев, которые его слышали.

В Сиене проповедник вынес приговор Церкви, которая теперь находилась под властью Иннокентия IV, папы более откровенно развращенного, чем кто-либо из его предшественников. По Ломбардии разнеслось эхо этой проповеди и имя Джироламо Савонаролы. Монах был изгнан и вернулся во Флоренцию только по милости Лоренцо деи Медичи, которого не потревожила серия проповедей против тирании.

Савонарола был избран настоятелем Сан-Марко в июле 1491 года, но отказался засвидетельствовать свое почтение Лоренцо как покровителю монастыря. "Кто избрал меня настоятелем — Бог или Лоренцо?" - строго спросил он, когда старшие доминиканцы умоляли его исполнить этот долг. "Бог", - был ответ, который они были вынуждены дать. Они были глубоко

разочарованы, когда новый настоятель решил: "Тогда я буду благодарить моего Господа Бога, а не смертного человека".

Во время Великого поста в том же году Савонарола впервые произнес проповедь в кафедральном соборе, или Дуомо, Флоренции. "Люди встали посреди ночи, чтобы занять места для проповеди, и подошли к дверям собора, ожидая снаружи, пока их откроют, не обращая внимания ни на какие неудобства, ни на холод, ни на ветер, ни на то, что зимой приходится стоять ногами на мраморе; и среди них были молодые и старые, женщины и дети всех мастей, которые пришли с таким торжеством и радостью, что было странно слышать их, идущих на проповедь, как на свадьбу.... И хотя таким образом собрались многие тысячи человек, не было слышно ни звука, даже "тише", пока не появились дети, которые пели гимны с такой нежностью, что, казалось, разверзлись небеса".

Великолепный часто приезжал в Сан-Марко, задетый безразличием приора и заинтересованный личностью человека, которому удалось произвести впечатление на культурных флорентийцев простым языком. Он щедро раздавал золотые монеты монастырю, но золото всегда отправлялось добрым людям Святого Мартина, которые заботились о нуждах тех, кто был слишком горд, чтобы признать свое убывающее состояние. "Серебра и меди нам достаточно", - такими словами были встречены возражения других братьев. "Нам не нужно столько денег". Неудивительно, что Лоренцо вспомнил о непобедимой честности этого приора, когда убедился в пустоте жизни, которую тот вел среди придворных льстецов!

Предостережения приора были услышаны во Флоренции с тревожным чувством, что их исполнение может приблизиться после смерти Лоренцо и наследования его сыну. Пьеро деи Медичи отослал проповедника из города, так как знал, что люди шептались между собой о том, что доминиканец действительно предсказал смерть Иннокентия и ужасное положение Флоренции при новом папе Александре VI (Александре Борджиа). Ему не нравились предсказания зла его собственному дому Медичи, который вот уже более шестидесяти лет обладал верховной властью во Флоренции. Ему вряд ли понравилось бы, если бы народ восстал против тирании, установленной его отцами.

Падение Пьеро ускорило известие о том, что французская армия перешла Альпы под предводительством короля Франции Карла VIII, который намеревался захватить Неаполь. Это вторжение в Италию привело флорентийцев в ужас, поскольку они стали невоинственными с тех пор, как предались роскоши и удовольствиям. Они боялись прибытия французских войск, которые были известны по всей Европе. На них Карл полагался, чтобы запугать граждан богатых государств, которые он посещал по пути, чтобы привести в исполнение иск, переданный ему через Карла Анжуйского. Пьеро Медичи пошел на уступки захватчику без ведома народа. Флорентийцы восстали против допуска солдат в свои стены, как только прибыл авангард, чтобы отметить мелом дома, которые они выберут для своего жилья. Раздались неистовые крики "*Abbasso le palle*", "Долой шары", намекая на три шара на гербе Медичи. От самого Пьеро отреклись и изгнали из города.

Все враги Медичи были отозваны, и население умоляло Савонаролу вернуться и защитить их в час опасности. Они слышали, как он предсказал пришествие того, кто покарает нечестивых и очистит Италию от ее грехов. Теперь их вера в высказывания приора подтвердилась. Они поспешили поприветствовать его как спасителя своего города.

Савонарола отправился с посольством в лагерь Карла и выдвинул лучшие условия, чем ожидали флорентийцы. Тем не менее, им пришлось терпеть шествие французских войск по своему городу, и им было трудно избавиться от Карла VIII, чья алчность возросла, когда он увидел богатства Флоренции. На улицах царил суматоха, солдаты дрались с горожанами и приводили в ярость своих хозяев оскорблениями. Итальянская кровь сильно всколыхнулась, когда вторгшийся монарх пригрозил "затрубить в трубы", если его требования не будут удовлетворены. "Тогда мы зазвоним в наши колокола", - ответил смелый гражданин. Французский король знал, как быстро город может превратиться в крепость с забаррикадированными улицами, если будет поднята такая тревога, и мудро воздержался от дальнейших провокаций. Он продолжил свой путь после "разграбления" дворца, в котором его поселили. Сокровища Медичи были трофеями его визита.

Помимо своей воли монаху пришлось стать политиком после того, как французская армия ушла на юг. Говорили, что он спас государство, и его умоляли взять на себя управление теперь, когда тирании пришел конец. Перед ним было видение Флоренции как свободной республики в самом прямом смысле этого слова. Он с радостью взялся за свою работу во имя свободы. *Парламент*, глупое собрание народа, поспешно созванное для исполнения воли любой фракции, которая могла внушить ему благоговейный трепет, было заменено Великим Советом, сформированным по венецианскому образцу. В нем сидели *бенефициати*— те, кто занимал какие-либо гражданские должности, и непосредственные потомки чиновников. Во Флоренции не было по-настоящему демократического правительства.

После государственных забот Савонарола чувствовал усталость душой и телом; он никогда не переставал проповедовать в кафедральном соборе, где излагал свои планы реформ, не отказываясь от своей работы пророка. Он сломался, но снова мужественно принял свое бремя. Под его правлением Флоренция изменилась. Женщины одевались в самую простую одежду и отказывались от таких предметов тщеславия, как парики и румяна. Банкиры, раскаявшись в жадности, поспешили вернуть незаконно присвоенное богатство. Торговцы читали Библию в своих лавках в перерывах между делами, и их больше нельзя было встретить бунтующими на улицах. Флорентийские юноши, когда-то озорные до крайности, ежедневно посещали монаха и фактически отказались от метания камней. "*Пьянони*" (Сопляки) было прозвище, данное этим энтузиастам, ибо у благочестивых не было без противников.

Савонароле пришлось столкнуться с опасностью попытки восстановить власть Пьеро деи Медичи. Он собрал одиннадцать тысяч мужчин и юношей, когда пришло сообщение, что тиран обратился за помощью к Карлу VIII против Флоренции. Папа также хотел восстановить Пьеро в своих целях. Горожане в спешке заперли свои ворота, а затем собрались в соборе, чтобы выслушать своего лидера.

Савонарола принял суровое решение предать смерти любого человека, который попытается уничтожить с таким трудом завоеванную свободу его города. "С этими людьми нужно обращаться, - заявил он, - как римляне обращались с теми, кто добивался отзыва Тарквиния". Его пламенный дух воспламенил флорентийцев таким рвением, что они предложили четыре тысячи золотых флоринов за голову Пьеро деи Медичи.

Попытка взломать ворота Флоренции провалилась. Пьеро пришлось бежать в Рим, а враги приора были вынуждены искать новый предлог для нападения на его позицию. Папу убедили послать за ним, чтобы он ответил на обвинение в распространении ложных доктрин.

Проповедник энергично защищался, и, казалось, удовлетворил Александра Борджиа, целью которого было сокрушить реформатора католической церкви, который, вероятно, нападет на его порочные практики. Однако ему было запрещено проповедовать, и он должен был молчать во время карнавала во Флоренции.

Необычайные изменения в характере этого фестиваля были данью влиянию Савонаролы. Дети ходили по улицам, распевая гимны вместо распущенных песен, которые Лоренцо деи Медичи написал специально для этой цели. Они просили милостыню для бедных, и их единственным развлечением была *капаннуччи*, или Костер тщеславия, для которого они собирали материалы. Книги и картины, одежда и драгоценности, накладные волосы и мази были свалены в огромные кучи вокруг некоего подобия пирамиды высотой около шестидесяти футов. Изображение Старого короля Карнавала было помещено на вершину пирамиды, а внутреннее убранство было заполнено съестными припасами, от которых все сооружение вспыхнуло бы, как только поднесли свечу. Когда был подан сигнал, зазвонили колокола и протрубили трубы, радостно прощаясь с обычаями древнего карнавала. Процессия отправилась от Сан-Марко в Вербное воскресенье (во главе с детьми в белых одеждах и с гирляндами на головах) и обошла город, пока не подошла к кафедральному собору. "И так много радости было во всех сердцах, что, казалось, Райская слава снизошла на землю и было пролито много слез нежности и преданности". Флорентийцы с такой готовностью признавали, что новый дух христианства приносит больше удовлетворения, чем шумная распущенность языческого праздника.

В 1496 году папа не только разрешил Савонароле проповедовать, но даже предложил ему кардинальскую шапку при условии, что он больше не будет произносить предсказаний. "Я не хочу никакой другой красной шляпы, кроме шляпы мученика, обгащенной моей собственной кровью", - таков был твердый ответ неподкупного проповедника. Его приветствовали радостными криками, когда он взошел на кафедру Кафедрального собора и достиг пика своей популярности во Флоренции.

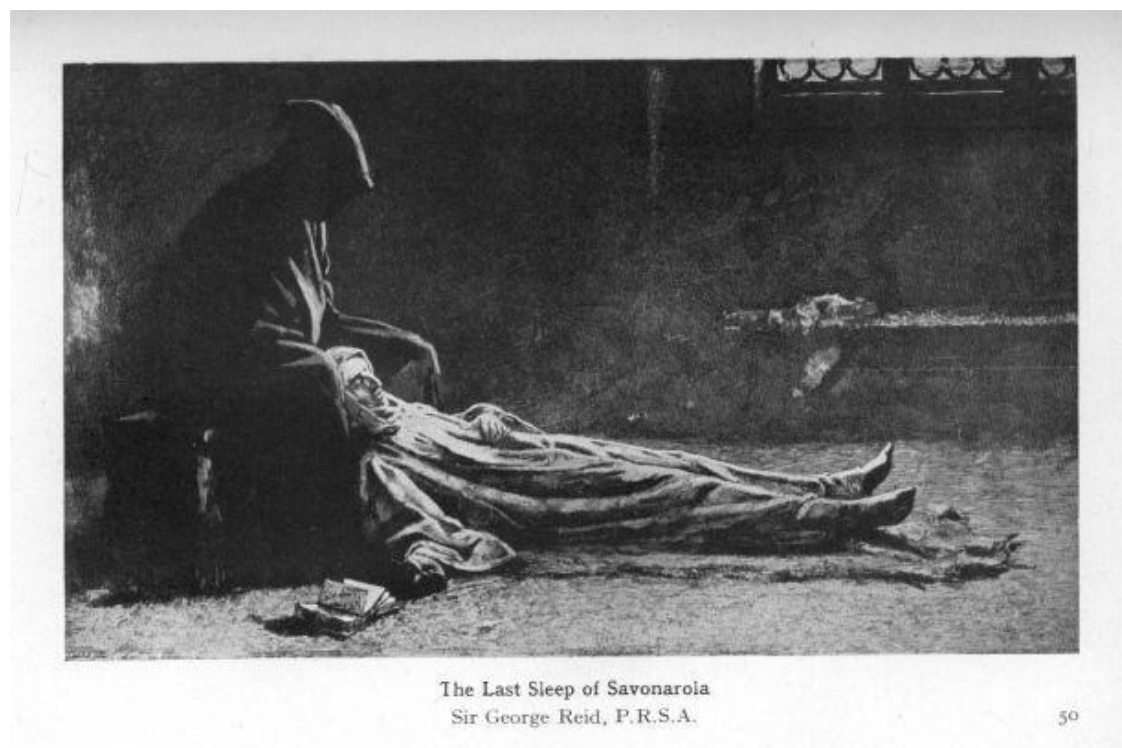
По прошествии года Савонарола столкнулся с другим миром, где друзья старались скрывать свою преданность, а враги становились громогласными в своих постоянных угрозах. *Аррабуати* (разъяренный) победил *Пьянони* и побудил папу объявить отлучение от церкви лидера этой партии. Проповеди продолжались, папский указ был проигнорирован, но в умах флорентийцев зародилось новое сомнение. Францисканский монах Франческо да Апулия напал на доминиканца, назвав его лжепророком и бросив ему вызов доказать истинность своих доктрин "испытанием огнем".

Савонарола не решался принять вызов, зная, что он будет уничтожен, какой бы ни была реальная проблема. *Пьянони* выказал некоторое огорчение, когда позволил ученику, фра Доменико, занять его место в знак преданности. Со всех сторон слышался ропот по поводу странной робости приора и его явного нежелания считать чудом обвинения своих оппонентов.

В день, назначенный для "испытания" ранней весной 1498 года, собралась огромная толпа. Балконы и крыши были черны от человеческих фигур, дети цеплялись за колонны и статуи, чтобы не упустить ни малейшего проблеска этого редкого зрелища. Лишь несколько последователей Савонаролы молились и плакали на площади Сан-Марко, когда появилась скандирующая процессия доминиканцев. Последним шел фра Доменико, облаченный в ризу из красного бархата, символизирующую пламя мученика. Он не боялся доказать силу своей веры, но шел прямо и с триумфом нес крест. Это был брат-францисканец, чье мужество иссякло,

поскольку он, возможно, никогда не думал, что у кого-то хватит смелости ответить на его ужасный вызов.

Толпа наблюдала за происходящим в лихорадочном ожидании, но часы шли, а от Франческо да Апулии не было и следа. Его собратья нашли недостатки в красной форме Доменико и посоветовали ему сменить ее. Они посоветовались и, наконец, пришли к выводу, что их собственный чемпион оказался неспособен принять мученическую смерть. Наконец было объявлено, что никакого испытания не будет — гроза не заставила ни одного зрителя покинуть свое место на Площади, где должно было совершиться чудо. Было ясно, что враги приора добивались его смерти, поскольку они проявляли неистовую страсть негодования. Даже *Пьянони* были обеспокоены сомнениями в своем пророке, который отказался показать свои сверхъестественные силы и заставить францисканцев замолчать. Монахам с трудом удалось защититься от насилия толпы, когда они возвращались в апрельских сумерках в монастырь Сан-Марко.

Последний сон Савонаролы. (Сэр Джордж Рид, P.R.S.A.)

В церкви отзвучала вечерня, когда послышался топот ног и яростный крик: "На Сан-Марко!" Монахи поднялись с колен, чтобы закрыть двери, через которые быстро хлынули нападавшие. Эти воины Креста бесстрашно сражались любым оружием, какое только могли захватить, когда увидели, что их священное жилище в опасности.

Савонарола созвал доминиканцев вокруг себя и повел их к алтарю, где преклонил колени в молитве, приказав им сделать то же самое. Но некоторые из братьев в белых одеждах обладали юношеским духом и не отказались бы от борьбы. Они поднялись и бросились навстречу смерти, размахивая зажженными факелами над головами нападавших. Послушник встретил

обнаженные мечи большим деревянным крестом, который он взял, чтобы защитить хор от святотатства. "Спаси народ Твой, Боже"; это был припев того самого псалма, который они пели. Место было затянуто дымом, и шум борьбы был оглушительным. Молодой монах умер на самых ступенях алтаря и принял последнее Причастие от фра Доменико среди этой странной суматохи.

Как только наступила пауза в атаке, Савонарола повел братьев в библиотеку. Он спокойно сказал им, что решил сдаться своим врагам, чтобы больше не было кровопролития. Он нежно попрощался с ними и вышел в опасную толпу, окружавшую монастырь. Его руки были связаны, и по дороге в тюрьму его избивали. Первый привкус мученичества был горьким у него во рту, и он пожалел, что не ответил на вызов францисканца.

Пророк предстал перед судом по обвинению в ереси и подстрекательстве к мятежу. Его пытали так жестоко, что вынудили отречься и "признаться", как сказали его судьи. Они уже пришли к решению, что он виновен. Смертный приговор был вынесен, и он взошел на эшафот 23 мая 1498 года. Он посмотрел на толпу, собравшуюся на большой площади, но не заговорил с ними; он не спас себя, как надеялись некоторые из них. Прошло много лет, прежде чем Флоренция воздала ему должное как основателю своих свобод и величайшему из своих реформаторов.

Глава V

Мартин Лютер, реформатор Церкви

Мученическая смерть Савонаролы придала смелости реформаторам и обновила веру народа. Его целью было неуклонное продвижение к истине и стремление увлечь за собой весь мир. Бессознательно он подготовил дорогу немецкому монаху, который разрушил единство католической церкви. Хотя он был безжалостен к папским злоупотреблениям, ревностному доминиканцу и в голову не приходило протестовать против доктрин папства, и он никогда не сомневался в вере, которая привела его в монастырь. У него не было желания разрушать — его работой было очищение. Но его смерть доказала, что очищение невозможно. Рим зашел слишком далеко по пути падения, чтобы его мог остановить Реформатор. Наконец-то ее пути разошлись.

Мартин Лютер ничего не знал о пышности итальянских городов. Он родился в очень скромной обстановке в Айслебене, маленьком городке в Германии, в канун дня Святого Мартина 1483 года. Суровая дисциплина сделала его детство несчастливым, поскольку эпоха реформаторов

образования еще не наступила. Маленького Мартина били и мучили, и ему приходилось петь на улицах за хлеб.

Честолобивые намерения побудили его родителей отправить его в Эрфуртский университет, чтобы он изучал юриспруденцию. Он получил степень доктора философии в 1505 году — это событие было отмечено факельным шествием и ликованием, по студенческому обычаю тех краев.

Тогда Мартин Лютер, потрясенный внезапной смертью товарища во время грозы, решил посвятить себя Богу. Лютер был добродушным юношей и перед тем, как покинуть их, устроил ужин для своих друзей; были пирушки, смех и взрыв песен. В тот же вечер дверь женского монастыря открылась, и на пороге появился послушник с двумя книгами, "Вергилий" и "Плавт", в руках.

Послушнику приходилось выполнять самую подлую работу, подметать полы и просить милостыню на улице от имени своих братьев по ордену Августинцев. "Пройди по улице с мешком и принеси нам еды", - кричали они, выгоняя его, чтобы продолжить свое безделье.

Штаупниц, глава Ордена, посетил монастырь и заинтересовался молодым человеком, которому пост и покаяние не принесли покоя, которого он жаждал. Подавленный своими грехами, Лютер прожил жизнь в страдании. Он постоянно читал Библию, случайно обнаружив Священную Книгу в стенах монастыря. Наконец, слова символа веры принесли ему утешение: "Я верю в прощение грехов". Он больше не отчаивался в своей душе. "Это было так, как если бы я обнаружил, что дверь в Рай широко открыта", - радостно сказал он и более внимательно посвятил себя изучению Священных Писаний.

Слава об учености Лютера распространилась за пределы монастыря его ордена. Его вызвали преподавать философию и теологию в Виттенберге, новом университете, основанном Фридрихом, курфюрстом Саксонии. Смелость духа лектора впервые проявилась в его проповедях против "индульгенций", одного из худших злоупотреблений Римской церкви.

Папа утверждал, что унаследовал ключи святого Петра, которые открывали сокровищницу, содержащую добрые дела святых и безграничные заслуги Иисуса Христа. Он утверждал, что может передать часть этой заслуги любому человеку, который пожертвует определенную сумму денег для покупки прощения грехов. "Индульгенции" впервые были предоставлены паломникам и крестоносцам. В дальнейшем они были распространены на тех, кто помогал в благочестивых работах, таких как строительство собора Святого Петра. Папа Лев X обнаружил, что папская казна была истощена его предшественниками. Ему нужно было собрать деньги, и поэтому он разрешил агентам продавать помилования по всей Германии. Тецель, монах-доминиканец, работал в Саксонии. Он был шумным и нечестивым и тратил на свои порочные удовольствия суммы, которые давали невежественные существа, на которых он торговал, чтобы обеспечить им вечное счастье.

Лютер выступал против подобной практики с кафедры церкви в Виттенберге. Особенно его разозлило злое заявление Тецеля о том, что "когда кто-то опускает пенни в ящик для души в чистилище, как только деньги звякают в сундуке, душа улетает на небеса".

Над кассой Тецеля висел папский красный крест, и он сидел там и призывал всех покупать. Лютер решился на акцию, которая должна была остановить позорное уличное движение,

заявив: "С Божьей помощью я проделаю дырку в его барабане". Накануне Дня всех святых собралась толпа, чтобы посмотреть на реликвии, выставленные в замковой церкви Виттенберга. Их внимание было привлечено к бумаге, прибитой к церковным воротам, в которой излагались причины, по которым индульгенции вредны и должны быть немедленно прекращены.

В Римской церкви были и другие злоупотребления, о которых Лютер теперь открыто сожалел. За этим смелым шагом последовала горячая дискуссия. Тецель удалился во Франкфурт, но оттуда он написал письмо, опровергающее новое учение монаха-августинца. Он публично сжег тезисы Лютера, а затем услышал, что его собственные были преданы огню на рыночной площади Виттенберга, где множество сочувствующих с удовлетворением наблюдали за костром. Лютер был не одинок в своей борьбе за освобождение Церкви от порока и суеверий. Он жил в эпоху, когда люди были достаточно образованны, чтобы презирать обман мирских монахов. Дух исследования пережил Возрождение письменности, и Эразм, знаменитый ученый, обнаружил множество ошибок в Римской церкви.

Эразм присоединился к Лютеру в попытке показать людям, что только Священное Писание может служить руководством в духовных вопросах. Он знал, что реформа Западной Церкви была срочно необходима, и был готов использовать свой тонкий ум, чтобы опровергнуть аргументы невежественных оппонентов. Но вскоре он обнаружил, что характер Лютера был слишком пылким, что для этого порывистого духа не существовало промежуточного пути. Он сам страшился потери богатства и почестей и отказался воевать с теми, кто занимал высокое положение, чье покровительство помогло ему обрести знания.

Встревоженные распространением книг и доктрин Лютера, кардиналы умоляли папу вызвать его в Рим. Было изобретено книгопечатание, и можно было легко побудить как бедных, так и богатых интересоваться истинностью доктрин, которым учил Рим. Лев X был склонен игнорировать проповеди безвестного немецкого монаха, поскольку у него было много планов для удовлетворения своих собственных амбиций. В конце концов он уступил и отправил необходимый вызов. Лютер не хотел ехать в Рим, где он был уверен в осуждении. Курфюрст Фридрих Саксонский выступил в качестве его защитника не из религиозных побуждений, а потому, что ему было приятно видеть некоторую перспективу уменьшения требований Римского двора.

Казтан, папский легат, прибыл председательствовать на сейме, специально созванном в Аугсбург. Он убеждал монаха отказаться от своей опасной доктрины о том, что авторитет Библии выше авторитета папы Римского. "Убери руку, сын мой, убери руку, - убеждал он. - тебе трудно отбиваться от уколов". Но конференция закончилась там же, где и началась — Лютер бежал обратно в Виттенберг.

Теперь он начал понимать, что вся система римского правления была неправильной и что необходимо было устранить бесчисленные злоупотребления, прежде чем Церковь смогла бы по-настоящему заявить, что указывает путь к христианству. Совесть или авторитет, Священное Писание или Церковь, Германия или Рим? Нужно было сделать выбор, каждый человек становился на ту или иную сторону. Независимость Германии была дорога сердцу Лютера. Он написал обращение к знати и призвал к себе на помощь христианских князей Германии. Он заявил, что все христиане - священники и что Церковь и нация должны быть освобождены от вмешательства папства. Он становился откровенным врагом папы римского, теряя свое прежнее нежелание нападать на власть. Против него, конечно, была издана булла, но студенты

Эрфурта бросили бумагу, на которой это было написано, в реку, презрительно сказав— "Это пузырь, пусть плывет!"

В декабре 1520 года Лютер собственноручно сжег Быка на костре, разведенном специально для этой цели у Эльстерских ворот Виттенберга. Передавая документ огню, он сказал: "Как ты оскорбил святых Божьих, так и ты можешь сгореть в вечном огне". Этот акт навсегда отлучил его от папства. Он бросил вызов папе в присутствии многих свидетелей. Карл V, император Священной Римской Империи, был не в состоянии встать на защиту Лютера против своих могущественных врагов. Он поддерживал союз с папой римским, чтобы тот мог противостоять масштабным планам, которые вынашивал его соперник, Франциск I Французский. В то же время он был в долгу перед курфюрстом Фридрихом, который был одним из семи немецких принцев, обладавших правом "избрать" нового императора. После непродолжительной борьбы он решил уступить требованиям папских легатов. Он приказал Мартину Лютеру прибыть в Вормс и предстать перед великим сеймом, или Собранием правителей Германии, которое собралось в 1521 году.

Лютер немедленно подчинился и совершил триумфальное путешествие по многим городам и деревням. Музыка приятно ласкала его слух, ему прислали портрет Савонаролы, чтобы он почувствовал, что его мужество укрепилось. Если бы его решимость не была твердой, он бы вернулся в Веймар, где обнаружил вывешенный на стенах указ, предписывающий сжечь все его труды. "Я законно призван явиться в этот город, - сказал он, - и я пойду туда во имя Господа, хотя там объединилось против меня столько дьяволов, сколько черепицы на домах". Он заболел в Эйзенахе, но продолжил, как только поправился. Когда он увидел старые башни Вормса, его дух воспрянул от радости, и он начал петь свой знаменитый гимн "*Ein feste Burg ist unser Gott*." ("Могучая крепость - наш Бог").

Многолюдные улицы свидетельствовали о славе, которая была до него. Даже император не встречал такого лестного приема. Саксонские дворяне приветствовали его, и дружеские речи подбодрили его перед суровыми испытаниями следующего дня. Сейм представлял собой впечатляющее собрание, с императором на его троне и окружавшими его великими государственными сановниками, облаченными во все великолепие красного и пурпурного. Послушать защиту Мартина Лютера собралось не только рыцарство Германии, ибо испанские воины сидели там в желтых плащах и придавали блеск великолепному собранию.

Мужественная борьба Лютера со своими противниками привлекла многих на его сторону. Он не отказался бы ни от одного написанного или сказанного им слова и не соглашался на то, чтобы его мнения подвергались испытанию по какому-либо другому правилу, кроме слова Божьего.

Эрик, престарелый герцог Брауншвейгский, прислал ему серебряную банку пива "Айнбек" в знак сочувствия. Устав от борьбы, Лютер выпил его, сказав: "Как герцог Эрик вспомнил меня сегодня, так пусть Господь наш Христос вспомнит его в его последней битве".

Реформатор тщетно призывал императора и государства, собравшиеся в Вормсе, рассмотреть тяжелое дело Церкви, чтобы Бог не посетил немецкий народ Своим судом. Сейм издал против него суровый эдикт, и он был лишен всех привилегий, которыми пользовался как подданный империи. Более того, любому принцу было запрещено укрывать или защищать его, и его личность должна была быть арестована, как только истечет срок действия охранной грамоты на время путешествия.

Когда Лютер вернулся в Виттенберг, отряд всадников схватил его и увез в укрепленный замок Вартбург, где он был поселен под видом рыцаря. Это была уловка курфюрста Саксонии, чтобы спасти его от бури, которую он вызвал своим поведением на сейме. Заключение не было утомительным, и уединение было достаточно приятным после многолетних раздоров. Он охотился в образе доблестного кавалера и всегда носил шпагу. Большая часть его времени была потрачена на перевод Священных Писаний на немецкий язык, чтобы в знании нельзя было отказать даже неграмотному человеку. Постоянная учеба сделала его воображение очень живым, и дьявол, казалось, постоянно был перед ним. Он долго беседовал с сатаной лично, как он верил, и решил, что лучший способ избавиться от него - это насмешки и глумление. Однажды ночью его кровать затряслась от сильного волнения, вызванного стуком нескольких лесных орехов друг о друга после того, как они почувствовали вдохновение Лукавого! В другой раз дьявольский мотылек жужжал вокруг него, мешая пристальному вниманию к его трудам. Он швырнул в незваного гостя чернильницей, оставив на стене комнаты отметину, которая осталась там на протяжении веков.

Во время этого заключения взгляды Лютера утвердились в Саксонии. Виттенбергский университет внес несколько изменений в форму церковного богослужения, отменив, в частности, проведение частных месс по душам умерших. Два события омрачили радость реформатора, когда до него дошли эти новости. Ему сказали, что древний Парижский университет осудил его доктрины и что Генрих VIII английский написал ответ на одну из его книг, причем так искусно, что папа был рад присвоить ему титул Защитника веры.

В 1522 году Лютер вернулся в Виттенберг, между прочим, насладившись безобидной шуткой в Йене. Там его переодевание в красную мантию и дублет настолько ввело в заблуждение попутчиков, что они рассказали ему о своем намерении увидеть возвращение Мартина Лютера, не понимая, что разговаривают с великим реформатором!

Его следующие проповеди не увенчались успехом по своим результатам, поскольку крестьяне их не поняли. Последовала классовая война, в которой Лютер взял на себя роль посредника, пытаясь показать своим более бедным соседям, какое зло навлечет на себя их насилие, и упрекая дворян в их деспотических обычаях. Он был разгневан тем, что новый религиозный дух был дискредитирован социальными беспорядками, и с горечью отзывался обо всех, кто отказывался прислушиваться к его увещаниям. Эразм был шокирован грубостью высказываний Лютера и все больше и больше отдалялся от реформаторской партии. Он ненавидел старое монашеское учение и желал литературной свободы, но не мог простить излишеств этого убежденного реформатора.

В 1523 году Лютер нанес серьезное оскорбление многим своим последователям, женившись на Екатерине фон Бора, монахине, покинувшей свой монастырь. Он отбросил римскую веру в то, что священник никогда не должен жениться, но общественное мнение не могло одобрить перемену, которая противоречила столь многовековым традициям. Тем не менее семейная жизнь реформатора была счастливой, и от этого брака родилось шестеро детей. Как отец, Лютер проявлял много нежности. С удивительной простотой он писал своему старшему сыну: "Я знаю очень красивый, приятный сад, и в нем очень много детей, все одеты в маленькие золотистые курточки, которые собирают под деревьями красивые яблоки, груши, вишни и сливы. И они поют, и прыгают, и очень веселые; и, кроме того, у них есть красивые маленькие лошадки с золотыми уздечками и серебряными седлами. Затем я спросил человека, которому

принадлежал сад, чьи это дети, и он сказал: "Это дети, которые любят молиться, учить уроки и делать то, что им говорят"; тогда я сказал: "Дорогой сэр, у меня есть маленький сын по имени Джонни Лютер; можно ему тоже прийти в этот сад?"

Перевод Библии, сделанный Лютером, был прочитан с замечательным вниманием людьми всех рангов. Другие страны Европы также подверглись влиянию его доктрин, что привело к ослаблению слепой веры в жречество. Нюрнберг, Франкфурт, Гамбург и другие имперские вольные города Германии открыто приняли реформатскую религию, отменив мессу и другие "суеверные обряды папизма". Светские князья составили список из ста жалоб, перечисляя тяжкое бремя, возложенное на них Святым Престолом. В 1526 году в Шпейере собрался сейм, чтобы рассмотреть состояние религии! Сейм обязал всех, кто подчинился декрету, изданному против Лютера в Вормсе, продолжать соблюдать его и запретить другим штатам предпринимать какие-либо дальнейшие нововведения в религии до заседания генерального совета. Курфюрст Саксонии вместе с главами других княжеств и вольных городов выразил торжественный "протест" против этого указа, как несправедливого и нечестивого. По этой причине они получили название протестантов.

В Аугсбурге, где в 1530 году встретились священники и государственные деятели, была установлена протестантская форма религии. Реформаторы опубликовали там "исповедание" своей веры, известное как Аугсбургское исповедание, которое навсегда отделило их от старой Римско-католической церкви. Религиозное рвение охватило людей, воодушевленных собственной свободой, чтобы самим найти истину. Лютер сетовал на неизбежную борьбу, которая последовала за этим, часто задаваясь вопросом, не слишком ли смело он выступил против древних традиций Рима. Ибо он стремился к очищению, а не к разделению, и предпочел бы скорее сохранить старую Церковь, чем возводить на ее месте новую. "Он никогда не был за то, чтобы выбрасывать старую обувь, пока не приобретет новую". Естественно, реформаторы менее умеренного толка его не любили. Он терпеть не мог аргумент ради аргумента ради. В его натуре не было ничего хитрого или утонченного. Он изливал честные убеждения своего сердца, не обращая внимания на форму, в которой он мог их выразить.

В 1546 году Лютер пообещал уладить спор между двумя дворянами и отправился в путь, предчувствуя, что для него наступил конец мирским раздорам. По дороге он посетил Айслебен, где родился и там умер. Его тело было доставлено в Виттенберг, место работы его настоящей жизни.

Германия была неспокойна до реформ Мартина Лютера, не склонная верить всему тому, чему учили монахи и что прививалось традицией. Авторитет папы держал человеческие души в рабстве. Они едва осмеливались сами судить, что правильно, а что неправильно. Если деньги могли освободить их от бремени грехов, они платили их с радостью, снимая с себя всякую ответственность. Теперь проснулась совесть, и разум медленно пробуждался. Лютер провозгласил свою веру в то, что каждый несет ответственность перед Богом за свою собственную душу, и это вызвало всеобщий отклик. "Я верю в прощение грехов". Истина, которая озарила обеспокоенного монаха, была истиной, которая навсегда останется с его последователями. "Ни один священник не сможет спасти вас! ни мессы, ни индульгенции вам не помогут! Но Бог спас вас!" Голос проповедника доносился до усталых, взывая из древних соборов и страстно потрясая всю нацию Германии. Европа нуждалась в такой же моральной

свободе. Другие страны приняли новое вероучение и исследовали его, найдя то, которое будет действовать подобно закваске в развращенности века.

Глава VI

Карл V, император Священной Римской Империи

Шестнадцатый век был веком великолепных монархов, которые соперничали друг с другом в роскоши своих дворов, рыцарской выправке и обширности своих владений.

Франциск I был покровителем Нового образования, гордостью Франции, всегда преданный монарху с некоторой долей героизма в его характере. Он был смуглым и красивым и преуспевал на турнирах, где пытался воссоздать романтику средневековья своим рыцарским снаряжением и доблестными ратными подвигами.

Генрих VIII, король Англии, горел желанием потратить унаследованное им богатство на блестящие зрелища, которые заставили народ забыть о тирании монархов эпохи Тюдоров. Он был на четыре года старше Франциска, но ему еще не исполнилось тридцати, когда Карл Пятый в 1516 году унаследовал обширные владения испанской короны.

Этот король, вероятно, затмил любящих удовольствия соперников Франции и Англии, поскольку обладал огромной властью в Европе благодаря наследованию огромных владений своего дома. Кастилия и Арагон достались Карлу через его мать, Джоанну, которая была дочерью Фердинанда и Изабеллы. Неаполь и Сицилия отошли к Арагону, хотя на самом деле они были присвоены в нарушение международного договора. Нидерланды были частью владений бабушки Карла, Марии Бургундской, которая вышла замуж за Филиппа, эрцгерцога Австрийского. Когда Максимилиан Австрийский умер в 1519 году, он пожелал, чтобы его внук унаследовал не только его владения в Европе, но и гордый титул императора Священной Римской Империи, который не передавался по наследству. Имея в своем распоряжении сокровища Нового Света благодаря открытиям Христофора Колумба, Карл V почти не сомневался, что сможет получить все, чего пожелает.

Вскоре стало очевидно, что притязания Карла на империю будут оспорены Франциском I, который заявил: "Если бы он потратил три миллиона золотых, он был бы императором". У французского короля была прекрасная армия и достаточно денег, чтобы подкупить немецких князей, в руках которых находилась власть "избрания". Послы Франциска путешествовали от

одного к другому со свитой лошадей, тяжело нагруженных роскошными подношениями, но они сочли совершенно невозможным подкупить Фридриха Мудрого Саксонского.

Карл не гнушался подкупом и надеялся завоевать расположение Генриха Английского лестью и обращением к нему как к родственнику, поскольку его тетя, Екатерина Арагонская, в то время была королевой Генриха. Король Тюдоров смело избрал своим девизом фразу "Кого я защищаю, тот и хозяин", но у него самого были тайные замыслы относительно императорского трона, и он думал, что Франциск I или Карл V станут слишком могущественными в Европе, если немецкие курфюрсты назначат одного из них.

Папа вступил в борьбу, потому что знал, что Карл Испанский, скорее всего, нарушит мир в Италии, потребовав Миланское герцогство, которое тогда находилось под властью Франции. Поэтому он дал тайный совет немецким курфюрстам выбрать кого-нибудь из своего числа и убедил их предложить императорский сан Фридриху Мудрому Саксонскому. Этот принц не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы отразить атаки Селима, правителя Османской империи, угрожавшего тогда земле Венгрии. Он отказался стать императором и предположил, что естественное сопротивление Востоку должно исходить от Австрии.

У Карла, несомненно, было испанское золото, которое помогло бы ему в этой борьбе. В 1519 году он получил императорскую корону и начал мечтать о дальнейших завоеваниях. Последовала ссора с Францией, у обеих сторон возникли разногласия, которые в тот период делали дружбу невозможной. Карл оскорбил Франциска I, пообещав помочь д'Альберу Наваррскому вернуть свое королевство. Он также хотел претендовать на Миланское герцогство, как предсказывал папа, и был возмущен тем, что Бургундия, которую Людовик XI отобрал у его бабушки, так и не была возвращена его семье.

Франциск возобновил древнюю борьбу за возвращение Неаполя. Он был полон решимости не поддаваться имперской гордыне и изыскивал все средства для умиротворения английского короля Генриха VIII, который, казалось, стремился утвердить себя в Европе. Два монарха встретились на Поле Золотой Скатерти в 1513 году и продемонстрировали большую дружбу. Они оба были опытными наездниками и показали себя с преимуществом на турнире, имея в свою пользу молодость и некоторые претензии на мужественную красоту. Встреча между ними обошлась дорого и закончилась не так, как ожидал Франциск, поскольку Карл V недавно приобрел нового союзника в лице кардинала Уолси, главного советника молодого короля Англии.

Уолси был честолюбив и стремился к высшей чести католической церкви. Он полагал, что, возможно, добьется этого через племянника Екатерины Арагонской. Он представил Карла своему хозяину и в конце концов добился для него союза с Австрией. Поговаривали даже о браке между императором и маленькой принцессой Марией.

Договор с папой римским придал Карлу V больше уверенности в успехе, чем когда-либо. Лев X принадлежал к семье Медичи и надеялся восстановить древний престиж этого дома. Он был вне себя от радости, получив Парму и Пiacентию в результате своей дружбы с амбициозным императором, и теперь согласился на изгнание французов из Милана при условии, что Неаполь будет платить более высокую дань Папскому престолу.

Эти договоренности были заключены без оглядки на Кьеvреса, фламандского советника, чье влияние на Карла когда-то было первостепенным. Отныне император правил своей

разрозненной империей, полагаясь только на свои собственные силы и возможности. Естественно, он встретил недовольство своих подданных, поскольку испанцы завидовали его предпочтению Нидерландов, где он получил образование, а народ Германии возмущался его долгим пребыванием в Испании, думая, что из-за этого им пренебрегают. Карл не мог бы вести более активную жизнь или более мужественно стремиться сохранить свою власть над далекими странами. Он постоянно путешествовал по разным частям своей империи и за время своего правления совершил одиннадцать морских путешествий - замечательный показатель в те дни, когда путешествия были сравнительно опасными.

Чарльз изменил свой девиз с *Nondum* на *Plus ultra*, продолжая посылать флоты через океан, чтобы знамя Кастилии могло гордо реять на далеких берегах Тихого океана. Но война с Францией была реальным интересом жизни императора, и он энергично преследовал его, получая поставки от испанских *кортесов* или законодательной власти Испании. Он завоевал симпатии этой нации во время своей резиденции в Мадриде в 1522-9 годах и усмирил мятежный дух *коммун*, которые управляли местными делами. Его брак с Изабеллой Португальской также доказал, что он будет поддерживать традиции испанской монархии.

В 1521 году французы были изгнаны из Миланского герцогства, а в 1522 году они были вынуждены уйти из Италии. В следующем году коннетабль Бурбонский покинул Франциска, чтобы поддержать дело императора, потому что он получил много оскорблений от придворных фаворитов. Он был отстранен от управления Миланом и любил цитировать слова старого гасконского рыцаря, впервые произнесенные в царствование Карла VII: "Не три королевства, подобные вашему, могли заставить меня покинуть вас, но одно оскорбление могло".

Бурбона упрекали в неверности своему королю в битве при Ла-Биаграссе, где Баярд, этот безупречный рыцарь, *без страха и упрека*, пал вместе со многими другими французскими дворянами. Констебль проявил сострадание к раненому мужчине, который лежал у подножия дерева, по-прежнему повернувшись лицом к врагу. "Сэр, вам не нужно жалеть меня", - храбро ответил рыцарь, - "ибо я умираю честным человеком; но мне жаль вас, видя, что вы служите против своего принца, своей страны и своей присяги".

Бурбон, возможно, и покраснел от такого упрека, но он храбро выступил в битве при Павии от имени императора. Франциск I вторгся в Италию и занял Милан, но он не поспешил развить свой успех и потерпел поражение от рук своего вассала 24 февраля 1525 года, когда Карлу V исполнилось двадцать пять лет. Цвет Франции пал на поле битвы, а сам король был взят в плен. Он не отдал свой меч предателю Бурбону, но продолжал сражаться пешим после того, как под ним была подстрелена его лошадь. Он доказал, что был таким же аккуратным рыцарем, как Баярд, и написал своей матери вечером в день этой битвы: "Все потеряно, кроме чести".

Теперь и Франция, и Италия были в руках императорской армии. Бурбон решил выступить в поход на Рим, к радости своих нуждающихся, жадных солдат. Он взял древнюю столицу, где веками копились богатства; и испанцы, и немцы безудержно грабили ее сокровища. Они не пощадили ни церкви, ни дворцы, но осквернили самые священные места. Само кольцо было снято с руки папы Юлия, когда он лежал в своей гробнице. Климент VII, правящий папа, был слишком слаб и колеблющийся, чтобы спастись самому, хотя это было вполне возможно. Он был взят в плен, поскольку политические мотивы побудили императора потребовать большой выкуп.

Дамский мир завершил долгую войну между Карлом V и Франциском I. Он был назван так потому, что был организован через Луизу, мать французского короля, и Маргариту, тетю, которая опекала императора в его детстве. Эти две дамы занимали соседние дома в городе Камбре и в любое время совещались в узком проходе между двумя домами. Мир, окончательно заключенный в августе 1529 года, был очень позорным для Франциска I, поскольку он согласился покинуть всех своих сторонников в Италии и Нидерландах. Он купил себе свободу по Мадридскому мирному договору 1526 года.

В 1530 году император, заключивший сепаратный договор с итальянскими государствами, получил корону Ломбардии и корону Священной Римской империи из рук папы римского в Болонье. По этому случаю на него надели мантию, усыпанную драгоценностями, и несколько старинных сандалий. Плохое самочувствие и растущая меланхолия омрачили его радость от этих почестей. Его орлиные черты лица и смуглый цвет кожи раньше придавали ему некоторую привлекательность, но теперь тяжелая "габсбургская" челюсть начала свидетельствовать о непоколебимом упрямстве узкой натуры. Железная корона Италии тяжело давила на него, ибо он терзался угрызениями совести из-за того, что пренебрег мольбами папы о спасении рыцарей Святого Иоанна, чье поселение на Родосе подверглось нападению неверных турок. Он отдал им Мальту, чтобы успокоить свою совесть. После окончания длительного конфликта с Францией религия занимала большую часть его внимания.

Ересь распространялась в Германии, где Лютер приобрел огромное количество приверженцев. Карл издал эдикт против монаха, но в результате ему пришлось столкнуться с национальным сопротивлением. В 1530 году он возобновил действие Вормсского эдикта и столкнулся с противодействием Лиги протестантских князей, которые обратились за помощью к Англии, Франции и Дании против императора-деспота. Он бы вознамерился сокрушить их, если бы его владениям не угрожал Солиман Великолепный, турецкий султан с огромной армией. Он был вынужден заручиться поддержкой протестантов против турок, чтобы изгнать последних со своей восточной границы.

Итальянцы, фламандцы, венгры, богемцы и бургундцы сражались бок о бок с немецкими войсками и отбросили захватчика обратно на его собственную территорию. Когда эта опасность была предотвращена, Франция внезапно напала на Савойю, и император понял, что ему следует отложить свою борьбу с лютеранами. Совместное вторжение Карла V и Генриха VIII во Францию вынудило Франциска заключить унижительный мир в Креспи в 1544 году. Три года спустя смерть французского короля предоставила его противнику свободу действий по подавлению религиозной свободы его немецких подданных.

Император, объявивший себя на стороне папства в 1521 году, теперь объединился с папой и братом Карла Фердинандом, которому было передано управление всеми австрийскими землями. Все трое были полны решимости заставить Германию вернуться к старой вере и старому подчинению Империи. Их решимость, казалось, исполнилась, когда Морис, герцог Саксонии, предал протестантов, союзники немецких князей оказались неверными, а курфюрст Саксонии и ландграф Гессенский были взяты в плен при Мюльберге в апреле 1547 года.

Звезда Австрии все еще была в зените, и Карл V все еще мог процитировать свою любимую фразу: "Я и счастливый момент". Он поставил Мориса на место почтенного курфюрста Саксонии, который давным-давно отказался брать взятку, и позволил ландграфу Гессенскому сидеть в тюрьме. Он воображал, что Германия у его ног, и ликовал по поводу защитников ее

свободы. Когда-то в их сердцах теплилась слабая надежда, что император будет отстаивать дело Лютера из политических интересов, но ему не нужно было оружие против папы, поскольку Святой Престол был полностью подчинен его желаниям. Фанатизм, унаследованный от испанских предков, теперь проявился в императоре. В Испании и Нидерландах он использовал ужасную инквизицию, чтобы искоренить ересь. Великие инквизиторы, взявшие на себя заботу о религиозном благополучии этих стран, от имени своего правителя провозгласили контроль над мирянами и священнослужителями.

Морис был беспринципен и интриговал с Генрихом II французским против императора, который считал себя Защитником принцев империи. Была собрана грозная армия, которая поставила Карла в невыгодное положение и изгнала его из Германии. Аугсбургский мирный договор 1555 года официально утвердил протестантизм на большей части империи.

Император с тревогой чувствовал, что звезда Австрийского дома закатывается. После того как ему не удалось сокрушить еретиков, его беспокоило плохое самочувствие и мрачный настрой, которые он унаследовал от своей матери Джоанны. Он устал путешествовать из одной части своих владений в другую и знал, что никогда не сможет завоевать больше славы и богатства, чем имел раньше. Его сын Филипп был достаточно взрослым, чтобы править вместо него, если бы он решил уступить власть. Старая римско-католическая вера отделяла его от шума и борьбы мира, обещая покой и все утешения уединения.

В 1555 году император провел торжественную церемонию отречения в Брюсселе, поскольку оказывал особые почести своим подданным в Нидерландах. Он восседал в государственном кресле, окруженный великолепной свитой, и с естественной гордостью рассказывал о знаменитых деяниях своего правления, подробно останавливаясь на тяготах постоянных переездов, потому что не желал доверять государственные дела кому-либо другому. Повернувшись к Филиппу, он приказал ему свято соблюдать законы своей страны и поддерживать католическую веру во всей ее чистоте. Пока он говорил, все его слушатели заливались слезами, поскольку народ Нидерландов был очень благодарен своему правителю. И церемония передачи испанской короны Филиппу была не менее трогательной. Чарльз выбрал монастырь Сан-Юсте в качестве своего последнего пристанища из-за его теплого и сухого климата. После нежного прощания со своей семьей он отправился туда в некотором состоянии, и многие сопровождающие отправились в уединение вместе с ним. Юсте был приятной мирной деревушкой недалеко от испанского города Пласенсия. Над ней нависла глубокая тишина, нарушаемая только звоном колоколов монастыря, в который входил император. Он обнаружил, что для его "дворца" было возведено здание в саду, засаженном апельсиновыми деревьями и миртами. Она была роскошно обставлена в соответствии с представлениями монахов, поскольку Чарльз не собирался перенимать простоту этих братьев Святого Иеронима. Для комнат, приготовленных для королевской особы, привезли бархатные балдахины, богатые гобелены и турецкие ковры. Стены спальни императора были завешаны черным в знак его глубокого траура по матери, но в этой квартире было развешано множество картин кисти Тициана. Лежа в постели, Чарльз мог видеть знаменитую "Глорию", изображавшую императора и императрицу ушедшей эпохи посреди толпы ангелов. Он также мог присоединиться к песнопениям монахов, не вставая, если бы страдал подагрой, потому что окно из его комнаты выходило прямо в монастырскую часовню. Шестьдесят слуг все еще находились на службе у

отшельника, и тем, кто занимался кулинарией, было трудно удовлетворить аппетит монарха, который, если и отказался от своего трона, то ни в коем случае не отказался от удовольствий за столом.

К Юсте пригласили Хранителя Гардероба, хотя Чарльз был невзрачен в своем наряде и несколько пренебрегал личным тщеславием своих главных соперников. Он был скуп в таких вопросах и терпеть не мог, когда хорошая одежда портилась, что он показал, когда во время внезапной бури снял новую бархатную шапочку и послал к себе во дворец за старой! Он соблюдал постные дни, хотя и не обедал с монахами, и жил обычной монастырской жизнью. Монахи стали беспокойными под постоянным надзором, который он осуществлял, и один из них, как говорят, сделал замечание царственному заключенному, сказав: "Неужели ты не можешь довольствоваться тем, что так долго переворачивал мир с ног на голову, не приходя сюда, чтобы нарушить тишину монастыря?"

Чарльз проводил много часов досуга за механическими занятиями, в которых ему помогал некто Торриано, сконструировавший солнечные часы в монастырском саду. Он очень любил часы, и в его королевских покоях их было несколько. Особыми достижениями Торриано были несколько оловянных солдатиков, сконструированных таким образом, что они могли выполнять военные упражнения, и маленькие деревянные птички, которые залетали в окно и вылетали из него, вызывая восхищение монахов, прогуливающих по монастырскому саду.

Во время своего уединения император принимал множество посетителей. Он по-прежнему интересовался событиями в Европе и с глубочайшим прискорбием воспринял известие о том, что Кале был потерян женой Филиппа-англичанкой. Он всегда был готов дать совет своему преемнику и становился все более нетерпимым в религиозных вопросах. "Передайте от меня великому инквизитору, - писал он, - чтобы он был на своем посту и приставил топор к корню дерева, пока оно не распространилось дальше. Я полагаюсь на ваше рвение привлечь виновных к ответственности и наказать их без какой-либо выгоды для кого-либо со всей строгостью, которой требуют их преступления ". После этого впечатляющего обращения к Филиппу он добавил дополнение к своему завещанию, искренне заклиная его привлечь к ответственности каждого еретика в его владениях.

Глава VII

Морские попрошайки

Нидерланды, расположенные как своего рода спорная территория между Францией и Германией, были склонны испытывать влияние различных форм протестантизма, которые были установлены в этих странах. Жители были удивительно сообразительны, и их привлекало все, что вызвало к их разуму. Их широта ума и космополитический кругозор были, без сомнения, в значительной степени обусловлены обширной торговлей, которую они вели с восточными и западными странами. Жители хорошо построенных городов, разбросанных по Нидерландам, стали очень богатыми. Они могли посылать прекрасных солдат, в чем убедился Карл V, но их главным занятием была торговля. Образование сделало их намного выше многих других европейцев, которые едва избавились от невежества и суеверий средневековья. Доказав, что они достаточно сильны, чтобы быть независимыми, они образовали Конфедерацию республик после смерти Карла V в 1558 году.

Императора искренне оплакивали, потому что он обладал фламандскими вкусами, однако его попытки объединить все Нидерланды в единое королевство всегда терпели неудачу. В Нидерландах было не менее семнадцати провинций, которыми управляли семнадцать мелких князьков. Каждая провинция презирала другую как совершенно чужую. Местные жители говорили как на французском, так и на диалекте немецкого языка. Большим недостатком Филиппа II, их нового правителя, было то, что он говорил только по-кастильски.

Филипп был непопулярен со времени своего первого визита в Нидерланды, еще до того, как война с Францией была урегулирована Като-Камбрезийским мирным договором. Успех этого соглашения был обусловлен главным образом тонкой дипломатией Вильгельма, принца Оранского, доверенного советника Карла V, на плечо которого император опирался во время церемонии отречения.

Вильгельм Оранский никому не уступал в гордости за свое происхождение, поскольку происходил из одного из самых прославленных домов Нидерландов. Он был молод, галантен и любил пышность, когда вел переговоры от имени императора с Генрихом II французским. Он справился с делами настолько успешно, что император смог выйти без потери престижа из войны, которую он стремился закончить любой ценой. Уильям получил свое прозвище Молчаливый во время своего пребывания в качестве заложника при французском дворе.

Однажды, на охоте, Генрих II неосторожно рассказал Оранскому о плане, который они разработали с Филиппом, уничтожить всех еретиков в их владениях Франции и Нидерландах внезапным смертоносным натиском, который не оставил бы протестантам времени на сопротивление. Предполагалось, что Уильям, будучи влиятельным католическим дворянином, обрадуется этому плану. Он очень мудро хранил молчание, но на самом деле был полон негодования. Его не заботила реформатская религия сама по себе, но он был гуманным, великодушным человеком и с того часа решил, что будет защищать беспомощных, преследуемых протестантов Нидерландов.

Филипп II не заставил себя долго ждать, проявив ревностное соблюдение указаний своего отца по сохранению католической веры во всей ее чистоте. Он возобновил действие эдикта или "плаката" против ереси, который был впервые издан в 1550 году. Это предусматривало

наказание любого, кто "напечатает, напишет, скопирует, сохранит, скроет, продаст, купит или раздаст в церквях, на улицах или в других местах" любую книгу реформаторов, любого, кто будет проводить собрания, или любого, кто будет беседовать или оспаривать Священное Писание, не говоря уже о тех, кто осмелится придерживаться мнений еретиков. Мужчины должны были быть казнены мечом, а женщины похоронены заживо, если они будут упорствовать в своих заблуждениях. Если они будут твердо придерживаться своих убеждений, такие смерти считались слишком милосердными. Казнь на костре была повсеместным наказанием во времена испанской инквизиции.

Philip II present at an Auto-da-Fé
D. Valdivieso

76

Филипп II присутствует на аутодафе. (Д. Вальдивьесо)

Филипп наблюдал за сожжением своих подданных-еретиков с явным удовлетворением. Первой церемонией, которая приветствовала его по возвращении в Испанию, было *аутодафе*, или Акт веры, в ходе которого многие жертвы были отправлены на костер. Местом действия была большая площадь Вальядолида перед церковью Святого Франциска, и шесть часов послужили сигналом к удару колоколов, которые вывели этот мрачный поезд из крепости инквизиции. Войска маршировали перед несчастными мужчинами и женщинами, которые были одеты в отвратительную одежду, известную как Сан-Бенито — свободный мешок из желтой ткани, на

котором были вышиты фигуры пламени и питающихся им дьяволов, в знак судьбы, которая постигнет еретиков душой и телом. На картонной крышке были изображены аналогичные приспособления, придававшие страдающим лицам мучеников гротескный пафос. Судьи и магистраты следовали за ними, и знать страны была там верхом на лошадях, в то время как члены ужасного трибунала следовали за ними, высоко подняв оружие инквизиции.

Филипп занял место на помосте, воздвигнутом напротив эшафота. Его долгом было вытащить свой меч из ножен и повторить клятву, что он сохранит чистоту католической веры, прежде чем станет свидетелем казни "врагов Божьих", как он считал всех тех, кто отдал свои жизни ради еретических угрызений совести.

Несколько отречшихся были помилованы, но для большинства отречение означало лишь длительное заключение в камерах, где многие сердца разбились после долгих лет одиночества. Имущество обвиняемого конфисковывалось в любом случае; и это правило было сильным искушением для доносчиков, которые получали определенную долю имущества своего соседа, если доносили на него. Когда "примиренных" отправляли обратно в тюрьму под усиленной охраной, все взоры были прикованы к нераскаившимся. Они носили карты на шее и держали в руках либо крест, либо перевернутый факел, что было знаком того, что их собственная жизнь вскоре оборвется. Лишь немногие из них проявили слабость, поскольку они уже одержали победу над длительными пытками. Они шли с гордо поднятой головой к кемаде, или месту казни.

Монахи-доминиканцы, благодаря фанатичному рвению которых Святая Канцелярия завоевала власть над каждым испанцем, часто ходили среди обреченных, лишенных своего прежнего облачения. Однажды знатный флорентиец обратился к Филиппу, когда его вели по королевской галерее. "Неужели ты позволяешь преследовать своих невинных подданных?" Лицо короля посуровело, и он резко ответил: - Если бы это был мой собственный сын, я бы принесла дров, чтобы сжечь его, будь он таким негодяем, как ты. И нет никаких сомнений в том, что Филипп говорил правду, когда произносил такие безжалостные слова.

С королевской санкции преследование продолжалось в Нидерландах. Это закрыло для Испании области науки и спекуляций. Это должно было сломить свободный республиканский дух Нидерландов. Карл V боялся нанести ущерб торговле, которая позволяла ему платить огромной, всепобеждающей армии. Его сын был менее терпим и считал религию более важной, чем даже военные успехи.

Ужас перед этой грозной бандой инквизиторов обрушился на фламандских протестантов, как тень на солнечный склон холма. Они жили в комфорте и независимости, сопротивляясь любым попыткам королевской тирании. Теперь среди них правила тирания похуже — тайная, безжалостная, бесчеловечная, требующая жертвоприношений. Филипп усердствовал в назначении новых епископов, у каждого из которых должны были быть инквизиторы для помощи в выслеживании протестантов. "В мире осталось очень мало людей, которым небезразлична религия, - писал он, - поэтому нам необходимо уделять больше внимания христианству".

Гранвель, кардинал католической церкви, был правителем Нидерландов, терроризировавшим Маргариту Пармскую, которую Филипп назначил там своим регентом. Маргарет была достойной женщиной с мужскими вкусами и привычками; она была дочерью Карла V и, следовательно,

сводной сестрой Филиппа. Она добилась бы некоторых уступок для протестантов, зная нрав фламандцев, с которыми она была в родстве по происхождению, но Гранвель был искусен в своей политике и сумел путем частой переписки с Испанией свести на нет усилия всей партии, которая с негодованием смотрела на работу инквизиторов. Питер Тительман, главный инструмент Святой канцелярии в Нидерландах, встревожил Маргарет, а также ее подданных, которые оказались во власти этого монстра. Он разъезжал по стране верхом, вытаскивая подозреваемых из их постелей и радуясь тому, что никто не осмеливался сопротивляться ему. Однажды он ворвался в дом в Рисселе, схватил Джона де Суарта, его жену и четверых детей, а также двух молодоженов и двух других лиц, обвинил их в чтении Библии и молитве в их собственных жилищах и приказал немедленно сжечь их всех. Неудивительно, что герцогиня Пармская задрожала, когда тот же самый мужчина постучал в двери ее покоев, требуя впустить его. Высокие и низкие были в равной степени в опасности. Даже королевская семья находилась во власти Святой канцелярии. Шпионов можно было найти в любом доме, и как мужчины, так и женщины исчезали, чтобы отвечать на "запросы", проводимые с применением пыток на дыбе, не зная своих обвинителей.

У Гранвеля были враги, которые склонились к свержению министра. Он был скромного происхождения, хотя накопил огромное состояние и обладал замечательными способностями к управлению. Эгмонт, свирепый, неуживчивый солдат, был его главным противником среди знати. Была оживленная сцена, когда Эгмонт обнажил шпагу против кардинала в присутствии регента.

Вильгельм Оранский был, пожалуй, единственным человеком, которого все уважали за его истинное мужество и силу характера. Гранвель писал о нем Филиппу как о чрезвычайно опасном человеке, зная, что в "Безмолвии" он встретил равного себе в хитрости; ибо качества Уильяма странным образом сочетались — у него были огромные амбиции, и все же позже он занялся делом, которое разрушило его блестящее состояние. Он был честен, но не испытывал угрызений совести в общении с противниками. Он нанимал шпионов, которые знакомили его с секретными документами, и использовал все возможные средства для получения преимущества.

Эгмонт и Оранж соперничали друг с другом в содержании штата, их жены жестоко ревновали друг к другу. Второй брак Вильгельма был заключен по мирским мотивам. Его невестой была принцесса Анна Саксонская, дочь курфюрста Мориса, который творил такое зло для императора Карла и принял новую религию. Принцессе было всего шестнадцать; она хромала и отнюдь не была красавицей. Напекали также, что характер у нее был бурный, а кругозор узкий. Преимущества этого брака заключались в ее высоком ранге, который был выше ранга Оранского. Филиппу не понравилась свадьба Реформатора с одним из его самых могущественных подданных. Ему не нравилась семья невесты, что было естественно, а семья невесты не одобряла ее свадьбу с "папистом". Церемония состоялась в День Святого Варфоломея 1561 года.

После своей второй женитьбы принц Оранский продолжал проявлять барское гостеприимство, поскольку его штат поваров был знаменит. Его жена поссорилась из-за превосходства с графиней Эгмонт, пока им обоим не пришлось разгуливать по улицам рука об руку, потому что ни один из них не признавал низшего положения. Будучи великолепно одетыми, они испытывали много неудобств из-за узких дверных проемов, которые не были приспособлены

для того, чтобы пропустить более одной дамы в костюмах того периода. Времена были еще не слишком серьезными, чтобы запрещать подобные мелкие препирательства, и была определенная часть общества, достаточно легкомысленная, чтобы наслаждаться смешной стороной происходящего.

Маргарита Пармская открыто выказывала свою радость, когда Гранвель был изгнан, поскольку чувствовала себя избавленной от тирана. Теперь она доверилась Оранскому, который пользовался большой популярностью в народе. Казалось, появилась некоторая надежда побудить Филиппа отменить некоторые эдикты, направленные против его протестантских подданных. Их крики с каждым днем становились все громче, и в Нидерландах царило беспокойство, которое с восторгом приветствовало решение графа Эгмонта о новой ливрее для своих слуг, которая должна была осудить хвастовство таких министров, как Гранвель. Его слуги появились в камзолах и рейтузах из грубейшего серого материала, с длинными свисающими рукавами и без вышивки. Они носили эмблему в виде шутовского колпака с колокольчиками или монашеского капюшона, который, как предполагалось, высмеивал презрительный намек кардинала на дворян как на шутов. Король был в ярости из-за моды, которая вскоре распространилась среди придворных. Затем они заменили этот символ на пучок стрел или пшеничный сноп, которые, по их утверждению, обозначали единение всех их сердец на службе царю. Школьники не могли бы выразить большей радости в отсутствие своего учителя, чем весь двор, когда Гранвель покинул страну в 1564 году, якобы навестив свою мать.

Теперь у Оранжа было три цели в жизни: созвать Генеральные штаты, смягчить или отменить указы и упразднить как финансовый совет, так и тайный совет, оставив только один государственный совет, который он мог сделать органом реформ. К этому времени преследования повергали в ужас как католиков, так и кальвинистов. Тюрьмы были переполнены жертвами, и по улицам непрерывно проходили процессии к костру. Четыре поместья Фландрии объединились в обращении к Филиппу. Эгмонт должен был посетить Испанию и указать на бесполезность принуждения Нидерландов к принятию религиозных декретов, которые низводили их до униженного рабства. Прежде чем отправиться в путь, Вильгельм Оранский произнес примечательную речь, объявив провинции свободными и полными решимости отстаивать свою свободу.

Визит Эгмонта провалился, поскольку он позволил себе поддаться лести Филиппа II. Его упрекали в том, что, когда он вернулся, он забыл интересы государства и был поглощен напрасными сожалениями. Гнев народа возрастал с каждым днем по мере того, как жестокие преследования опустошали Нидерланды. Все остальные темы были забыты во время агонии и ожидания. Поговаривали о сопротивлении, которое привело бы к смерти на поле боя, более милосердной, чем медленная пытка. На улицах, в магазинах и тавернах люди собирались, чтобы перешептываться о темных деяниях, совершенных от имени инквизиции. Филипп поклялся "никогда не позволять себе ни становиться, ни называться господом тех, кто отвергает Тебя как своего Господа", распростершись ниц перед распятием. Эта клятва предрешила участь протестантов. С тех пор стало известно, что те, кто боялся смерти, выступали за свободу религии.

Герцог Алва был тверд в своей поддержке мер Филиппа. Инквизиция была официально объявлена на рыночных площадях каждого города и деревни Нидерландов. Сопротивление было неизбежным. Все знали, что противоборствующие армии скоро выйдут на поле боя.

Торговля перестала привлекать внимание людей. Те торговцы и ремесленники, которые были в состоянии, покинули города. Патриоты наконец высказали то, что было у них на сердце, и памфлеты "посыпались снегом на улицы". "Лига компромисса" была образована в 1566 году во главе с графом Луи Нассауским; она объявила инквизицию "беззаконной, противоречащей всем законам, человеческим и божественным, превосходящей величайшее варварство, которое когда-либо практиковали тираны, и приводящей к бесчестию Бога и полному опустошению страны". Члены Лиги могли быть добрыми католиками, хотя они и поклялись противостоять инквизиции. Они всегда обещали не предпринимать никаких попыток, "направленных на умаление величия короля или владычества". Все, кто подписал Соглашение, должны были быть взаимно защищены клятвой, которая позволяла никому не подвергаться преследованиям. Фактически это была Лига против иностранного правительства Нидерландов, подписанная дворянами, чей дух был поднят в знак протеста против влияния таких людей, как Алва.

Компромисс не получил поддержки Вильгельма Оранского, потому что он с недоверием относился к его целям. Члены церкви были молоды и неосмотрительны, и многие из них вовсе не были бескорыстны в своем желании заполучить обширные земли, принадлежащие католической церкви. Их бурные банкеты были опасны для всей страны, поскольку шпионы сидели за столом и записывали все экстравагантные фразы, которые могли быть истолкованы как нелояльность. Сам Оранж проводил собрания совсем другого рода в своем искреннем стремлении предотвратить катастрофу, которой он опасался.

Войска вошли в Брюссель, заявляя о своем намерении освободить страну от испанской тирании. Среди них был Бредероде — красивый бесшабашный дворянин, происходивший из одной из старейших семей Голландии. Горожане приветствовали солдат аплодисментами и проявили такой же энтузиазм на следующий день, когда процессия знатных кавалеров отправилась вручать Маргарите Пармской петицию, призывающую ее приостановить полномочия инквизиции, пока в Испанию не будет отправлен гонец с требованием ее отмены.

Когда просители покидали зал, они с яростным негодованием услышали замечание некоего Берлаймонта в адрес обеспокоенной регентши. "Что, мадам? возможно ли, что ваше высочество может испытывать страх перед этими нищими? (геу). Разве не очевидно, что это за люди? У них не хватило мудрости управлять своими собственными поместьями, и неужели теперь они должны учить короля и Ваше Высочество, как управлять страной? Клянусь живым Богом, если бы моему совету последовали, их петиция была бы прокомментирована дубинкой, и мы заставили бы их спускаться по ступеням дворца гораздо быстрее, чем они поднимались по ним.

Союзники получили ответ от герцогини, который не совсем их удовлетворил, хотя она пообещала подать королю специальное прошение об изменении эдиктов и приказала инквизиторам "умеренно и осмотрительно" выполнять свои обязанности. 8 апреля на банкете у Бредероде собрались триста гостей, и тут же, среди шума веселья и звона кубков с вином, они приняли кличку "Попрошайки", которую с презрением бросил им Берлаймон.

Бредероде первым потребовал кошелек, который повесил себе на шею на манер тех, кто просит милостыню. Он наполнил большую деревянную миску, которая была частью его снаряжения, поднял ее обеими руками и осушил, воскликнув: "Да здравствуют нищие!" Крик был подхвачен, когда каждый гость по очереди надел кошелек и выпил из чаши за здоровье Нищих. Символы

братства были развешаны в зале, чтобы все могли, стоя под ними, повторять определенные слова, когда он бросал соль в кубок:

"Клянусь этой солью, этой головой, этим кошельком,
Эти нищие по-прежнему не меняются, волнуйтесь, кто изменит".

Костюм был разработан в соответствии с фантастическим юмором знати. Вскоре Брюссель устался на причудливые фигуры в грубых серых одеждах, в фетровых шляпах и с чашей нищего в руках и кошельком. Значки, украшавшие их шляпы, свидетельствовали о верности Филиппу.

Двенадцать Нищих добивались встречи с герцогиней Пармской, чтобы потребовать назначения Оранского, Эгмонта и адмирала Хорна для охраны интересов Штатов, и они даже пригрозили заключить иностранные союзы, если Маргарет откажется предоставить то, что они хотели. Они знали, что теперь могут рассчитывать на помощь со стороны лидеров гугенотов во Франции и протестантских князей в Германии.

Надвигалась война, в которой Нищие отомстят за оскорбление, произнесенное надменными устами Берлаймона. Морская мощь Голландии берет свое начало с первого флота, который Морские попрошайки снарядили в 1569 году. Эти корсары, курсировавшие в узких водах и нападавшие на портовые города, были самых разных национальностей, но все как один были вдохновлены фанатичной ненавистью к испанцам и папистам.

Глава VIII

Вильгельм Молчаливый, Отец своей Страны

Неразбериха, царившая в Нидерландах, сильно беспокоила Маргариту Пармскую, которая написала Филиппу письмо с просьбой о людях и деньгах, чтобы подавить восстание. Она не получила ничего, кроме туманных обещаний, что однажды он приедет посетить свои заморские владения. Король Испании по-прежнему верил, что он обладает верховной властью в стране,

где многие фламандские дворяне претендовали на более высокое звание, заявляя, что так называемым сувереном является всего лишь герцог Брабантский и граф Фландрский.

В отчаянии регентша призвала Оранжа, Хорна и Эгмонта помочь ей в наведении порядка. Беженцы вернулись из-за рубежа и открыто проводили религиозные службы, отряды протестантов маршировали по улицам, распевая псалмы и выкрикивая "Да здравствуют нищие!". Маргарите Пармской, набожной католичке, казалось, что для народа не существует "ни веры, ни короля".

Вильгельм, как бургграф Антверпена, смог восстановить порядок в этом городе, пообещав горожанам, что они должны иметь право собираться для богослужения за пределами городских стен. С этим некогда светским аристократом произошла перемена — отныне его не заботили пышность и суэта жизни. Он решил посвятить себя делу преследуемых, как бы дорого это ему ни стоило.

Принц Оранский надеялся, что Эгмонт присоединится к нему в сопротивлении испанской тирании. Народ Нидерландов любил Эгмонта как солдата, доказавшего свою доблесть; можно было ожидать, что его высокое звание и гордый характер вызовут у него неприязнь к власти, которая поставит его в подчинение. Но Уильям расстался со своим другом, с грустью осознав, что ими двигали разные мотивы. "Увы! Эгмонт, - сказал он, обнимая дворянина, который не захотел оставить дело Филиппа, - милосердие короля, которым ты хвалишься, погубит тебя. Хотел бы я обмануться, но я слишком ясно предвижу, что вы станете мостом, который испанцы разрушат, как только перейдут по нему, чтобы вторгнуться в нашу страну".

Вскоре Уильям оказался в состоянии изоляции. Он отказался принести новую клятву верности королю, которая обязывала его "действовать за или против того, кого прикажет его величество, без каких-либо ограничений". Его собственная жена была лютеранкой, и из-за такого обещания его долгом могло стать уничтожить ее! Союз с иностранными князьями был единственной гарантией против сил, которые готовила Испания. Курфюрст Саксонии был готов вступить в Лигу защиты реформатской веры Нидерландов. Тем временем, сложив все свои полномочия, принц Оранский отправился в изгнание со всей своей семьей.

В 1567 году Филипп прекратил свои колебания. Он послал герцога Альвы любой ценой искоренить ересь в Нидерландах.

Алва был выдающимся генералом своего времени, солдатом, чья жизнь была одной долгой кампанией в Европе. У него была своего рода свирепая фанатичная религия, которая побудила его отомстить многим несчастным христианам за смерть своего отца от рук мавров. Он был скуп, и жажда добычи заставляла его грабить богатые города Нидерландов, не считаясь с честью. Ему было шестьдесят лет, но время не ослабило его сильного, непреклонного мужества. Высокий, худощавый и прямой, он держался как испанец благородных кровей и никому не уступал в великолепном высокомерии своих манер. Длинная борода придавала ему достоинство возраста, а осанка всегда выдавала в нем завоевателя, не знающего сострадания. Было безнадежно взывать к человечности Толедо, герцога Альвы. Суровый сторонник дисциплины, он мог управлять своими войсками лучше, чем любой из генералов Филиппа, но он не хотел сдерживать их бесчинства и, казалось, с удовольствием взирал на ужасные сцены войны, в которой не было пощады.

Альва возглавлял отборную армию из 10 000 человек — по большей части итальянских пехотинцев, с несколькими мушкетерами среди них, — которые удивили бы простых северян, к которым он относился с таким презрением. "В свое время я обучал железных людей", - хвастался он. "Разве я не смогу легко сокрушить этих людей из масла?"

Поначалу казалось, что народ Нидерландов будет запуган до полного подчинения. Эгмонт вышел навстречу Алве, принеся ему в подарок двух прекрасных лошадей. Испанец уже приговорил этого человека к плахе, но тот притворился, что очень рад такому подарку, и обнял Эгмонта за шею, которая, как он знал, недолго продержится на плечах Эгмонта. Он очень любезно разговаривал с сопровождающими, которые доставили его в Брюссель.

Маргарита Пармская все еще номинально была регентшей, но на самом деле ее сменил генерал-капитан испанских вооруженных сил. Она была в ярости от такого пренебрежения и выразила свое неудовольствие, холодно поприветствовав герцога Алвы. Написав Филиппу с упреками, она обнаружила, что ее положение не будет восстановлено, и поэтому удалилась в Парму.

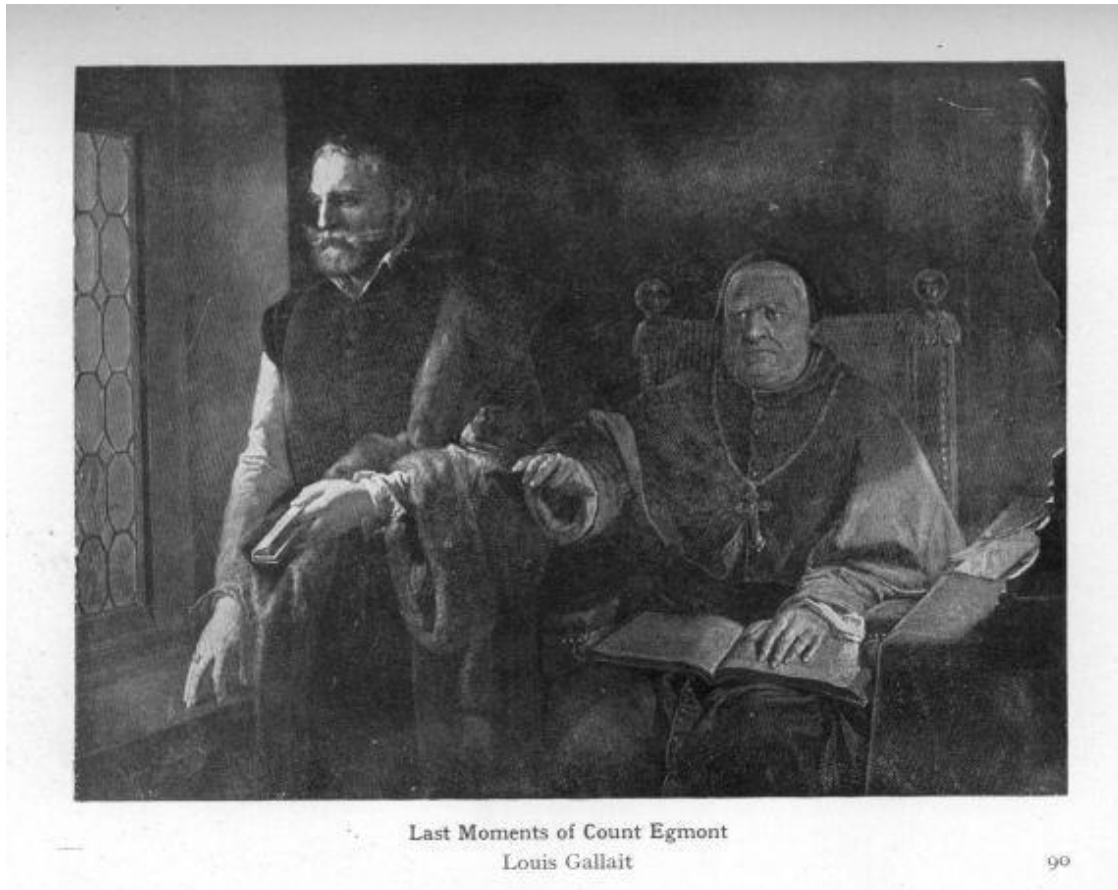
Эгмонт и Хорн стали первыми жертвами предательства Альвы. Они умерли в один и тот же день, проявив в конце концов такую стойкость, что народ горячо оплакивал их, и разразилась буря негодования против Филиппа II и агента, которого он послал пролить благороднейшую кровь Нидерландов.

Алва создал "Совет проблем", чтобы с такой же быстротой расправляться с другими жертвами. Он стал известен как "Совет крови" из-за безжалостного характера его операций. Любой, кто решал дать показания против своих друзей, был уверен, что его ждет щедрое вознаграждение за такое предательство. Герцог Алва был президентом Совета и имел право окончательного решения во всех случаях. Мало кто спасся от меча или кола, поскольку только кровью мятежников и еретиков должны были быть сокрушены, а суверенитет Филиппа в Нидерландах был прочно установлен.

В 1568 году Вильгельму Оранскому было приказано предстать перед судом, и в ответ на его отказ он был объявлен вне закона. Его старший сын был схвачен в Лувенском университете и отправлен к испанскому двору, чтобы он мог забыть принципы, на которых был воспитан.

Оранж выступил с оправданием своего поведения, но даже это было расценено как акт неповиновения власти Филиппа. Некогда верноподданный решил изгнать королевские войска из Нидерландов, считая себя избранным Богом, чтобы спасти реформаторов от безжалостного гнета испанцев. Он уже изменил свои взгляды на религию. Благоразумие, казалось, покинуло пронцательного принца Оранского. Он продолжил собирать армию, хотя у него не было достаточно денег, чтобы заплатить своим наемникам. Он готовился к борьбе против генерала, не имеющего себе равных в Европе, более того, генерала, под командованием которого были ветераны и за спиной которого стоял авторитет Испании. Однако первая катастрофа не обескуражила ни Вильгельма Оранского, ни его брата Людовика Нассауского, который также был рыцарским вождем народа. "С Божьей помощью я полон решимости идти дальше", - таковы были слова, вдохновленные триумфом Алвы. В других странах были реформаторы, готовые оказать помощь своим собратьям по религии. Елизавета Английская радушно приняла тысячи фламандских торговцев. Вильгельм постоянно надеялся, что она открыто пришлет войска ему на помощь.

Елизавета, однако, не любила мятежников и была не намерена проявлять сочувствие к врагам Филиппа, которые удерживали его войска от нападения на Англию. Она тайно поощряла нищих захватывать испанские корабли, но не посылала армию достаточной силы, чтобы обеспечить решающую победу реформаторам Нидерландов.

Последние мгновения графа Эгмонта (Луи Галле)

Альва ликовал по поводу потери престижа, вызванной бегством его врага из лагеря гугенотов в одежде немецкого крестьянина. Он считал Вильгельма покойником, поскольку тот был вынужден скитаться по стране, страдая от осуждения своих союзников за то, что он не добился успеха. Победа Альвы казалась бы слишком легкой, если бы у испанцев не было ужасной нехватки средств из-за награбленного, вывезенного из Испании моряками елизаветинской эпохи. Испанский генерал внезапно потребовал налогов от народа Нидерландов и ожидал, что они будут выплачены безропотно.

Но он ошибся в духе торговой страны, которая не была подчинена ни одному правителю. Эти преуспевающие торговцы всегда привыкли распоряжаться заработанными деньгами в соответствии со своими собственными желаниями. Враги испанцев появились среди их бывших союзников. Католики, так же как и протестанты, были разгневаны требованием Альвы ввести налог в размере "сотой копейки" на всю собственность. Имя Альвы вызывало отвращение еще до

того, как он вступил в Нидерланды с армией, которая была печально известна кровавыми подвигами и бесчинствами. Теперь это вызвало такую яростную ненависть, что люди, которые были готовы поддержать его меры ради своих собственных интересов, постепенно покинули его.

В июле 1570 года герцог Альва объявил амнистию на большой площади Антверпена. Приближающийся брак Филиппа с Анной Австрийской следовало бы отпраздновать с некоторой видимостью доброжелательности ко всем людям, но именно в это время самое черное предательство запятнало имя Филиппа, и без того ассоциировавшееся с суровой жестокостью.

Монтињи, сын вдовствующей графини Хорн, был одним из послов, отправленных ко двору Филиппа еще до начала войны. Он был задержан в Испании и боялся смерти, поскольку был пленником в замке Сеговия. Филипп с самого начала намеревался уничтожить Монтињи, но не решился отдать открытый приказ о его казни. Рыцарь был приговорен Советом Крови к трем годам тюремного заключения, но все еще медлил, надеясь на освобождение благодаря усилиям своей семьи. Король был занят приготовлениями к свадьбе, но не слишком занят, чтобы осуществить хитроумный план, в результате которого Монтињи, казалось, умер от лихорадки, тогда как его задушили в замке. Лицемерие испанского монарха было настолько полным, что он даже заказал траурные костюмы для слуг Монтињи.

В 1572 году "нищие", всегда без устали сражавшиеся со своими врагами в открытом море, взяли Брилл в отсутствие испанского гарнизона. Их действия были настолько успешными, что они водрузили флаг повстанцев над маленьким фортом и принесли присягу вместе с жителями признать принца Оранского своим штатгальтером. Брилл был неожиданным триумфом, за которым блестящий, порывистый Людовик Нассауский последовал захват Флашинга, ключа Зеландии, который был подступом к Антверпену. Затем морские попрошайки наводнили весь Вальхерен, принимая в свои ряды множество новобранцев и безрассудно грабя церкви. Испанским войскам остался только Мидделбург, в то время как северные провинции начали смотреть на принца Оранского как на своего законного правителя.

Вильгельм косо смотрел на беспорядочные подвиги Нищих, но захват важных городов вдохновил его на новые усилия. Он переписывался со многими зарубежными странами и повсюду имел своих агентов. Сент-Альгонд был одним из главных инициаторов этих переговоров. Он был не только солдатом, но и поэтом и написал волнующий национальный гимн *Вильгельмуса ван Нассувена*, который до сих пор поют в Нидерландах. Бюргеры теперь открывали свои кошельки, чтобы раздавать деньги, поскольку они чувствовали, что победы обязательно должны последовать за захватом Брилла и Флашинга. Уильям выступил в поход с наемными солдатами и был встречен известием об ужасной резне протестантов во Франции в 1572 году накануне дня Святого Варфоломея. Все его надежды на помощь со стороны Франции рухнули в одночасье, и на какой-то момент он был обескуражен. Людовик Нассауский был осажден в Монсе Альвой. Он попытался освободить своего брата, но ему позорно помешали *военачальники*, которые ночью пробрались в его лагерь в белых рубашках поверх доспехов и убили восемьсот его солдат.

Вильгельм раз и навсегда связал свою судьбу с Северными провинциями, получив сердечный прием от Голландии и Зеландии, государств, ведущих доблестную борьбу. Он был признан

штатгальтером собранием штатов в 1572 году, и для протестантов и католиков была установлена свобода вероисповедания. Его власть была абсолютной в этом регионе Нидерландов.

Альва отомстил за сопротивление Монса жестоким разграблением Малина и Зутфена. Бесчинства его солдат были почти бесчеловечными, и к удовлетворению вождя была захвачена огромная добыча.

Амстердам был верен Филиппу, но Харлем находился в руках кальвинистов. Испанская армия двинулась на этот город, рассчитывая взять его с первого же штурма, но встретила упорное сопротивление. Горожане помнили ужас разграбления Зутфена. Они отбивали один штурм за другим, и осада, начатая в декабре 1572 года, превратилась в блокаду, но испанцы по-прежнему не могли войти. Головы командиров армий помощи, которые потерпели поражение, были брошены в Харлем с оскорбительными насмешками. Ответом на это была бочка, которую отправили в путь с одиннадцатью головами, десятью в счет уплаты налога в размере одной десятой, в котором до сих пор отказывали Алве, и одиннадцатой в качестве процентов с суммы, которая не была выплачена достаточно быстро! В июле 1573 года, когда жители были доведены голодом до потребления сорняков, кожи для обуви и паразитов, испанская армия вошла в Харлем.

Потери с обеих сторон были огромными, и у Вильгельма были основания для отчаяния. Из 4000 человек гарнизона осталось всего 1600. Казалось, мужество жителей Харлема было напрасным, поскольку со всех сторон возвышались виселицы, демонстрирующие лидеров отчаянного сопротивления.

Но флотилии Нищих с триумфом бороздили морские просторы, а пример Харлема придал мужества другим городам, не желавшим терпеть поражение в стойкости. Альва был разочарован, обнаружив, что немедленного подчинения не последовало. Он покинул страну в 1573 году, заявив, что его здоровье и силы иссякли, и он не желает терять свою репутацию.

Дон Луис Рекесенс, его преемник, поставил бы условия, но Вильгельм Оранский придерживался определенных решений. На всей территории Нидерландов должна быть свобода вероисповедания, где должны быть восстановлены все древние хартии свободы и каждый испанец должен уйти в отставку со своего поста. Затем Уильям объявил себя кальвинистом, вероятно, по патриотическим соображениям.

Надежда на помощь со стороны Франции и Англии снова неизбежно возросла. Людовик Нассауский получил крупную сумму французских денег и намеревался собрать войска для освобождения Лейдена, который был захвачен испанцами в 1574 году. Он собрал силы смешанной национальности без какой-либо сплоченности, был застигнут врасплох и убит вместе со своим доблестным братом Генри. Их потеря стала большим ударом для Уильяма, который чувствовал, что ответственность за ведение войны отныне лежит исключительно на его плечах.

Лейден был освобожден благодаря отчаянному решению срезать дамбы и открыть шлюзы, чтобы затопить землю вокруг него. Таким образом, флот получил возможность плавать среди полей и фермерских домов, чтобы атаковать осаждающих испанцев. Морские бродяги были отнесены ветром к окраинам Лейдена, где они вступили в смертельную схватку. Форты попали в их руки, некоторые были покинуты испанцами, спасавшимися от прибывающих вод. Вильгельм Оранский получил известие в Делфте, где он обосновался. Он основал Лейденский университет

как памятник стойкости горожан. Победа, однако, была изменена несколько месяцев спустя взятием Зирикци, что дало испанцам выход к морю, а также отрезало Вальхерен от Голландии.

В полном отчаянии Уильям сделал предложение королеве Елизавете, предложив ей суверенитет Голландии и Зеландии, если она примет участие в борьбе против Испании. Елизавета не осмелилась отказаться, опасаясь, что Франция вмешается в конфликт, но она не желала публично заявлять о себе на стороне повстанцев.

В апреле 1576 года был подписан Акт о Федерации, который формально объединил два государства Зеландию и Голландию и передал верховную власть принцу Оранскому, главнокомандующему во время войны и губернатору в мирное время. Рекезенс был мертв; всеобщее патриотическое восстание было неизбежно. 26 сентября Генеральные штаты собрались в Брюсселе, чтобы обсудить вопрос об объединении всех провинций.

Ярость испанцев в Антверпене вызвала всеобщий ужас в Нидерландах. Древний город подвергся нападению совершенно внезапно, все его богатства попали в руки алчных солдат. Не менее 7000 горожан встретили свою смерть от рук людей, которые несли знамя Христа на Кресте и преклонили колени, чтобы попросить Божьего благословения, прежде чем приступить к бойне! Испанцами овладела жажда золота, и они поспешили завладеть сокровищами, накопленными в Антверпене. Драгоценности, бархат и кружева были желанны не меньше, чем содержимое сундуков торговцев, и применялись пытки, чтобы обнаружить спрятанные тарелки и деньги. Свадебное торжество было прервано, и с невесты сорвали одежду. Многие дворцы пали в огне, и великолепный Городской дом погиб. Целых два дня город был ареной неописуемых ужасов.

Мирный договор в Генте был подписан, когда весть о ярости Испании достигла Генеральных штатов. Члены этой организации объединились с принцем Оранским, как правителем Голландии и Зеландии, чтобы изгнать иностранца из своей страны. Брюссельский союз подтвердил этот договор в январе 1577 года, поскольку Юг стремился избавиться от испанцев, хотя и желал сохранить католическую религию. Дон Иоанн Австрийский, сводный брат Филиппа II, был принят на пост генерал-губернатора после того, как дал общее обещание соблюдать пожелания народа.

Дон Джон совершил государственный въезд в Брюссель, но вскоре обнаружил, что принц Оранский получил полную власть над Нидерландами и что он ни в коем случае не волен править так, как ему заблагорассудится. Дон Джон вскоре устал от зависимого положения; он захватил Намюр и обосновался там в своей резиденции, впоследствии бросив вызов Генеральным штатам. В последовавшей за этим неразберихе поднялся всеобщий клич в пользу Оранжевых, и Вильгельм с триумфом вернулся во дворец Нассау. И Север, и Юг требовали, чтобы он стал их лидером; и протестанты, и католики обещали считать его правительство законным.

В январе 1578 года эрцгерцог Матиас, брат императора, был приглашен католической партией въехать в Брюссель в качестве его губернатора. Уильям приветствовал незваного гостя, зная, что верховная власть по-прежнему принадлежит ему, но он был встревожен, увидев, что Александр Пармский присоединился к дону Джону, понимая, что их объединенные армии будут более чем достойны его. Смятение вернулось после победы Пармы, которая была способным и

блестящим генералом. Католический герцог Анжуйский захватил Монс, а Иоанн Казимир, брат курфюрста Палатинского, вошел в Нидерланды с востока как сторонник крайних кальвинистов.

Старый религиозный антагонизм разрушал союз провинций. Вильгельм приложил огромные усилия и преуспел в заручении союза королевы Елизаветы, Генриха Наваррского и Иоанна Казимира, в то время как герцог Анжуйский принял титул Защитника свобод Нидерландов. Его работа, казалось, была прекращена после смерти донна Джона в 1578 году и вступления на престол Александра, герцога Пармского. Этот принц очень умело посеял семена раздора, отделив валлонские провинции от реформаторов. В знак протеста против эксцессов кальвинистов была сформирована партия недовольных католиков. Религиозную терпимость нельзя было найти нигде, кроме как в сердце Вильгельма Оранского. Север и Юг разделились в январе 1579 года и заключили договоры, которые обязывали их соответственно защищать свою собственную форму религии.

Предпринимались попытки заставить Оранского покинуть Нидерланды, чтобы Испания могла восстановить свой утраченный суверенитет. Он был окружен врагами, и против него было составлено множество заговоров. В марте 1581 года король Филипп объявил его врагом рода человеческого, предателем инеодяем и предложил крупную взятку любому, кто лишит жизни "этого вредителя" или доставит его живым или мертвым.

Защита Уильяма, известная властям как его Извинения, была оглашена в каждом суде Европы. В нем он подробно рассказал о различных действиях за свою долгую карьеру и указал на преступления и проступки Филиппа. Его собственное императорское происхождение контрастировало с менее прославленными предками короля Испании, и красноречивое обращение к народу, ради которого он принес героические жертвы, было подписано девизом *"Я поддерживаю тебя"*. ("Я буду поддерживать".)

Герцог Анжуйский принял предложенный суверенитет Соединенных Нидерландов в сентябре 1580 года, но Голландия и Зеландия отказались признавать любого другого правителя, кроме Вильгельма Оранского, получившего титул графа, и присоединились к другим государствам, отказавшимся от своей верности Филиппу. Французский принц был награжден герцогской мантией Оранским, когда он въехал в Антверпен в качестве герцога Брабантского, и на самом деле был подчинен идолу Нидерландов. Французскому протекторату пришел конец с позорными сценами французской ярости, когда сторонники герцога попытались захватить главные города, крича в Антверпене: "Да здравствует Месса! Да здравствует герцог Анжуйский! Убивайте! Убивайте!"

Оранский по-прежнему предпочитал французов испанцам, но люди не разделяли его взглядов и с подозрением относились к его мотивам, когда он женился на дочери знаменитого лидера гугенотов адмирала де Колиньи.

Оранж удалился в Делфт, сильно обеспокоенный недоверием нации, и католическая знать постепенно переманила Парму обратно на сторону Испании. В 1584 году молодому бургундцу удалось ускользнуть от бдительности слуг Вильгельма; он пробрался в *Принценхоф* и выстрелил в принца, когда тот возвращался со своего семейного ужина.

Принц Оранский упал, восклицая: "Боже мой, сжался над моей душой и над этим бедным народом". Теперь он поплатился не только своей жизнью, но и мирским состоянием, но борьба, которую он вел почти двадцать лет, имела поистине славный конец. Гений одного человека дал свободу широко известной Голландской республике, основанной на том, что Штаты признали Вильгельма своим Отцом.

Глава IX

Генрих Наваррский

По всей Франции последователи Иоанна Кальвина из Женевы организовались в мощную протестантскую партию. Реформация в Германии имела аристократическую тенденцию, поскольку ее в основном поддерживали князья, чья политика привела их к противостоянию папству. Учение Кальвина больше обращалось к невеждам, поскольку его вероучение было строгим и простым. Кальвинисты даже объявили Лютера агентом дьявола, что разительно контрастировало с их собственным лидером, которого считали посланником Бога. Для таких людей не существовало различных степеней греховности — некоторые считались избранными или "избранными Господом" при рождении, в то время как другие были предопределены к вечному наказанию. Характерно для Кальвина было то, что он яростно призывал императора Карла V к терпимости и все же стал причиной смерти испанского врача Сервета, чьи взгляды расходились с его собственными!

Кальвинисты обычно проводили собрания на открытом воздухе, где они могли избежать ограничений, которые были наложены на богослужения в любом месте богослужения. Средний и низший классы посещали их в большом количестве, и новая вера быстро распространилась по просвещенному миру Западной Европы. Джон Нокс, известный шотландский проповедник, был верным другом Кальвина и со своей шотландской кафедры обрушивался с обличениями на молодую королеву Марию, которая приехала из Франции со всем легкомыслием манер, выработанным при французском дворе. Жителям Южной Франции не терпелось услышать пламенную речь, которая каким-то образом захватила их воображение. По мере того, как их становилось все больше и они начинали приобретать политическое значение, их стали называть гугенотами или конфедератами. Для Екатерины Медичи, католической регентши Франции, они были грозной организацией, и в Наварре их лидеры были набраны в основном из знати.

Безжалостные преследования, вероятно, в конце концов сокрушили бы гугенотов Франции, если бы они были одинаково суровыми во всех случаях. Как правило, людям самого высокого ранга удавалось избежать наказания, а некоторые представители высшего духовенства проповедовали религиозную терпимость. Тысячи людей бодро шли на смерть из рядов смиренных граждан, ибо частью вероучения Кальвина было то, что люди должны принимать мученическую смерть за свою веру, не оказывая сопротивления. Известно, что судьи умирали, терзаемые угрызениями совести и восхищаясь стойкостью своих жертв. В Дижоне сам палач провозгласил у подножия эшафота, что он обратился в веру.

Кальвинистские проповедники не смогли завоевать аудиторию в Париже, где Сорбоннский университет выступил против их доктрин и заявил, что они противоречат всей философии древних времен. Столица Франции постоянно провозглашала верность Риму помпезными процессиями, которые выходили из ее великолепных церквей и шествовали по улицам, вызывая благоговейный трепет у толпы, всегда склоняемой к насилию со стороны священников-фанатиков. Гугеноты не пытались захватить крепость, где хвастались, что "послушницы монастырей и экономки священников могли бы выгнать их оттуда метлами".

Такое грубое оружие было бы бесполезно на Юго-Востоке Франции, где все самые процветающие города приняли реформатскую религию. Большинство гугенотов были набраны из наиболее воинственных, умных и трудолюбивых слоев населения этих городов, но князья также приняли кальвинизм, и бурбоны Наварры сделали свой двор убежищем для приверженцев новой религии.

В то время Наварра была узкой полоской земли на французской стороне Пиренеев, но ее правитель по-прежнему оставался суверенным монархом и не был обязан хранить верность никакому сюзерену. Генрих, принц Бурбонский и король Наваррский, родился в 1555 году в Беарне, в горах. Его мать была кальвинисткой, и с детства он отличался строгой дисциплиной. Он бегал босиком с деревенскими парнями, научился лазать по деревьям, как серна, и не знал ничего роскошнее привычек придворного, влюбленного в простоту. Он был сбит с толку своим знакомством с бесстыдным, интригующим кругом Екатерины Медичи.

Королева-мать не позволяла королю Карлу IX иметь большую долю в правительстве Франции в тот период. У нее была итальянская любовь к лицемерию, и она следовала методам правителей мелких итальянских государств в своей политике, которая заключалась в натравливании одной соперничающей фракции на другую. Генрих де Гиз возглавил католическую партию против гугенотов, лидерами которой были принц Луи де Бурбон и его дядя, благородный адмирал де Колиньи. Гиз был настолько полон решимости прийти к власти, что фактически обратился за помощью к Испании в своей попытке сокрушить "еретиков" в своей собственной стране.

В то время гугеноты добились от короны многих заметных уступок, что усилило ожесточенную враждебность католиков. Королева-мать, однако, скрыла свое раздражение, когда увидела, что придворные дамы читают Новый Завет вместо языческой поэзии, или услышала их голоса, распевające благочестивые псалмы, а не старинные любовные баллады. Она открыто не возражала против благочестивой формы речи, которая была известна как "язык Ханаана". Она была бесстрастной женщиной, эгоистичной, но не мстительной, и, без сомнения, переняла

определенную степень терпимости у своего патриотического советника Лопиталья, который своим характером напоминал принца Оранского.

Январский эдикт 1562 года одобрил собрания гугенотов по всей Франции, и поэтому католическая партия испытывала к ним отвращение. Однажды в воскресенье герцог де Гиз отправился обедать в маленький городок Васси, недалеко от своей резиденции Жуанвиль. Группа вооруженных слуг сопровождала его и ворвалась в сарай, где гугеноты проводили службу. Последовал бунт, в ходе которого герцог был поражен, а его последователи убили не менее шестидесяти верующих.

Это возмущение привело к гражданской войне, поскольку протестанты с горечью вспоминали, что Гиз поклялся никогда не лишать себя жизни во имя религии. Они потребовали наказания нарушителей, а затем выступили в бой самым отважным образом. Джентльмены служили за свой счет, но в целом они были "лучше вооружены храбростью, чем доспехами". Они были подавлены численностью Католической лиги, за спиной которой стояли все богатства Церкви и государства, а также король и столица. Один за другим пали героические лидеры. Луи де Бурбон был взят в плен при Дре, а Антоний Бурбонский умер под городом Руаном.

Королева Наваррская очень беспокоилась о безопасности своего сына, поскольку слышала, что он сопровождает Екатерину и Карла IX в длительном путешествии по королевству. Она сама была объектом враждебности католиков, и король Испании предназначил ее для грандиозного *аутодафе*, желая показать пример столь гордой еретичке. Она верила, что ее сын пустил корни благочестия в своем сердце, пока находился под ее опекой, но сомневалась, что этот добрый корень прорастет в порочной атмосфере, окружавшей юных принцев Валуа. Генрих Наваррский не любил учиться и любил активные физические упражнения. Его образование изменилось после того, как он попал ко двору, и он научился хорошо разбираться в людях. В дальнейшей жизни он мог наслаждаться самыми легкомысленными развлечениями и в то же время переносить лишения лагерной жизни, не испытывая дискомфорта.

Луи де Бурбон, принц де Конде, был убит в битве при Жарнаке, а Генрих де Бурбон стал признанным главой партии гугенотов. Он дал клятву никогда не отступать от своего дела, и солдаты в лагере приветствовали его как своего будущего лидера. Королева Наварры облачила его в доспехи, довольная тем, что ее сын должен защищать реформатскую религию. Она видела, что он был храбрым и мужественным, хотя и не был по-настоящему религиозным принцем, и она согласилась с громко выраженным мнением народа о том, что у него были более царственные манеры, чем у распутных и женоподобных юношей, которые проводили свои праздные дни во дворцах Лувра и Тюильри.

Страна настолько устала от борьбы, что план заключения брака между Генрихом Наваррским и Маргаритой Валуа был встречен с энтузиазмом. Если бы католики и гугеноты объединились, во Франции мог бы воцариться мир, который способствовал бы процветанию нации. Екатерина Медичи изначально предполагала, что ее дочь выйдет замуж за католического короля Португалии, и была зла на Филиппа II Испанского за то, что он ничего не сделал, чтобы помочь ей в заключении этого союза. Карл IX стремился смирить Филиппа, который был возмущен тем, что "еретикам" была предложена свобода вероисповедания в 1570 году, и довольно свободно выражал свое мнение. Поэтому семья Валуа без колебаний приняла лидера протестантов Генриха де Бурбона, территория которого простиралась от Пиренеев далеко за пределы Гаронны.

Королеве Наваррской не понравился этот брак, и она с подозрением относилась к мотивам королевы-матери. Она боялась, что Екатерина и дочь Екатерины вовлекут Генриха в веселый, распутный образ жизни, который разрушит результаты ее раннего воспитания, и она не могла очень сердечно ответить на бурный прием, оказанный ей при дворе, когда она с грустью приехала на свадьбу.

Брачный контракт был подписан в 1571 году, и ни у невесты, ни у жениха не было особого выбора в этом вопросе. Генрих, вероятно, был ослеплен блестящими перспективами, открывавшимися перед женщиной, вышедшей замуж за Валуа, но ему было всего девятнадцать, и он никогда не чувствовал себя непринужденно в изменчивом, извилистом лабиринте дипломатии, как это представляла себе Екатерина Медичи. Маргарет была талантливой, жизнерадостной девушкой, и ей нравились прекрасные драгоценности, которые ей дарили. Она не понимала причин, побудивших ее брата Чарльза настаивать на браке. Он настоял, чтобы это произошло в Париже, чтобы показать своим подданным, как сильно он жаждет уладить религиозную вражду, которая в последнее время раздирала королевство. Разумеется, это был вопрос, по которому ни с одной из договаривающихся сторон не требовалось проводить консультаций более чем формально.

Королева Наваррская скоропостижно скончалась накануне свадьбы, и ее сын с 800 сопровождающими вошел в город в траурном наряде, который вскоре пришлось сбросить. Великолепные торжественные костюмы были надеты к великому дню, 18 августа 1572 года, когда Маргарет встретила своего жениха на огромной сцене, воздвигнутой перед церковью Нотр-Дам.

Генрих Наваррский не смог присутствовать на мессе, но прогуливался по нефу со своими друзьями-гугенотами, в то время как Маргарита преклонила колени на хорах, окруженная присутствующими католиками. Присутствовал адмирал Колиньи, отважный гугенот, взывавший ко всем тончайшим инстинктам своего народа. Он пытался устроить брак между Елизаветой Английской и Генрихом Анжуйским, братом французского короля, но не добился успеха из-за политических колебаний Елизаветы. Екатерина Медичи ненавидела его за то, что он имел огромную власть над ее сыном, правящим монархом, над которым она пыталась безраздельно властвовать. Мрачный замысел вдохновил фракцию Гизов в последнее время из-за враждебного отношения королевы к влиянию Колиньи. Было намекнуто, что партия гугенотов была бы очень слаба, если бы у них внезапно отобрали самого сильного сторонника. Вся знатная протестантская знать собралась в Париже на бракосочетание Наваррца и Маргариты Валуа. Католические придворные принимали их по-королевски, а на ночь размещали в прекрасных покоях Лувра и других дворцов. Они понятия не имели, что им можно опасаться какой-либо опасности, пока они спали, и побрезговали бы защититься от возможного предательства своих хозяев. Их могло бы предостеречь покушение на адмирала Колиньи, который был ранен выстрелом из пистолета, если бы король не выразил такой озабоченности покушением на жизнь своего любимого советника. "Отец мой, - заявил Карл IX, когда подошел к постели адмирала, - боль от раны - твоя, но оскорбление и несправедливость - мои".

Король закрыл ворота Парижа и послал свою собственную гвардию защищать Колиньи. Он был слаб и подвержен сильным порывам страсти, которые позволяли легко направлять его, если он находился в руках беспринципного человека. Его мать, которая вместе с Гизом замышляла смерть Колиньи, указала, что протестанты представляют серьезную опасность. Она заставила

Карла в припадке ярости заявить, что каждый гугенот во Франции погибнет, если адмирал умрет, поскольку последователи адмирала не станут упрекать его в подобном преступлении.

Колокола ближайшей к Лувру церкви зазвонили в канун праздника Святого Варфоломея — они дали сигнал к жестокой расправе. После того как набожный протестант Колиньи был убит в присутствии герцога Гиза, другие незащищенные дворяне-гугеноты почти не сопротивлялись. Они были разбужены ото сна, застигнуты врасплох коварными врагами и безжалостно убиты. В их опасном положении было невозможно объединиться. Две тысячи были казнены в Париже, где сами женщины и дети в течение трех дней вели себя по отношению к еретикам как чудовища жестокости и показали себя такими же коварными, как швейцарские гвардейцы, убившие гостей короля в Варфоломеевскую ночь. Дворянин-гугенот сбежал от нападавших и ворвался в самые покои Генриха для новобрачных. Он закричал: "Наварра! Наварра!" и надеялся на защиту протестантского принца от четырех лучников, которые преследовали его. Генрих встал рано и вышел на теннисный корт, а Маргарет была бессильна предложить какую-либо помощь. Она в ужасе выбежала из комнаты, ничего ранее не слыша о тайном заговоре Гизов.

Карл IX послал за Наваррой и раскрыл тот факт, что он был причастен к резне. Он ясно показал, что протестантам впредь не будет никакой терпимости. Генрих чувствовал, что его жизнь находится в большой опасности, поскольку большинство дворян, которых он привез в Париж, погибли во время резни, и он остался практически один при католическом дворе. Генрих понимал, что если его и пощадят, то только ценой обращения в христианство, а учитывая, что перед ним стояла альтернатива - смерть или Месса, неудивительно, что он уступил, по крайней мере внешне, последнему. В кругу Медичи были шпионы и предатели, которых следовало опасаться. Даже Маргарет не была в безопасности после своего брака с протестантом, но она давала мудрые советы своему мужу и умело вела его через опасности придворной жизни.

Екатерина обезоружила всеобщее возмущение Европы, распространив искусно сострепанную историю о том, что гугеноты были принесены в жертву за то, что замыслили подлое нападение на корону Франции. Она была враждебна скорее Колиньи, чем его политике, и продолжала следовать его плану противодействия Испании путем заключения союзов с Елизаветой и принцем Оранским.

Генрих Гиз с совершенным хладнокровием встретил обвинение в чрезмерном рвении защищать своего короля. Он был великолепной фигурой при дворе, завоевав популярность благодаря своим приветливым манерам и умению скрывать свою высокомерную, амбициозную натуру.

После 1572 года гугеноты полагались в основном на богатых горожан в поисках поддержки в борьбе с группировкой Гизов. В дополнение к религиозной терпимости они теперь требовали удовлетворения политических претензий. Республиканский дух поднялся в протестантской партии, которая жадно читала различные книги и брошюры, провозглашающие, что монархия не должна продолжаться, если она окажется неспособной поддерживать порядок даже с помощью деспотических властей. Все больше и больше укреплялась новая идея о том, что суверенитет Франции является не наследственным, а выборным.

Карл IX, сбитый с толку неразберихой в своем королевстве и капризами собственного неуравновешенного характера, цеплялся за Генриха Наваррского, потому что видел в нем

настоящую силу, которой не хватало Валуа. Генрих III, его преемник, был презрительно тщеславен и женствен во всех своих вкусах, носил жемчуга в волосах и румянил лицо, чтобы вызвать восхищение глупых, пустых придворных, которые были его любимыми спутниками. Он вззошел на престол в 1575 году и проявил некоторое католическое рвение, организовав фантастические процессии раскаявшихся грешников по улицам Парижа. Он настоял на том, чтобы Наварра принял участие в этом балагане, поскольку в его интересах было помешать протестантской партии претендовать на благородного лидера.

Наварра научился хорошо играть свою роль, но его раздражало свое бесславное положение. Он с яростным отвращением наблюдал, как никчемный принц Алансонец стал главой протестантской партии. Затем он обнаружил, что у него появился шанс вырваться из лап Медичи. В январе 1576 года он получил предложение от нескольких офицеров, разочаровавшихся в королевской милости, передать ему во владение некоторые города, если он покинет двор. Он сразу же ускакал в протестантский лагерь, оставив жену у себя дома.

Месьерский мирный договор, подписанный в феврале 1576 года, предоставил очень благоприятные условия протестантам, которые стойко сопротивлялись нападению на их крепость Ла-Рошель. Екатерина и Генрих III были встревожены увеличением числа своих врагов, поскольку Генрих де Гиз и другие недовольные подданные сформировали Католическую лигу, чтобы объединить Париж с фанатиками провинций. Эта Лига отнюдь не была благосклонна к королю и Екатерине, поскольку ее открыто признаваемым лидером был Генрих де Гиз, которого очень любил народ. Генрих III был достаточно глуп, чтобы стать членом клуба, тем самым понеся некоторую потерю престижа, поставив себя практически под власть своего соперника. Яростно враждебная протестантам, какими бы ни были цели Лиги, она, тем не менее, в значительной степени использовалась герцогом Гизом как прикрытие для своих замыслов узурпации королевской власти. Генрих III и его мать надеялись, что соперничающие католики и протестанты сами разберутся в своей ссоре и оставят корону спокойно наблюдать за битвами.

За последним из рода Валуа пристально наблюдали смелые проповедники политической эмансипации. Они были полны решимости отнять у него королевские prerogatives, если он окажется недостойным уважения и растратит слишком много государственных денег на свои безумства. Их приводило в ярость, когда они слышали, что он часами занимался своим собственным туалетом и крахмалил изящные оборки своей жены, как будто был ее шиномонтажкой. Они рассердились, когда им сказали, что их король так легкомысленно относится к своим обязанностям, что дает аудиенции послам с корзинкой щенков на шее и не утруждает себя чтением отчетов, которые присылают ему министры. Они решили тайно провозгласить королем Наварры родственника Генриха III, который был прекрасным солдатом и добрым, гуманным джентльменом.

Наварру открыто приветствовали как лидера партии Реформатской церкви. Он был вновь принят в кальвинистское сообщество и отказался от мессы. Он с радостью вышел на поле боя, радуясь возможности снять маску, которую был вынужден носить. Его блестящие боевые подвиги сделали его более популярным, чем когда-либо.

Когда умер Анжу, Наварра была предполагаемой наследницей трона, и ей пришлось столкнуться с яростной враждебностью фракции Гизов. В них говорилось, что дядя Наварры,

кардинал де Бурбон, "скорее виночерпий, чем мужчина", должен стать их королем после смерти Валуа. Они заручились помощью Испании, прежде чем опубликовать свой знаменитый Манифест. В этом документе признавались намерения тех, кто формирует Католическую лигу, восстановить достоинство Церкви, обнажив меч, если это необходимо, и решить для себя вопрос о преемнике Генриха III. Он подкупил народ, освободив его от налогов, и пообещал регулярные заседания Генеральных штатов.

Король не решался удовлетворить требования Лиги, которые были определенно сформулированы в 1585 году. Он не хотел отменять недавно принятые Эдикты о веротерпимости и мог бы отказаться, если бы его мать не посоветовала ему пойти на все возможные уступки, чтобы избежать вражды со стороны фракции Гизов. Он согласился и погиб, потому что гугеноты взяли за оружие, и он обнаружил, что гизы должны были изгнать его из столицы.

Короля обвинили в симпатиях к протестантизму, что сделало его имя одиозным для Парижского католического университета. Были у него и личные враги, такие как герцогиня Монпансье, сестра Генриха де Гиза, которая любила говорить, что подарит ему еще одну корону, используя золотые ножницы у себя на поясе. Ходили слухи о том, что он уйдет в монастырь, где ему пришлось бы принять постриг.

Половина бороды Наварры поседела, когда он услышал, что Генрих III отменяет Эдикты о веротерпимости. И все же он был счастливее всего в лагере и с легким сердцем вскочил в седло в мае 1588 года, когда король бежал из Парижа, а Гиз вступил в столицу как освободитель народа. Он выглядел образцом гасконского рыцаря, с крючковатым носом и смелыми черными глазами под иронично изогнутыми бровями. Он умел разбираться в людях и знал, как завоевывать сторонников своего дела. Его домашняя одежда привлекала многих, кто устал от слабых королей Валуа, поскольку в алом плаще, коричневом бархатном дублете и шляпе с белым плюмажем не было искусственной грации, которая отличала его от его собратьев.

Генрих III отчаянно строил козни, чтобы восстановить свой престиж, и проявил некоторую хитрость Медичи в заговоре с целью убийства Гиза. Когда это удалось, он пошел хвастаться Екатерине, что убил короля Парижа. "Ты смело разрезал ткань, сын мой, - ответила она ему, - но знаешь ли ты, как это сшить?"

Париж наполнился рыданиями по поводу смерти Гиза, и празднества в канун Рождества сменились заубойными песнями. Университет Сорбонны заявил, что они больше не примут Генриха Валуа в качестве короля. Его единственной надеждой было примириться с Наваррой и протестантской партией. Париж был охвачен сопротивлением, когда пришло известие о том, что роялисты и гугеноты подняли свои знамена в одном лагере и собрали две армии. Католическая лига была любима более бедными гражданами, потому что она освобождала их от уплаты арендной платы. Дух народа демонстрировали процессии детей, которые бросали зажженные факелы на землю перед церквями, топтали их и кричали: "Так пусть Бог погасит Дом Валуа!"

Столица приветствовала испанские войска, чтобы помочь им не допустить Генриха III к воротам. Он был убит бургундским монахом, когда приближался к городу, "который он любил больше, чем свою жену", и Генрих Наваррский, хотя и был еретиком, теперь претендовал на право въезда.

Наварр был прямым потомком Людовика Святого Французского, но на протяжении десяти поколений ни один из его предков по мужской линии не правил французским королевством. Он был внуком Маргариты, сестры Франциска I, и Генриха д'Альбре, побывавшего в плену у этого монарха. Многие были связаны с ним клятвами, данными умирающему королю, который стал смотреть на него как на отважного воина; многие поклялись, что скорее умрут тысячью смертей, чем станут слугами хозяина-еретика.

В феврале 1590 года Генрих осадил Дре, чтобы встать между своими врагами и Парижем. Майенн, лидер противоположного лагеря, привлек его в Иври, где 14 марта произошло сражение, приведшее к полному поражению членов католической лиги. Белое перо Наварры победоносно реяло по полю боя, а черные лилии Майенны были растоптаны. Дорога на Париж была открыта для короля-еретика, который окружил город с северной стороны, но не напал на жителей. Блокада привела бы голодных горожан к покорности в конце месяца, если бы герцог Пармский не пришел им на помощь по приказу испанского монарха.

Филипп II хотел, чтобы его дочь вышла замуж за молодого герцога де Гиза и взойшла на французский престол вместе со своим мужем. По этой причине он поддержал Париж в его отказе принять протестантского короля Наварры. Только в марте 1594 года король, известный как Генрих Четвертый, смог повести свои войска в Париж.

Наварра был вынужден публично посетить мессу и попросить отпущения грехов у архиепископа Буржа, который принял его в лоно Католической, Апостольской и Римской церкви перед коронацией. Теперь он был "самым христианским королем", которого приветствовали пламенем костров и ревом труб. Он был коронован в Шартре, потому что Католическая лига удерживала Реймс, и он вошел в Париж через Нев-Порт, через который Генрих III бежал от Гизов около шести лет назад. Испанцам пришлось уйти из его столицы, поскольку им сказали, что в их услугах больше не будут нуждаться.

Генрих IV вел успешные войны против Испании и Католической лиги, постепенно восстанавливая все свои владения благодаря своей энергии и мужеству. Он урегулировал статус протестантов на удовлетворительной основе Нантским эдиктом, который был подписан в апреле 1598 года, чтобы закрепить привилегии, ранее предоставленные кальвинистам. Всем протестантам были предоставлены полные гражданские права и полная гражданская защита, и король выделил определенную сумму денег на содержание протестантских школ и колледжей.

Генрих ввел во Франции шелковую промышленность, а его знаменитый министр Сюлли многое сделал для улучшения состояния французского сельского хозяйства. К 1598 году порядок в королевстве был восстановлен, но промышленность и торговля были подорваны почти сорокалетней гражданской войной. Когда первый король Франции Бурбон Генрих IV был убит в апреле 1610 года, он только начал великую работу по проведению социальных и экономических реформ, которая доказала его подлинное чувство общественного долга.

Глава X

Под Красной Мантией

Никогда еще король не был так любим своими подданными, как Генрих Наваррский, обладавший столькими откровенными и добродушными качествами, которые ценил его народ. Был траур по отцу, когда фанатик Равальяк повалил его на землю. Казалось странным, что смерть пришла в одном и том же обличье к первому из рода Бурбонов и последнему из рода Валуа.

Генрих изучал благосостояние крестьянства и среднего класса, стремясь сокрушить власть знати, чьи руки постоянно были подняты друг против друга. Поэтому он доверил государственные дела людям низшего ранга и решил, что сформирует во Франции дворянство мантии, равное старому дворянству меча. *Закон о полетте* дал всем тем, кто занимал высшие судебные должности в государстве, право передавать свои должности по завещанию своим потомкам или даже продавать их как наследственную собственность.

Во внешних делах Генрих пытался пресечь амбициозные планы испанской линии Габсбургов и восстановить древний престиж Франции в Европе, но ему пришлось покинуть свою страну на критической стадии и надеяться, что найдется человек, способный продолжить его великую работу. Кардиналу Ришелье выпала высшая честь осуществить замыслы Генриха IV с энергией, которая в остальном имела очень мало общего с энергией первого короля Бурбонов.

Арман Жан Дюплесси, родившийся в 1585 году, был младшим сыном Франсуа Дюплесси, рыцаря ордена Ришелье, сражавшегося за Наварру на полях сражений при Арке и Иври. Ему, естественно, была уготована военная карьера, и, когда он был маленьким ребенком, он видел некоторые из ужасных сцен религиозных войн. Выглядывая из окна замка на печальную, пустынную землю Пуату, он мельком видел оборванные полки французских войск или видел иностранных солдат в непривычной одежде, намеревающихся разграбить убогие крестьянские хижины. Армана отправили в Париж в раннем возрасте, чтобы он мог учиться в знаменитом колледже Наварры, где молодежь того времени была хорошо подготовлена к придворной жизни. Он выучил испанский в дополнение к латыни и греческому и стал искусен в верховой езде, танцах и фехтовании. Когда он покинул скромный студенческий квартал столицы и начал смешиваться с толпой, составлявшей двор, он вскоре отбросил деревенские манеры и приобрел отточенную элегантность придворного того времени. Он потратил много времени на изучение драмы повседневной парижской жизни, блестящей, сменяющей друг друга серии веселых сцен, время от времени раскрывающих жестокую и грязную подоплеку.

Сами звуки активной жизни, должно быть, поначалу поразили мечтательного юношу, вышедшего из уединения замка на болотах. Кавалеры в бархате и атласе сплотились под бой барабана, в который солдаты били по-военному, и вступили в ожесточенные стычки друг с другом. Постоянно принимались законы, запрещающие дуэли, но каждый год на улицах было

много раненых, и дворянство считало бы себя опозоренным, если бы с готовностью не обнажало шпаги в ответ на оскорбление. Классовые различия строго соблюдались, и купец, одетый в серое платье ходдена, и юрист, одетый в черное, с некоторым презрением отталкивались в сторону, когда между аристократами возникал какой-либо конфликт. Оживленный Пон-Неф казался мостом, соединяющим два разных мира. Здесь монахи общались плечом к плечу с евреями в желтых одеждах, а придворные дамы прогуливались бок о бок с веселыми *кобылками* города. Любой, прогуливающийся вдоль Сены, мог при желании понаблюдать за разноцветной толпой и позабавиться контрастом между различными слоями парижского общества.

Ришелье, носивший гордый титул маркиза де Шильон, искусно владел шпагой и мечтал о славе, завоеванной на полях сражений. Он был встревожен, когда впервые услышал, что его овдовевшая мать изменила свои планы относительно его карьеры. Брат, который должен был быть рукоположен в епископа Люсона, решил стать монахом, и поскольку преимущество перед престолом находилось в руках семьи, было решено, что это преимущество достанется Арману Жану.

Вскоре перед глазами красивого епископа, посетившего Рим и завоевавшего друзей среди высших сановников, предстало новое видение. Он был высоким и стройным, с овальным лицом и острейшими серыми глазами; густые черные волосы ниспадали на плечи, а остроконечная бородка придавала лицу выразительность. Лувр и Ватикан одобрили его кандидатуру, и когда Ришелье отправился в свою провинциальную епархию, раздалось много протестующих голосов.

Пуату был одним из беднейших районов Франции, крестьяне были рады получить хлеб и каштаны в качестве основной пищи. Собор был разрушен войной, а дворец в ужасном состоянии. Приказы, отданные парижским купцам, сделали последнее пригодным для жилья, и Ришелье заявил, что, хотя он и нищий, ему нужны серебряные тарелки и подобная роскошь, чтобы "повысить свое благородство". Первая работа, которую он нашел для себя, была выполнена очень тщательно. Он навел порядок в доме и примирил гугенотов. Затем он потребовал освобождения от налогов для своей перегруженной паствы, срочно написав в штаб-квартиру по этому поводу. Ему приходилось преодолевать большое раздражение всякий раз, когда он вступал в контакт со священниками, набранными из крестьян. Они слишком любили азартные игры и выпивку в пивных, и им пришлось запретить праздновать браки ночью - обычай, который привел ко многим скандалам.

Но вскоре Люсон стал слишком узкой сферой для энергии и честолюбия Ришелье. Епископ страстно желал обосноваться во дворце, "близком к дворцу Бога и короля", поскольку сочетал житейскую мудрость с ревностью к религиозной чистоте. Случилось так, что он приветствовал королевскую процессию, направлявшуюся в Испанию по случаю женитьбы Людовика XIII на Анне Австрийской, дочери Филиппа II. Он производил такое благородное впечатление гостеприимства, что был вознагражден должностью раздащика милостыни при новой королеве и вошел в Регентский совет.

Ришелье наблюдал за коронацией тихого четырнадцатилетнего мальчика в соборе Парижской Богоматери, поскольку тот участвовал в государственной процессии. Он знал, что Людовик XIII был всего лишь фигурой, любившей охоту и не желавшей появляться на публике. Мария

Медичи, регентша, была главной движущей силой интриг. Было мудро заручиться ее благосклонностью и дружбой ее настоящих правителей, итальянцев Кончини.

Сам Кончини был дворянином по происхождению, тогда как его жена, желтоватая, уродливая Леонора, была дочерью прачки, которая ухаживала за королевой во время болезни. И то, и другое было экстравагантным и стоило короне огромных сумм денег — у Леоноры был прекрасный вкус как в драгоценностях, так и в одежде, а Мария Медичи даже разграбила Бастилию из сокровищ своего мужа, потому что она ни в чем не могла отказать своим фаворитам.

Ришелье достиг высокого положения при веселом, роскошном дворе, где правил слабый, тщеславный флорентиец. Он вытеснил других людей и опасался за собственную безопасность, когда на Кончини напали их разъяренные противники. Сам Кончини был расстрелян, а его жена заключена в Бастилию по обвинению в колдовстве. Париж радовался падению этих итальянских паразитов, а Мария Медичи не проливала по ним слез. Когда ее выгнали со двора, она обратилась к своему секретарю Ришелье и умоляла его выступить посредником в ее пользу перед Людовиком XIII и его любимым спортсменом-авантюристом де Люином, которого первоначально наняли обучать молодого короля соколиной охоте.

Ришелье отправился в замок Блуа, куда бежала Мария Медичи, королевская изгнанница, но получил приказ от Люина, находившегося у власти, отправиться в Люсон и наставлять свою паству "соблюдать заповеди Бога и короля". Епископа чрезвычайно разозлила насмешка, но он был вынужден ждать лучшей участи. Мария строила заговоры на манер флорентийцев, но ее планы в целом оказались бесплодными. Ей удалось бежать из Блуа вместе с Эперноном, генералом Генриха IV, и, несмотря на торжественную клятву, что она будет жить "в полной покорности воле короля", у нее была бы гражданская война против короля и его советника.

Ришелье сумел заключить мир и добился женитьбы своей прекрасной молодой родственницы на маркизе Камбале, который приходился племянником де Люину. Однако он не получил кардинальскую шапку, которая стала главным объектом его личных амбиций.

В конце концов министр де Люин стал настолько непопулярен, что его враги сочли возможным нанести ответный удар. Он выступал за союз с Испанией, в то время как многие хотели помочь протестантам Германии в их борьбе за поддержку Фридриха, курфюрста Палатинского, против Фердинанда Богемского. Гугеноты восстали на юге, и Люин отчаянно сражался, ибо знал, что все, кроме победы, будет фатально для его собственной судьбы. В парижских тавернах звучали песни, высмеивающие его слабое правительство. Ришелье нанял на службу целую ораву писак на убогих улочках неподалеку от Королевской площади, и они яростно сочиняли стихи и памфлеты под диктовку своего хозяина.

Лихорадка унесла де Люиня, и слуги, игравшие в карты у его гроба, были едва ли более неприличны в своей бессердечности, чем враги де Люина. Кардинальская шляпа прибыла со множеством любезных комплиментов епископу Люсонскому, который затем отказался от своей епархии. Вскоре он уже шуршал огненно-красной тафтой на праздниках и приемах, потому что к нему пришли богатство и все награды, связанные с должностью. Как Князь Церкви, он претендовал на превосходство над принцами крови и почти не удивился, когда король попросил его сформировать министерство. В этом министерстве власть кардинала была высшей, и у него были друзья на всех важных постах. С показной неохотой он приступил к делу

своей жизни. Это была великая и патриотическая задача — не меньшая, чем возвышение Франции в Европе.

Франция должна быть единой, если она хочет выступить прочным фронтом против мести Испании, которая угрожает любому изменению политики. Королева-регентша намеревалась поддержать Рим, Австрию и Испанию против протестантских сил северных стран. Ришелье решил изменить этот план, но он знал, что время еще не пришло, поскольку у него не было ни флота, ни армии, чтобы победить таких противников.

Фракция гугенотов должна быть уничтожена, чтобы Франция не была раздираема внутренней борьбой. Новая французская армия была отправлена окружить Ла-Рошель, протестантский форт, который ожидал помощи из Англии. Английский флот четырнадцать дней пытался освободить гарнизон, но был вынужден отступить с поражением. Моряки города избрали мэром одного из своих людей, грубого пирата, который не желал вступать в должность. "Я не хочу быть мэром, - закричал он, швыряя свой нож на Стол Совета, - но, раз вы этого хотите, вот мой нож для первого, кто заговорит о капитуляции". Дух сопротивления в стенах Ла-Рошели усилился после этого заявления. Горожане продолжали сопротивляться осаждающим до тех пор, пока бушель кукурузы не стал стоить 1000 ливров, а обычную домашнюю кошку можно было продать за сорок пять!

В намерения Ришелье входило заставить жителей Ла-Рошели сдаться голодом. Будучи железным человеком, он проявил свою волю и отслужил мессу в протестантской цитадели. Он хорошо обращался с людьми, предоставив им свободу вероисповедания, но сравнял с землей и форт, и стены и отнял у них все политические привилегии. Гугеноты были слишком благодарны за оставленную им свободу, чтобы и дальше угрожать французскому правительству. Большинство из них были лояльными гражданами и помогали кардиналу поддерживать мир. В любом случае, они не существовали как отдельная политическая партия.

Ришелье ослабил власть знати путем безжалостных мер, которые нанесли удар по их феодальной независимости. Они не должны были удерживать никаких крепостей, если только они не жили на границах Франции, где была необходима какая-то защита от внешнего врага. Когда их крепкие замки были разрушены, великие лорды, казалось, утратили большую часть своего древнего достоинства. Им было запрещено участвовать в дуэлях, и они не осмеливались ослушаться закона после того, как видели, как виновных безжалостно вели на эшафот. Первые семьи Франции были вынуждены признать превосходство в лице могущественного кардинала Ришелье. Интенданты были отправлены управлять провинциями и уменьшать местное влияние землевладельцев. Большинство из них были людьми более низкого ранга, чем дворяне, которые оказались вынужденными идти на войну, если хотели заслужить отличие. Результат был хорошим, поскольку в сухопутные и морские силы пополнилось много новобранцев.

В 1629 году кардинал надел меч и кирасу и повел королевскую армию на поддержку герцога Мантуанского, французского дворянина, унаследовавшего итальянское герцогство и обнаружившего, что его права оспариваются как Испанией, так и Савойей. Людовик XIII сопровождал Ришелье и показал себя храбрым солдатом. Их путь в Италию пролегал через перевал Суза, ранней весной покрытый толстым слоем снега и опасный из-за присутствия враждебных отрядов Савойи. Они пробились в Италию, и там Ришелье остался, чтобы заключить соглашение с врагом, в то время как Людовик вернулся в свое королевство.

Ришелье убедил Испанию и Савойю признать права герцога Мантуанского, а затем обратил свое внимание на сопротивление, организованное протестантами на юге Франции под предводительством герцога Роганского. Последний получил обещания помощи от Карла I Английского и Филиппа IV Испанского, но обнаружил, что союзники покинули его в критический момент и оставили один на один с грозной армией кардинала. Летом 1629 года гугеноты покорились своей участи, оказавшись в худшем положении, чем когда они сдавали Ла-Рошель, поскольку Ришелье обращался с ними уже не как с иностранной державой. Он ожидал, что они предложат ему рабскую покорность побежденных мятежников. Отныне он приложил все усилия, чтобы восстановить полное господство католической веры во Франции, обратив как можно больше новообращенных и открыв миссии иезуитов и капуцинов в протестантских местах. "Некоторых привел к пониманию истины страх, а некоторых - благосклонность". Однако Ришелье не играл роли государственного гонителя, поскольку боялся ослабить Францию, изгнав еретиков, которые могли бы помочь увеличить ее силу в войне за границу. Он был рад обнаружить, что так много гугенотов верны своему королю, и радовался тому, что никогда не будет возможности, чтобы какой-нибудь недовольный дворянин восстал против его правления с протестантскими силами на заднем плане. Гугеноты посвящали свое время мирному богослужению по своему усмотрению и достигли большого процветания благодаря постоянному занятию торговлей.

Ришелье вернулся во Францию с триумфом, добившись поразительного успеха в своей трехлетней борьбе. У него были личные враги со всех сторон, но на данный момент им пришлось замолчать. "В глазах всего мира он был выдающимся человеком во Франции". В течение девятнадцати лет ему предстояло быть главным министром короля, хотя он много раз подвергался опасности потерять авторитет и даже саму жизнь из-за ревнивой зависти своего начальства и сограждан.

Мария Медичи оставила человека, которого она возвела в некоторую степень возвышения, и заявила, что он проявил неблагодарность. Дворянство в целом считало его власть тиранической, а духовенство считало, что он принес Церковь в жертву интересам государства в политике. Людовик XIII иногда проявлял беспокойство под тяжелой рукой кардинала, который осмеливался указывать на королевские слабости и настаивать на том, что он должен попытаться их преодолеть.

Ришелье очень умело избегал ловушек, подстерегавших его на пути государственного деятеля. У него на службе было много шпионов, которым платили за то, чтобы они доносили ему о речах и действиях его врагов. Знатные дамы двора не брезговали предавать своих друзей, а священники даже советовали кающимся на Исповеди поступать так, как того желает кардинал. Когда обнаруживалось какое-либо предательство, оно быстро каралось. Кардинал отказался щадить людей самого высокого ранга, которые замыслили заговор против короля или его министров, поскольку он видел опасность восстания и решил безжалостно подавить его. Некоторая доля рыцарства запрещала ему обращаться с женщинами с той же суровостью, которую он проявлял к мужчинам-заговорщикам. У него был хитрый противник в лице некоей мадам де Шеврез, которая скакала с бесстрашной скоростью мужчины, чтобы перехитрить любой замысел Ришелье.

An Application to the Cardinal for his Favour
Walter Gay

124

Прошение кардиналу о его благосклонности (Уолтер Гэй)

Жизнь короля со слабым здоровьем была единственным, что стояло между кардиналом и гибелью, и несколько раз казалось невозможным, что он перехитрит своих врагов. Людовик XIII заболел в 1630 году. В конце сентября ожидалось, что он не выживет, и врачи велели ему позаботиться о благополучии своей души.

Враги кардинала ликовали, открыто заявляя, что советник короля должен умереть вместе с королем. Наследником престола был брат Людовика Гастон, слабый и трусливый принц, который ненавидел действующего министра и надеялся свергнуть его. Когда страдалец выздоровел, ему пришлось скрыть большое разочарование. Королева-мать всем сердцем желала, чтобы Марийяк стал главнокомандующим армией вместо Ришелье, и вынашивала тайные планы назначить главным министром брата Марийяка, в то время морского стража.

Людовика заставили сказать, что он уволит кардинала, когда тот полностью оправится от болезни, но он не чувствовал себя связанным этим обещанием, когда избавился от Марии Медичи и снова почувствовал влияние Ришелье. Он отправился в Версаль на охоту 11 ноября 1630 года и там встретился с кардиналом, который смог убедить его, что для интересов Франции было бы лучше иметь сильного и бесстрашного министра, занимающего все мелкие должности в государстве, вместо ряда неспособных, жадных интриганов, таких, каких назначила бы Мария Медичи. В этот День Обманутых придворные были чрезмерно уверены в успехе, полагая, что кардинал сбежал от позора, который вскорепостигнет его. Радость придворных была омрачена сообщением о том, что Марильяк должен быть уволен. Королева-мать сразу поняла, что ее планы провалились и что ее сын вырвался из ее пут, чтобы удержать Ришелье.

Маршал Марийяк и его брат оба были приговорены к смертной казни. Другой дворянин, Бассомпьер, был арестован и заключен в Бастилию, потому что было известно, что он сочувствовал врагам кардинала. Ришелье не так-то легко избавился от Марии Медичи, которая была его злейшим врагом. Она добровольно отправилась в изгнание, но продолжала замышлять многочисленные заговоры с испанскими врагами Франции, поскольку без колебаний прибегала к иностранной помощи против ненавистного министра.

После Дня обманутых Ришелье еще крепче ухватился за бразды правления. Он не спрашивал советов и не боялся противодействия своему правлению. Его внешняя политика отличалась от той, которую проводила Мария Медичи, потому что он понимал, что Франция никогда не сможет возглавить континентальные державы, пока не обуздает высокомерие испанских притязаний на превосходство. Кажется странным, что он поддержал протестантских князей Германии против их императора-католика, когда разразилась Тридцатилетняя война, но следует помнить, что император Фердинанд II был близким союзником короля Испании, и что успех первого означал бы создание второго могущественного католического государства в Европе. Австрийский дом уже был силен и угрожал Франции в ее борьбе за господство.

В 1635 году Франция официально объявила войну императору Фердинанду и Испании. Ришелье не дожидаясь завершения этой войны, но он испытал удовлетворение, узнав, что по ее окончании Франция утвердится в качестве передовой европейской нации, и он чувствовал, что результат будет стоить огромных затрат людей и денег. В 1636 году Франции угрожало испанское вторжение, которое так сильно встревожило жителей столицы, что они напали на министра, втянувшего их в войну. Ришелье проявил большое мужество и вдохновил патриотический подъем, синдики различных профессий ждали от короля щедрых пожертвований на оборону Парижа. Людовик выступил в поход во главе прекрасной армии, в основном состоявшей из нетерпеливых добровольцев, и национальная опасность была предотвращена.

Измученный заботами войны, кардинал радовался благодарности литераторов, которых он взял под свое покровительство. Он основал знаменитую Французскую академию и ставил свои собственные пьесы в Руэле, замке столетней давности, где устраивал грандиозные праздники. Его племянница, мадам де Камбале, стала герцогиней Д'Эгийон, чтобы она могла украшать сферу, в которой кардинал двигался так по-королевски. Она была красивой женщиной с простыми вкусами и стремилась к жизни в монастырском уединении, когда удостоивалась уважения Корнеля или посещала салон блестящей остроумницы Жюли де Рамбуйе.

Ришелье владел дюжиной поместий в разных частях Франции и тратил огромные суммы на их великолепное содержание. Он украсил дом своих предков художественными сокровищами — картинами Пуссена, бронзой из Греции и Италии и скульптурой Микеланджело. Его собственная конная статуя была установлена рядом с статуей Людовика XIII, потому что они вместе добивались великой победы. Король пережил своего министра всего на несколько месяцев; Ришелье умер 4 декабря 1642 года, а Людовик XIII — в мае следующего года. Они оставили народ Франции покорным абсолютной монархии.

Глава XI

Великий Монарх

Ришелье завещал свой знаменитый Пале-кардинал королевской семье Франции. Он оставил бразды правления тиранией в руках испанца Мазарини, который имел полную власть над так называемой регентшей Анной Австрийской.

В великолепном дворце маленького Людовика XIV во время его долгого несовершеннолетия было не слишком пышно, и он был раздражен ограничениями экономного домашнего хозяйства. Мазарини был нацелен на накопление богатства для себя и не развязывал шнурки кошелька даже для тех торжественных дней, когда ожидалось, что двор будет великолепен. Он ограничил образование наследника короны, опасаясь, что хорошо оснащенный юноша потребует права управлять страной для себя. В конце концов его система оказалась настолько успешной, что самый могущественный из королей Бурбонов едва умел читать и писать.

Однако Людовик XIV вырос сильным и красивым, с великолепной осанкой, которую не скрывала его поношенная одежда, и бесстрашным высокомерием, которое возмущало любое пренебрежение королевскими prerogативами. Он отказался ехать в ветхом экипаже, который был предоставлен ему в пользование, и так решительно выступил против алчности Мазарини, что было заказано пять новых экипажей.

Население также восстало против первого министра государства, чье богатство чрезвычайно возросло благодаря его поборам с беднейших классов. Франция была полна злоупотреблений, от которых сам Ришелье едва ли пытался избавиться. Крестьяне трудились с непосильной ношей, дороги были опасны для всех путешественников, а с наступлением темноты улицы городов кишели опасными карманниками и наемными убийцами. Герцог Энгиенский одержал великую победу при Рокруа, разбив испанцев и отправив двести шестьдесят штандартов в церковь Нотр-Дам; но этот славный ратный подвиг не принес беднякам ни еды, ни одежды, и вспыхнула жестокая внутренняя борьба, известная как Ла Фронда. Само название было недостойным, поскольку произошло от разновидности прачки, которой пользовались мальчишки на парижских улицах. Это была всего лишь серия драк между фрондерами и мазаринцами, которые принесли много унижения государству.

В 1649 году началась гражданская война, которая несколько вывела Францию из европейского кризиса. Энгьен (Конде) вернулся в Париж, чтобы выступить против неуправляемого парламента в качестве лидера придворной партии и попытаться ослабить Париж военной силой. Когда столица была осаждена, Анне Австрийской пришлось удалиться в Сен-Жермен со своим сыном, который в те смутные времена страдал от унижения спать на соломенной

подстилке. Она довольно удачно заключила мир в марте, когда осажденные граждане сильно страдали от нехватки продовольствия. Молодой король появился в Париже в августе, когда беспорядки были в самом разгаре, поскольку неприятности английского короля Карла I побудили фрондеров упорствовать в своем стремлении к созданию Французской республики, где ни один министр не должен был бы осуществлять королевские prerogatives.

Мазарини проиграл партию и отправился в изгнание, когда Людовик XIV был объявлен совершеннолетним. Молодому королю было всего тринадцать, но в его осанке чувствовалось мужественное достоинство, и он не выказал страха, принимая абсолютную власть. Но только десять лет спустя он наконец освободился от Мазарини. После смерти кардинала он провозгласил свою будущую политику перед государством Франция: "Господа, — сказал он, — я буду сам себе премьер-министром".

В ноябре 1659 года Пиренейский мирный договор восстановил мир во Франции и Испании. В следующем году Людовик XIV женился на Инфанте, дочери Филиппа IV, которая отказалась от всех своих предполагаемых прав на испанскую корону. Мазарини хорошо поработал для Франции в этих последних дипломатических усилиях в интересах короны, но он заставил народ внести свой вклад в огромное состояние, которое он передал королю.

Кольбер был неутомимым министром, который помогал новому монарху восстановить достоинство придворной жизни во Франции. Он раскрыл огромные сокровища, которые хитроумный Мазарини спрятал, и разработал грандиозные планы, достойные великолепного короля.

Людовик XIV был одним из богатейших монархов Христианского мира, обладавшим пристрастием к королевской пышности, удовлетворить которое можно было только демонстрацией огромного богатства. Он хотел, чтобы его подданные забыли неприятные сцены его юности, и решил построить себе резиденцию, которая послужила бы подходящим фоном для его собственного великолепия. Он больше не хотел жить в стенах Парижа, столицы, проявившей неуважение к монархии.

Древний дворец Лувр был недостаточно хорош для Людовика, и Версаль был построен ценой двадцати миллионов долларов и ценой многих скромных жизней, поскольку рабочие погибли на своей работе и были вывезены из прекрасного парка с некоторой попыткой сохранить это в тайне. Это было величественное место, и туда должен был спешить каждый придворный, если он желал снискать благосклонность короля. Он стал центром самого веселого света Европы, поскольку туда приезжали послы от всех иностранных дворов.

Этикет, столь утомительный для многих монархов, доставлял удовольствие педантичному Людовику XIV; каждая деталь его жизни соблюдалась с должным уважением к достоинству, которое он считал приличествующим королю. Когда он вставал и одевался, когда ужинал или давал аудиенцию, существовали определенные правила, которые необходимо было соблюдать. Он никогда не был одинок, хотя и строил Марли, выражая некоторое желание, чтобы тот мог время от времени уединяться от утомительной придворной рутины. Его братья находились в королевском присутствии, и настоящей семейной жизни не было. Он был великим монархом и наиболее достойно представлял величие Франции на торжественных мероприятиях, когда бархат и бриллианты усиливали его величественную грацию. "Государство — это я сам", — любил

заявлять он и этим замечанием успокаивал свою совесть, когда взимал непомерные налоги, чтобы поддерживать пышное величие своего двора.

Каким бы невежественным ни был король в отношении замыслов Мазарини, он гордился гением, который пролил свет на французскую нацию. Корнель и Расин писали известные классические трагедии, а Мольер, величайший из всех комедиантов, мог поразить остроумием каждого посетителя двора. Людовик устраивал банкеты в Версале в честь драматургов, которым он покровительствовал, и ставил их пьесы в настолько блестящей обстановке, что честолубие вполне могло быть удовлетворено. Рассказы о королевских щедротах распространились далеко и привлекли нуждающихся гениев из других стран. Сердце Людовика преисполнилось гордости, когда он удостоился почтения ученых людей и увидел почтение посланцев менее блестящих дворов. Он восседал на серебряном троне среди толпы знати, которую лишил власти. Частью его политики было привозить каждого землевладельца в Версаль, где состояние быстро исчезало. Бесполезно было надеяться на офис, если истец пришел не для того, чтобы лично подать апелляцию.

Парижане ворчали, что король должен покинуть столицу, но по праздникам их успокаивали бесплатным посещением достопримечательностей роскошного Версаля. Сам король время от времени появлялся в балетах, поставляемых какой-нибудь эксклюзивной придворной труппой. Там всегда были пиршества и сладкая музыка, сочиненная Луллием, и они были поражены и заинтересованы ослепительными струями воды из фонтанов, которые стоили такие баснословные суммы. Придворными красавицами восхищались вместе с гвардейцами, окружавшими особу короля в таком великолепном наряде. Слухи о бесчисленных слугах, прикрепленных к службе двора, создавали впечатление, что могущество Франции никогда не ослабнет. Патриотический дух был возбужден прекрасным зрелищем охотничьего кортежа, направлявшегося к лесам, раскинувшимся между Версалем и столицей. Великий охотник Франции был дворянином, и у него была великолепная свита. *"Привет, камердинеры! Халлалли!"* - вторили многие скромные спортсмены, когда стая разорвала оленя на куски.

Специальный табун лошадей был зарезервирован для использования Людовиком во время войны. Во времена Мазарини он показал себя смелым юношей на поле боя, сражаясь в окопах как простой солдат, чтобы его снаряжение не было слишком дорогостоящим. Однако он предпочел проявить себя достаточно великолепно как воин, когда своей надменной гордыней нарушил мир в Европе.

Филипп IV Испанский умер в 1665 году, оставив свои владения Карлу II, сводному брату королевы Франции. Людовик заявил, что Мария Терезия не достигла совершеннолетия, когда отказалась от своих притязаний, и что, более того, приданое в размере 500 000 золотых крон, обещанное в качестве компенсации за этот отказ, не было выплачено. Он хотел закрепить за своей супругой фламандские провинции Брабант, Мехлин, Антверпен и т. Д. И с этой целью заключил договор с голландцами. Он был вынужден отложить свое нападение на испанские владения из-за войны с Англией, которая разразилась из-за его союза с Голландией, ее крупным торговым соперником на тот момент.

Людовик XIV проявил вероломство в своих отношениях с голландцами, когда в 1667 году заключил тайный мир с Карлом II английским. Он двинулся маршем в Нидерланды, поддержанный новым союзом с Португалией, и намеревался в будущем заявить права на всю испанскую монархию. Многие города сдались, потому что у него была хорошо

дисциплинированная армия и не было недостатка в личном мужестве. Тюренн и Конде, его храбрые генералы, совершили быстрые завоевания, которые наполнили тревогой всю Европу.

Но кампании Людовика вовлекли его в катастрофическую войну со слишком большим количеством врагов. Он был фанатичным гонителем протестантов и заключил тайный договор с вероломным правителем Англии Карлом II, который, к своему неизгладимому стыду, стал пенсионером французского короля, согласившись в обмен на французские субсидии поддержать замыслы Людовика в отношении Испании. Саму Францию раздирали религиозные войны в 1698 году, когда Нантский эдикт был отменен и истинные намерения короля были раскрыты подданным, которые перед лицом преследований стремились сохранять лояльность.

Людовик XIV находился под влиянием мадам де Ментенон, на которой он тайно женился после смерти своей заброшенной королевы. Эта фаворитка, некогда королевская гувернантка и вдова поэта Скаррона, была строго набожной и желала, чтобы протестанты подчинились ей. Она основала монастырь Сен-Сир, место получения образования для красивых юных девочек-сирот, и поставила во главе его священника и писателя Фенелона. Она постоянно призывала короля подавлять ересь в его владениях и была удовлетворена внезапным и смертельным преследованием, которое разразилось на исходе семнадцатого века.

Пытки и смерть были оправданы как действия, необходимые для утверждения истинной веры, и вскоре вся Франция была усеяна отвратительными сценами мученичества. Детей забирали у родителей и помещали в католические семьи, где с ними обращались очень жестоко, если они не обещали принять католическую религию. Женщины терпели всевозможные унижения от рук солдат, которых отправляли жить в эти дома, и за счет еретиков. Эти *Драгоннады* проводились с особой жестокостью, позорные кутежи устраивались в домах, некогда отличавшихся элегантностью и утонченностью. Монахини имели инструкции обращать послушниц, находящихся под их властью, любыми доступными им средствами. Некоторые, не колеблясь, приобретали последователей католической церкви с помощью бича, поста и заключения в зловонные подземелья.

В сельских районах возникло ожесточенное сопротивление, и вооруженные люди поднялись на защиту своих домов, приветствуя даже гражданскую войну, если таким образом они могли добиться защиты. Борьба была неравной, поскольку крестьяне были ослаблены веками угнетения, и существовали странные сеньориальные права, от которых слабые не осмеливались отказаться, когда они выступали против правительства в своем упорном выборе религии.

Правление Великого монарха теряло блеск, хотя Людовик был далек от признания того, что не все было хорошо в том обширном царстве, которое принадлежало ему как хозяину. Он отказался от легкомыслия своей юности и сохранял мрачную торжественность в Версале, где благопристойная мадам де Ментенон была всемогущей. Он не оплакивал ни свою испанскую жену, ни министра Кольбера, который умер в том же году, поскольку король Франции не слишком высоко ценил строгую порядочность. И все же работа Кольбера оставалась в величественных дворцах, спроектированных его созидательной энергией, мостах, крепостях и фабриках, которые он считал необходимыми для будущего величия Франции как нации. Людовик без особого сожаления почтил память того, кто неустанно трудился у него на службе; но он самодовольно смотрел на Версаль и размышлял о том, что он выживет, даже если лавры славы будут сорваны с его чела.

В 1700 году престиж Людовика упал в Европе, где его когда-то боялись как суверена, стремящегося к всеобщей монархии. Штатгальтер Вильгельм, ныне правитель Англии со своей женой Стюарт, испытывал отвращение к преследованиям французских протестантов и решил отомстить Людовику за захват его княжества Оранского. Случай позволил этому человеку объединить большую часть Европы против амбиций Великого монарха. Война была объявлена Англией Франции в 1689 году и велась самым энергичным образом, пока Людовик XIV постепенно не был лишен своих лучших завоеваний. Хотя это было заключено в 1697 году Рисвикским миром, попытка французского короля отвоевать корону Испании для своего внука, герцога Анжуйского, вызвала возобновление военных действий.

Здоровье Вильгельма III пошатнулось, но появился могущественный полководец, способный помешать планам французского короля. Известия о победах герцога Мальборо во Фландрии сделали очевидным, что могущество Людовика XIV на поле боя идет на убыль. Однако французский монарх не отразил ужаса на лицах своих придворных, когда в его королевском дворце было объявлено о великом поражении при Лилле. Он соблюдал все обычные обязанности своей повседневной жизни и изображал безмятежность, которой могли бы позавидовать другие люди, когда оплакивал уход Старого Порядка или повторял пророчество, однажды сделанное астрологом, о том, что конец правления Людовика XIV не будет таким славным, как начало.

Король до последнего сохранял свое удивительное самообладание, слишком надменный, чтобы склониться перед несчастьем или отступить, даже если враг подошел к самым воротам Парижа. В семьдесят шесть лет он все еще охотился на оленя; он заседал в государственных советах еще долго после того, как его здоровье было по-настоящему подорвано. Он попрощался с офицерами короны таким же сильным голосом, как всегда, когда был сослан в комнату больного в 1715 году, и упрекнул плачущих слуг, спросив их, действительно ли они стали считать его бессмертным.

Семидесятидвухлетнее правление, столь памятное в анналах Франции, подходило к концу вместе с жизнью, в которой воплощалась вся ее королевская власть. Людовик XIV умер "как гаснущая свеча" — покинутый даже мадам де Ментенон, которая решила обезопасить себя от невзгод, удалившись в монастырь Сен-Сир. Не было громкого траура, когда тело короля везли к могиле на черной с серебром повозке, ибо новый век не знал прежнего почтения к королям. Это была эпоха Вольтера и насмешливого скептика.

Глава XII

Петр Великий

В тот самый день, когда Великий монарх наблюдал, как его армия переправляется через Рейн под командованием генералов — Тюренна и Конде, — родился человек, обладавший такой же сильной индивидуальностью, как Людовик XIV, человек, правлению которого было суждено произвести огромные изменения в могущественных королевствах на крайнем востоке Европы.

30 мая 1672 года во дворце Кремль в Москве родился Петр, сын Алексея. Сначала он рос в строгом уединении за шелковыми занавесками, закрывавшими окна *Терема*, где жили женщины. Затем после смерти его отца вспыхнуло восстание; у Алексея были дети от двух браков, и отпрыски его первой жены, Марии Милославской, завидовали влиянию, приобретенному родственниками Натали Нарышкиной, матери Петра.

Петр обрел странную новую свободу в подмосковной деревне, которая дала ему приют, когда Милославские доминировали в государстве. Он вырос диким и неистовым, во всем противоположным утонченному придворному западного мира, поскольку презирал изысканную одежду и ненавидел внешнюю пышность государства. Сначала он правил вместе со своим сводным братом Иваном, и у него были причины опасаться власти сестры Ивана, Софьи Милославской, которая была регентшей и щедро вознаграждала Голицына, своего любимого министра. Было даже покушение на жизнь Петра, которое сделало его в более поздние времена чем-то вроде труса, поскольку он был застигнут врасплох ужасным восстанием, инспирированным Софией, и спасся от нее только поспешным бегством.

Однако восстание было подавлено; Софью отправили в монастырь, а Голицына сослали еще до того, как можно было сказать, что Петр стал правителем. Поначалу он не интересовался государственными делами, будучи поглощен юношескими радостями, которые делил с товарищами из конюшен и с улиц. Он муштровал солдат, формируя прогулочные полки, и часами наслаждался плаванием на старой лодке, которую однажды нашел, потому что это вызвало новый энтузиазм. В Архангельске были голландские шкиперы, которые были рады научить его всему, что знали о навигации и обязанностях своих различных ремесел. Царь настаивал на том, чтобы пройти путь вверх от юнги - он был демократом и намеревался таким образом выровнять классы в своей империи.

Российские подданные горько жаловались на странные иностранные вкусы царя, как только слышали, что он любит посещать *Слободу*, немецкий квартал его столицы, где живет так много иностранцев. Ходили слухи, что он был не сыном Алексея, а, возможно, отпрыском Лефорта, женовского фаворита, который помог ему исправиться. Когда стало известно, что он собирается посетить чужие земли, недовольство усилилось, поскольку правители востока не уезжали далеко от своих собственных владений, если они следовали обычаям своих отцов и соблюдали волю своего народа. *Стрельцы*, привилегированный класс солдат, восстали накануне отъезда на запад. Наказание постигло их не сразу, но Питер задумал в уме темную месть.

Переодетый монарх посетил многие страны, намереваясь изучить цивилизованные искусства Западной Европы, чтобы познакомить их с "варварской Московией", которая цеплялась за устаревшие обычаи прежней эпохи. Некоторое время он провел в Заандеме, деревне в Голландии, где занимался строительством лодок. Затем его принимали в Амстердаме, и он

переехал в Англию в качестве гостя Вильгельма III. Он поселился в Сэйз-Корте, недалеко от Дептфорда, резиденции Джона Ивлина, великого летописца, и произвел много опустошения в этом приятном месте; ибо его манеры все еще были грубыми и варварскими, и он не испытывал никакого уважения к собственности своего хозяина. Сэр Годфри Неллер нарисовал его — красивого гиганта ростом шесть футов восемь дюймов, с полными губами, смуглой кожей и вьющимися волосами, которые всегда виднелись из-под парика. Царь пренебрегал украшением своей персоны и часто был бедно одет, носил грубые заштопанные чулки, толстые башмаки и учился бережливости в одежде.

Питер продолжил изучать кораблестроение в Дептфорде, но главная цель его визита была достигнута, когда он убедил рабочих всех мастей вернуться с ним в Россию, чтобы обучать их различным ремеслам. Царь был намерен обзавестись флотом и надеялся получить морское покровительство для своей империи, изгнав поляков и шведов из их балтийских портов. Тогда он смог бы торговать с Европой и поддерживать отношения со странами, которые ранее были неизвестны. Но только война могла осуществить это высокое стремление, а у него пока не было настоящего умения обращаться с оружием. Попытка захвата Азова, находившегося тогда в руках Турции, привела к позорному поражению.

Петр вернулся домой и обнаружил, что *стрельцы* снова выступили в бой. Его месть была ужасна, потому что он обладал варварским темпераментом и орудовал топором и кнутом собственными руками. Вzbунтовавшиеся солдаты были лишены привилегий, которые долгое время принадлежали им, а те, кому посчастливилось избежать жестокой смерти, были изгнаны. В будущем армии предстояло познать дисциплину, которой такие солдаты, как Патрик Гордон, шотландский офицер, научились в своих кампаниях в чужих землях. Этот солдат проделал большую работу по организации армии Петра и управлению ею. Их одежда должна была быть сшита по образцу западной униформы, которой восхищался Питер. Он стыдился громоздких юбок, которые носили русские в азиатском стиле, и настаивал на том, чтобы их обрезали вместе с бородами, которые были почти священными в глазах священников.

Фавориты скромного происхождения были полезны Петру в его нововведениях, которые неукоснительно выполнялись. Меншиков, когда-то подручный кондитера, помогал царю подавлять любое недовольство, которое могло вспыхнуть, и сам побрил многих разгневанных дворян, которые боялись сопротивляться. Прихотью Петра было преподносить этому министру такие щедрые подарки, чтобы он мог жить в великолепной роскоши и принимать гостей самого царя. Сам Петр предпочитал простоту и презирал великолепие прекрасных дворцов. Он женился на служанке по имени Кэтрин, своей второй жене, и ему понравились ее домашние манеры и жизнерадостность, с которой она выезжала с ним в лагерь. Его первая жена была заперта в монастыре, потому что испытывала искреннее недоверие ко всем переменам, начавшимся с правления Петра.

Шведский король Карл XII был монархом, у которого были главные причины остерегаться нетерпеливого духа царя, всегда стремившегося к тому, чтобы "окно в Европу было открыто", чего так жаждал его отец. Швед был воинственным и бесстрашным, ибо был счастлив только на поле боя. Сначала он пренебрег притязаниями Петра и нанес ему позорное поражение. Царь бежал из Нарвы в Ливонию, и вся Европа заклеила его как труса. К 1700 году был подписан мир с Турцией, чтобы русские могли двинуться на запад, к Балтийскому морю. Их отпор продемонстрировал решимость царя, который извлек урок из пережитого унижения. Он снова

начал обучать солдат и матросов и послал за другими иностранцами для обучения военному искусству. Сами церковные колокола были переплавлены в пушечные ядра, чтобы он мог победить всепобеждающих шведов.

Москва, состоявшая в основном из деревянных зданий, загорелась и сгорела в 1701 году, а дворец и государственные учреждения рухнули дотла. Столица вызывала у царя ужасные воспоминания, он хотел построить новый форт с видом на Балтийское море. Его не привлекали древние церкви и монастыри, поскольку религия прочно ассоциировалась в его сознании с упорным противодействием духовенства, которое неизменно шло навстречу его планам реформ.

Петербург с триумфом поднялся на острове Невы, когда устье реки было захвачено превосходными усилиями царя. Он находился на влажном нездоровом месте и в первый период своего заселения содержал только деревянные хижины, но жители были быстро найдены. Царь был достаточно автократичен, чтобы приказать своим боярам, или дворянам, переехать туда, несмотря на все их жалобы. Он построил церковь святых Петра и Павла и привлекал туда купцов обещаниями торговли. "Пусть он строит города, - презрительно сказал его противник, - нам будет что взять".

Король Польши вступил в союз с Россией против Швеции, но по мере обострения соперничества проявил вероломство и беспринципность. Август нашел в царе некоторые качества, которые ему понравились, поскольку он сам был безудержно весел и много пил, но его главной заботой была сохранность его собственного трона и безопасность его собственных владений. После двух решающих поражений он был изгнан с польского престола Карлом XII, который поставил на его место Станислава Лещинского. Это встревожило Петра, который рассчитывал на помощь Польши. Зима и холод в конце концов оказались лучшим союзником России, чем любая услуга, оказанная Августом. Царь мудро завел шведскую армию в пустынные земли, где многие тысячи умерли от холода и голода. Он встретил жалкие остатки славного отряда под Полтавой в 1709 году и с легкостью разгромил их. Нарва была отомщена, ибо преданные товарищи увели шведского короля с поля боя и отправили отступать в Турцию, где он был гостем султана. Счастливая звезда Карла закатилась, когда он получил ранение в ночь перед Полтавой, потому что он не мог сражаться пешим, и его люди пали духом, скучая по суровой героической фигуре и повелительному голосу, который повелевал им одержать либо победу, либо смерть.

Петр вполне мог бы распорядиться о ежегодном праздновании своей победы над Швецией, с ликованием написав адмиралу Апраксину в Петербург через несколько часов после битвы: "Нашего врага постигла участь Фаэтона, и первый камень в основание нашего города на Неве наконец-то мрачно заложен". Шведская армия была разгромлена, а шведский король-герой был простым странствующим рыцарем, неспособным вернуться в свою страну. Казаки, пытавшиеся отстоять свою независимость от России при гетмане Мазепе, союзнике Карла XII, потерпели неудачу в своем противостоянии могущественному царю. Август снова был признан королем Польши после поражения шведского короля под Полтавой, когда Станислав ушел в отставку, зная, что больше не может рассчитывать на поддержку Швеции. Петр возобновил свой союз в Торне с польским государем.

Новый порядок начался для России, как только балтийское побережье перешло во владение Петра, который был вне себя от радости по поводу новой связи с западом. Он был деспотичен в

своих стремительных переменах, но стремился к цивилизации своей варварской страны. Он посещал иностранные дворы, не любя их церемоний и отчасти стыдясь своей невзрачной верной жены. Он повсюду собирал новые знания, обучаясь многим ремеслам и приобретая сокровища, которые были дарами королей. Прошло много времени, прежде чем его послов стали уважать, и еще больше времени, прежде чем он получил безоговорочное признание своих притязаний как императора. Он решил создать большие союзы через своих дочерей, которые были образованы и одевались на манер французов.

Петр много сделал для эмансипации женщин в России, хотя его личное обращение с ними было жестоким, и он угрожал смертью даже Екатерине, если она не решится подчиниться его малейшему капризу. До сих пор они росли в однообразном уединении и никогда не видели своих женихов до дня свадьбы. Их обиды редко исправлялись, если они осмеливались жаловаться, и монастырь был единственным убежищем от несчастливой супружеской жизни. Королевским принцессам не разрешалось появляться на публике или разъезжать по улицам в обнаженном виде. Женихи не освобождали их от унылой пустой рутины их жизни, потому что их религия была препятствием для союза с князьями запада. София проявила большую смелость, требуя должности в государстве.

Петр изменил обычаи обручения, настояв на том, чтобы молодожены встретились до того, как состоятся сами церемонии. Он устраивал собрания, на которые его подданные были обязаны по указу или эдикту приводить женщин из своих семей, и он старался развивать ту общественную жизнь, которая была неизвестна в России, когда она была отрезана от запада. Он одобрял танцы и музыку и принимал участие в более шумных пирушках. В последние дни своей жизни он очень сильно пил и безапелляционно предлагал мужчинам и женщинам разделить праздничные удовольствия его двора. Национальное чувство с подозрением относилось ко всякому женскому влиянию, пока приветливая Екатерина не вошла в общественную жизнь. Она заступалась за виновных и часто могла успокоить своего мужа в его самом буйном настроении. Постепенно изменилось отношение, которое привело к появлению пословиц, выражающих такие чувства, как "У женщины длинные волосы, но ее разум короток".

Свирепая порывистая натура Петра повела нацию по новому руслу, которое он избрал для ее развития. Он разыгрывал из себя слугу, но на самом деле пользовался высшей властью императора. Все люди были поглощены его сильной властной личностью, которая отличалась от общего характера русского человека того времени. Безжалостная суровость отмечала его неудовольствие, когда любое недовольство могло помешать его любимым планам. Он принес своего старшего сына Алексиса в жертву теории о том, что каждый мужчина должен разделять его вкусы. "Кнут - не ангел, но он учит людей говорить правду", - мрачно сказал он, допрашивая виновных с помощью пыток и вытягивая признание плетью.

Санкт-Петербург стал резиденцией знати. Им пришлось покинуть свои старые поместья и следовать указаниям царя, целью которого было постоянное продвижение на запад. Рабочие гибли тысячами, пока город строился и снова разрушался зимними наводнениями, но прошлое для России было полностью отделено от будущего после смерти Петра в 1725 году.

Глава XIII

Королевский Разбойник

Петр Великий нанес знаменитый визит прусскому двору, надеясь заключить союз с Фридрихом Вильгельмом I против Карла XII, своего северного противника. Королева Екатерина и ее фрейлины подверглись резкой критике, когда прибыли в Берлин, и поведение самого Петра не избежало многочисленных негативных комментариев и тайных насмешек; тем не менее он получил много великолепных подарков, и они, без сомнения, компенсировали ему все, чего, казалось, не хватало при приеме.

Великолепная яхта отплыла в Петербург в подарок Фридриху, который стремился умиротворить неотесанного правителя Востока. Взамен из России ежегодно отправлялись люди гигантского роста для поступления в великолепную Потсдамскую гвардию, столь дорогую монарху, который был суровым солдатом и любил боевую жизнь. Пруссия была новым королевством, полученным для его потомков курфюрстом Бранденбургским. Было необходимо, чтобы правители посвятили себя набору хорошей армии, поскольку их земля могла быть легко атакована иностранными врагами и разделена между более могущественными державами, если они не будут хорошо ее защищать.

Фридрих Вильгельм повсюду рассылал сержантов-вербовщиков и позволял им даже входить в церкви во время службы и силой уводить рослых молодых людей из прихожан. Тем не менее, он был набожным человеком, врагом порока и правителем огромного усердия. Он избавился от бесполезных слуг, как только умер его отец, и проявлял строжайшую экономию в своей личной жизни. Он держал при себе кошельки, а также был своим собственным генералом. Он постоянно бродил по улицам, грубо обращаясь к бездельникам и приказывая продавщицам яблок вязать у своих прилавков, пока они ждут заказа. Он повсюду проповедовал трудолюбие и с ревностным усердием муштровал свои полки.

Обладая высоким ростом и румяным лицом, король вселял ужас в сердца трусов и негодяев. Он презирал экстравагантность в одежде. Французское щегольство было ему настолько ненавистно, что он одевал тюремщиков в парижском стиле, полагая, что это вызовет презрение к иностранной моде.

Потсдамская гвардия подчинялась строжайшей дисциплине, и прусские солдаты выигрывали сражения, чисто механически подчиняясь приказам, когда выходили на поле боя. Любое сопротивление вышестоящему офицеру каралось смертью, а рядовой состав подвергался безжалостной порке. Мальчики часто неохотно проходили такой курс обучения, и родители были вынуждены отдать своих сыновей в *Драгоннады*— солдаты, расквартированные среди

подданных, которые не были достаточно патриотичны, чтобы поставлять рекрутов для государства. Каждый человек благородного происхождения должен был быть офицером и служить до тех пор, пока его силы не будут сломлены. Король брался только с солдатами, потому что они были выше других классов и более или менее принадлежали к его собственному ордену. Армия была увеличена до 80 000 человек, когда умер Фридрих Вильгельм I, свято веривший, что в силах его преемника увеличить маленькое королевство, которое старый курфюрст с гордостью передал по наследству.

Наследный принц Фридрих Бранденбургский и Гогенцоллерн родился в королевском дворце Берлина 24 января 1712 года. Его окрестили Фридрихом "богатым миром" — имя, по странной иронии судьбы, поскольку с самых ранних лет его готовили к военному образу жизни. С восьми лет ребенка обучали военные наставники, и у него были воспитаны простые привычки, которые позволили бы ему переносить тяготы лагеря.

Воинственный правитель Фридрих Вильгельм I установил строгие правила обучения своего сына, поскольку страстно желал, чтобы ему следовал юноша с военными вкусами. Он не должен был изучать латынь, но должен был изучать арифметику, математику и артиллерию, а также получить основательные знания в области экономики. Ученику должен был быть внушен страх Божий, и молитвы и церковные службы играли важную роль в течение дня принца, в течение которого каждому часу было отведено свое дело. В простом королевском туалете прививались спешка и опрятность, поскольку у Фридриха I в те дни было довольно преувеличенное представление о чистоте, но он особенно убедил слуг, что "Молитва с умыванием, завтраком и остальным" должна быть совершена в течение пятнадцати минут. Это была тяжелая жизнь, которой суждено было привить мальчику "настоящую любовь к солдатскому делу". Ему было приказано любить его и искать в нем свою единственную славу. Отец вернулся со шведской войны в январе 1716 года с победой и был рад видеть маленького Фрица, которому тогда было всего три года, бьющим в игрушечный барабан, и его семилетнюю сестру Вильгельмину в боевой позе.

Но наследный принц начал разочаровывать своего отца, играя на флейте и читая французские романы. Он тоже любил хорошо одеваться, и его застали в богато расшитом халате, к ярости короля, который бросил его в огонь. Фредерику нравилось укладывать волосы ниспадающими прядями, а не пучком по военной моде. "*Керпфейфер и поэт*", а не солдат", - прорычал возмущенный отец, полагая, что *Керпфейф*, или Самокрутка, годится только для музыканта в полковом оркестре. Другой сын, Август Уильям, на десять лет младше Фрица, стал надеждой родительских амбиций. Он более благосклонно относился к спартанской жизни, чем его старший брат. При дворе происходили сцены насилия, когда Фридриха младшего попросили отказаться от своего права на престолонаследие. Он отказался быть смещенным, и ему пришлось пережить много издевательств и лишений. Король всегда был наготове со своей палкой и наказал своего сына тем, что не прислуживал ему за своим довольно скудным столом!

Было много разговоров о двойном браке между английским и прусским дворами, которые тогда были родственниками. Фредерик должен был жениться на Амелии, дочери Георга I, в то время как его сестра, хорошенькая дерзкая Вильгельмина, была предназначена Фредерику, принцу Уэльскому. Король Пруссии всей душой поддержал этот план и был в ярости от того, что Георг I не передал его ему. Весь дом боялся его; в то время он страдал подагрой - болезнью, которая

делала его особенно вспыльчивым, и Вильгельмина и Фриц были объектами его гнева. Они вместе сбежали от него; принца обвинили в распутном образе жизни и оскорбили публичным избиением.

Он решил бежать в Англию. Это была отчаянная мера, и в последний момент ее обнаружили и сорвали. Король Пруссии возложил вину на английских дипломатов, хотя они ничего не сделали, чтобы помочь принцу. В то время поговаривали об австро-английской войне. "Я не покину императора, даже если все пойдет прахом", - писал разгневанный отец. "Я с радостью использую свою армию, свою страну, свои деньги и свою кровь для падения Англии". Он был так взбешен попыткой побега, что мог бы пойти на крайность и предать смерти своего сына, но старый генерал, услышав о вероятной судьбе наследного принца, предложил свою жизнь за жизнь Фридриха и выразил такой яростный протест, что беглеца просто посадили в тюрьму.

Его заключение было не таким строгим, как могло бы быть, если бы тюремщики следовали приказам короля. Ему пришлось надеть тюремную одежду и сидеть на жестком табурете, но ему приносили книги и письменные принадлежности, и время от времени он виделся со своими друзьями. Лейтенант фон Катте, бежавший вместе с ним, был казнен перед крепостью, и принц был вынужден стать свидетелем наказания товарища, с которым он занимался музыкой и другими запрещенными занятиями.

Постепенно враждебность Фридриха Вильгельма к своему старшему сыну смягчилась. Ему разрешили посетить Берлин, когда его сестра Вильгельмина вышла замуж за маркграфа Байрутского, после того как четыре короля попросили ее руки, среди них престарелый Август Польшский и Карл XII Шведский. Замок Райнсбург, недалеко от Ной-Руппина, был передан принцу в качестве резиденции. Он проводил там счастливые часы со знаменитыми литераторами своего круга, поскольку теперь у него действительно было свободно уделять время литературе и науке. Он часто переписывался с Вольтером и стал атеистом. Когда он был королем, его совершенно не интересовала религия, и он отличался религиозной терпимостью, которую распространял на своих подданных. Но суровое обращение молодежи испортило его приятный нрав, а недостаток веры сделал его беспринципным и жестокосердным. Он хватался за все, что мог выиграть, и был полон решимости выполнить заповеди, возложенные на него Завещанием, которое его отец написал в 1722 году, когда он считал, что умирает: "Никогда не отказывайся от того, что принадлежит тебе по праву".

Он был далек от намерения отказываться от какой-либо части своих владений, и, более того, он рано приступил к делу завоевания Силезии, чтобы присоединить ее к своему маленькому королевству. Саксония должна была пасть перед ним, если бы он мог каким-либо образом завоевать ее. Была надежда в этом прекрасном рослом отряде людей, которых его отец так хорошо дисциплинировал. В его собственном сердце было мужество, и он вырос в слишком суровой школе, чтобы бояться трудностей.

В 1740 году Фридрих получил благословение своего умирающего отца, и в том же году император Карл VI оставил свою дочь Марию Терезию бороться с агрессивным европейским соседом. Она была великолепной фигурой, эта двадцатитрехлетняя императрица, красивая и добродетельная, с мужским духом и непобедимой решимостью бороться за то, что принадлежит ей по праву. Она владела не только Австрией, но и многими соседними королевствами — Штирией, Богемией, Тиролем, Венгрией и Карпатией.

Карл VI пытался обезопасить королевство своей дочери с помощью "Прагматической санкции", которая провозглашала неделимость австрийских владений и право Марии Терезии наследовать их при отсутствии наследника мужского пола. Это соглашение было подписано всеми державами Европы, кроме Баварии, но Фридрих безжалостно нарушил его, как только император умер.

В приподнятом настроении Фридрих II решился на смелое предприятие - отобрать у Марии Терезии часть тех владений, которые ее отец стремился передать ей.

Союзники быстро собрались вокруг Пруссии, восхищаясь 80 000 человек, которых неясный суверенитет собрал из подданных маленького королевства. Франция, Испания, Польша и Бавария объединились с мятежниками против Марии Терезии, которая обратилась за помощью к Англии. Она казалась в отчаянном положении, жертвой предательства, потому что Фредерик обещал поддержать ее. Битва при Мольвице обернулась против Австрии, и императрица была готова предложить три герцогства Силезии, но король презрительно отказался от них, сказав: "До войны они могли бы меня удовлетворить. Теперь я хочу большего. Какое мне дело до мира? Пусть те, кто хочет его, дадут мне то, что я хочу; если нет, пусть они сражаются со мной и снова будут побеждены".

Курфюрст Баварии находился в трех днях пути от Вены, провозгласив себя эрцгерцогом Австрии. У Марии Терезии не было ни людей, ни денег. Совершенно неожиданно она приняла решение и созвала венгерских магнатов в Прессбурге, куда бежала из своей столицы. Она стояла перед ними, самая красивая и патриотичная в своей юности и беспомощности. Держа ребенка на руках, она обратилась ко всему собранию. Она надела корону святого Стефана и держала его меч на боку. На призыв быстро откликнулись. Мечи выскочили из ножен; раздался рев множества голосов: "*Moriamur pro rege nostro, Мария Терезия!*" ("Умрем за нашего короля, Марию Терезию").

Но Фридрих снова и снова побеждал австрийцев в битвах. Ни одна армия не могла противостоять этим замечательным компактным полкам, прекрасно обученным и дисциплинированным, не боявшимся ничего, кроме потери репутации. Марии пришлось смириться с унижением, уступив часть Силезии своему врагу, в то время как сам курфюрст был коронован как император Карл VII во Франкфурте. Английский король Георг II сражался за нее против французов при Деттингене и одержал победу. Она с триумфом вошла в свою столицу, очевидно, утвердившись в своих владениях. Но Фридрих принимал активное участие в военных действиях и попытался отделить англичан от нее. Он вторгся в Богемию и разбил имперских генералов. Он получил столь спорную территорию Силезии в 1745 году по Дрезденскому мирному договору, завершившему вторую войну.

Национальный дух поднимался в Пруссии благодаря этой всемогущей армии, которая лишила страну людей и лошадей. Державы Европы с изумлением увидели, что новая сила облачается в юношескую славу. В 1756 году началась Семилетняя война, одна из самых судьбоносных войн во всей европейской истории.

Франция, Россия и Саксония были в союзе с Марией Терезией, но пруссакам помогала Англия. Фридрих II проявил себя великолепным полководцем, достойным отца, чья единственная война отняла желанную провинцию Померания у доблестного шведского короля Карла XII. Он разгромил австрийцев и вторгся в Саксонию, помня о богатстве и процветании этой страны,

которое, если добавить его к его собственным, значительно увеличило бы ценность его владений. Он почти всегда побеждал, хотя против него была половина Европы. Он разбил австрийцев при Праге и Лойтене, русскую армию при Цорндорфе. Один из его самых блестящих триумфов был одержан над объединенной французской и имперской армиями при Россбахе.

Frederick the Great receiving his People's Homage
A. Menzel

152

Фридрих Великий, принимающий дань Уважения своего народа (А. Менцель)

Французы ожидали легкой победы в 1757 году, поскольку армия союзников значительно превосходила ту, что Фридрих Вильгельм расположил лагерем в Россбахе, деревне в прусской Саксонии. Король наблюдал за передвижениями врага из замка и был в восторге, когда ему удалось подтолкнуть их к решительным действиям. Он плотно поужинал со своими солдатами в лагере, хотя, безусловно, находился в самом опасном положении. Он был слишком хитрым стратегом, чтобы подать сигнал своим войскам, пока французы продвигались вверх по холму к его палаткам. Сражение длилось всего полтора часа и закончилось полной победой Пруссии. Общие потери королевской армии составили менее 550 офицеров и рядовых по сравнению с 7700 на стороне противника.

"Армия рубли и беги" - презрительное название, заслуженное отступающими полками.

Постепенно союзники отступили с обеих сторон, Франция объединилась с Англией в Индии и колониях. Фридрих II и Мария Терезия заключили соглашение в Хубертсбурге. Силезия все еще

находилась в руках прусского короля, но он потерпел неудачу в достижении главной цели войны, которой было завоевание Саксонии.

У короля дома нашлась работа, когда закончилась долгая, разрушительная война. Урожай остался неурожайным из-за нехватки людей, а сильных лошадей для работы на ферме не осталось. Голод привел многие районы королевства в запустение, но внедрение картофеля спасло некоторые из оставшихся. Королю пришлось немедленно восстанавливать деревни и привозить лошадей из других стран. Он стремился следовать наставлениям своего отца и сделать население трудолюбивым и процветающим. Он следил за тем, чтобы повсюду появлялись школы, а также церкви, в которых было как можно меньше споров. Духовенство было подавлено и лишено возможности "стать папами", как, по-видимому, имело место в некоторых странах. Король не отличался благочестием, но благоговел перед протестантизмом своего отца.

Когда война закончилась, Фредерик выглядел стариком, хотя ему был всего пятьдесят один год. Он был потрепанной фигурой, этот "старый фриц", в поношенной синей форме с красными накладками. Его треуголка, черные бриджи и высокие сапоги свидетельствовали об экономности, привитой ему в юности, когда у него было всего восемнадцать пенсов в неделю на расходы. Он бродил среди деревенских жителей, фамильярно беседуя с фермерами. Он взял за правило раз в год объезжать страну, чтобы посмотреть, как там дела.

Король ненавидел праздность и, подобно первому Фридриху, бранил своих подданных, если они не были трудолюбивы. "Не обязательно, чтобы я жил, но необходимо, чтобы, пока я жив, я был занят", - сурово замечал он. Бережливость снискала у него похвалу, и он всегда отмечал это среди своих подданных. Однажды он спросил время у офицера, которого встретил на улице, и был поражен, увидев свинцовую пулю, подвешенную к золотой цепочке. "Мои часы показывают всего один час, тот, в течение которого я готов умереть за ваше величество", - таков был патриотический ответ на его вопрос. Он наградил офицера его собственными золотыми часами и отметил, что его методы были такими же успешными, как и методы его отца. Этот благоразумный монарх всякий раз, когда писал, надевал на свой мундир свободные рукава, чтобы не испортить дорогую ткань, которая была тогда в моде.

В 1786 году Фридрих II умер, оставив Германию оплакивать его. Самая дисциплинированная армия в Европе и казна, полная золота, были хорошими подарками, которые он оставил своему преемнику. Население королевства насчитывало шесть миллионов душ, что само по себе было еще одним состоянием. "Если страна густонаселенна, это настоящее богатство" - таков был мудрый принцип первого Фридриха.

Отец и сын выглядели невзрачными фигурами на сцене Европы восемнадцатого века. Блистательный Людовик XIV и его величественный Версаль, казалось, намного затмевали их. Но Германия была обязана Фридриху I и Фридриху II, известным как Великий, своим единством и национальным духом. Они строили на твердой почве, и их работа заключалась в том, чтобы передать власть их преемникам, в то время как Великий монарх оставил позади нищету, которая должна была найти выражение в том плаче угнетенных, известном во всей истории как Французская революция.

Глава XIV

Духи эпохи

Целью Фридриха Великого было поколебать старый политический порядок в Европе, который был католическим и непросвещенным. С этой целью он возвысил Пруссию, которая была протестантским и прогрессивным государством, и боролся против Австрии, империи, цепляющейся за устаревшие идеи феодального военного правления. Он навлек на себя много осуждения за несправедливый раздел Польши с Россией. Однако он утверждал, что Польша до сих пор была варварским феодальным государством и должна извлечь выгоду из ассоциации со странами коммерческой и интеллектуальной деятельности. Галисия перешла к Марии Терезии в конце войны и, вероятно, так и останется в религиозном рабстве.

Фридрих II нанес много тяжелых ударов Святой католической церкви, но он не собирался вести религиозную войну в Европе. Он настаивал на веротерпимости в Пруссии, хотя сам не был религиозным человеком, и пригласил ко двору врага старой веры Франции — Франсуа Мари Аруэ, более известного как Вольтер, титул, который он получил от названия поместья, находившегося во владении его семьи.

Французский ученый пришел к Фредерику после того, как тот пережил все преследования, которые неизбежно обрушивались на бесстрашного писателя в эпоху узкого фанатизма. Очень скоро после своего появления в Париже Вольтера обвинили в написании стихов, в которых рассказывалось о пороках страны, где магистраты использовали свою власть для взимания несправедливых налогов, а верноподданных слишком часто сажали в тюрьму. В результате он был брошен в Бастилию. Было совершенно бесполезно возражать, что он не был автором *Je l'ai vu* ("Я видел это"). Его взгляды вызывали подозрения, хотя ему был всего двадцать один год и он находился под покровительством своего крестного отца, аббата Шатонефа. Вольтер был достаточно философом, чтобы использовать свой год в Бастилии с большой пользой — он закончил свою первую великую трагедию "Эдип" и поставил ее в 1716 году, вызвав восхищение французских критиков.

Хотя Вольтер теперь делал блестящую карьеру драматурга, начальство по социальному положению несправедливо обошлось с ним. Он был сыном нотариуса с некоторой репутацией и был слишком богат, чтобы просить покровительства, но знать была оскорблена свободой молодого остроумца, который заявил, что поэт может претендовать на равенство с принцами. "Кто этот молодой человек, который так громко разговаривает?" - поинтересовался шевалье Роан на интеллектуальном собрании. "Милорд, - последовал быстрый ответ Вольтера, - это тот, кто не носит великого имени, но завоевывает уважение за то, что у него есть".

Этот меткий ответ не понравился шевалье, и он приказал своему лакею хорошенько поколотить поэта. Вольтер ответил бы на оскорбление своим мечом, но его враг пренебрег дуэлью с человеком более низкого положения. Семья Рохан была влиятельной и предпочла сохранить свое достоинство, посадив презируемого поэта в тюрьму.

Вольтеру было приказано покинуть Париж, и он решил посетить Англию, где, как он знал, ученым французам был оказан радушный прием. Он был поражен высокой честью, оказываемой гению, и тем социальным и политическим влиянием, которого могут добиться писатели. Джонатан Свифт, знаменитый ирландский сатирик, был сановником Государственной церкви и все же никогда не стеснялся с презрением относиться к злоупотреблениям государства. Эддисон, знаток классической литературы, был государственным секретарем, а Прайор и Гэй выполняли важные дипломатические миссии. Философы, такие как Ньютон и Локк, обладали богатством, а также большим уважением, и им была доверена доля в управлении своей страной. Учитывая его недавний опыт французской несправедливости, Вольтер, возможно, был склонен преувеличивать абсолютную свободу английского подданного в освещении общественных мероприятий и публичных персон в печати. "В Париже нужно скрывать то, о чем я не мог слишком сильно говорить в Лондоне", - писал он, и в нем разгоралась ненависть ко всем формам классовых предрассудков и интеллектуального упрямства.

Его *английская литература*, которая тронула многих светских писателей его времени, была публично сожжена указом парижского парламента в 1734 году. Парламент, состоящий из людей в мантиях (юристов), был тесно связан с судом в узколобом фанатизме. Он всегда был на переднем плане, чтобы помешать любому проявлению свободной мысли дойти до людей. Старый порядок, цеплявшийся за богатство и благосклонность, счел за лучшее, чтобы люди, известные как Третье сословие, оставались в неведении об огромных притеснениях, которым они подвергались. Для Вольтера было своего рода потрясением обнаружить, что в Англии налоги платили как дворяне, так и духовенство, в то время как во Франции была популярна поговорка феодальных времен— "Дворяне сражаются, духовенство молится, народ платит".

Прискорбно, что Вольтеру не хватало уважения к тем, кто занимал высокое положение, которого не так давно избили лакеи знати. Он не переставал писать и продолжал оскорблять, хотя однажды солнце двора озарило его благодаря мадам де Помпадур, фаворитке короля. Она заставила его написать пьесу в 1745 году, посвященную бракосочетанию дофина. *Принцесса Наваррская* оказала ему больше почестей, чем его лучшим поэмам и трагедиям. Он был принят в Академию словесности, основанную Ришелье, стал камердинером и историографом Франции.

В те времена было принято писать ради королевской милости, хотя сюжеты драм должны были быть ограничены теми, которые приумножали бы славу Церкви или государства. И все же Вольтер не нуждался в покровительстве, которое было необходимо бедным гениальным людям вроде драматургов знаменитого поколения, предшествовавшего его собственному. У него были личные средства, которые он выгодно инвестировал, не стремясь терпеть оскорбления, обычно направленные в адрес бедности и учености. Он жил в тихом замке в Сирее, трудолюбивый и независимый, хотя и испытывал к маркизе дю Шатле то восхищение, которого жаждет литератор. Именно маркиза разделила с Фридрихом Великим дань уважения, воздаваемую остроумным литератором, *то есть* тому, что в его время было всего два великих человека, и один из них носил нижние юбки. Она отличалась от легкомысленных придворных женщин

своим искренним стремлением к интеллектуальным удовольствиям. Весь ее день был отдан изучению таких писателей, как Лейбниц и философ Ньютон. Она редко тратила время впустую и, безусловно, могла претендовать на оригинальность в том смысле, что ее рабочее время никогда не прерывалось общением. Она была неприятна, но не любила клевету, хотя сама была объектом множества злобных сплетен со стороны женщин, считавшихся остряками в продажной придворной жизни Версаля.

Вольтер приходил и уходил, перемещаясь взад и вперед по Европе, часто становясь объектом яростных нападок, которые делали бегство необходимым, но в течение пятнадцати лет он регулярно возвращался в уединенный замок Сирей, где мог рассчитывать на уединение для активного продолжения своих исследований. Он был человеком с широким кругом интересов, увлекавшимся наукой и проводившим эксперименты ради собственной выгоды. Помимо пьес и стихов, он писал историю, а позже в своих нападках на Церковь проявил себя искусным и беспринципным полемистом.

В 1750 году, когда мадам дю Шатле была мертва, Вольтер принял приглашение, присланное ему из Берлина королем Пруссии. Он получил роскошный пост в Потсдаме, где находился двор Фридриха Великого. Там он мог жить в дружеских отношениях с "королем, выигравшим пять битв". Он любил принимать активное участие в жизни и переезжал с места на место, проявляя живой интерес к новизне, хотя его передвижения также могли быть вызваны страхом перед безжалостными действиями правительства.

В Потсдаме он нашел занятие, но не интеллектуальное. Фридрих Великий муштровал солдат и принял их в суровых казармах. В стране существовало похвальное терпимое отношение к свободе слова, но были постоянные пререкания. При дворе Вольтер обнаружил, что его жизнь была омрачена интригами завистливых придворных, непомерным тщеславием короля и почти средневековым состоянием нравов. Вскоре между королем и его гостем возникли ссоры, которые привели к проявлениям ничтожества и скупости, свойственных их характерам. Король прекратил поставлять Вольтеру шоколад и сахар, в то время как Вольтер прикармливал огарки свечей, чтобы показать свое презрение к этой подлости! Высказывание Фредерика о том, что француз - всего лишь апельсин, из которого, выжав сок, он должен выбросить кожуру, очень естественно задело поэта, которому оно было повторено.

В Потсдаме царили зависть и сплетни, которые привели к разрушению взаимного восхищения этих двух сильных личностей, которые думали, что будут так счастливо жить вместе. Вольтер пренебрежительно отзывался о литературных достижениях Фредерика и сравнивал задачу исправления французских стихов своего хозяина со стиркой грязного белья. Вежливость иссякла, когда автор описал монарха как обезьяну, которую следовало бы выпороть за его проделки, и дал ему прозвище *Люк*, ручная обезьянка, известная своей порочной привычкой кусаться!

В марте 1753 года Вольтер покинул двор, совершенно устав от жизни в месте, где так мало интересовались литературой. У него был *скандал* во Франкфурте, где от него потребовали отказаться от придворных украшений, которые он носил с детским удовольствием, а также от томика королевских стихов, которые Фридрих не хотел предавать огласке. Пять недель он пролежал в тюрьме со своей племянницей мадам Дени, жалуясь на ужасные унижения. Он надрал уши книготорговцу, которому был должен денег, пытался застрелить клерка и вообще совершил множество странных глупостей, которые совершенно противоречили его

притязаниям на философию. Тесной дружбе с Пруссией пришел конец, но он по-прежнему получал пенсию и переписывался с циничным Фридрихом, лишь изредка упоминая об их пресловутых разногласиях. Не одобряя племянницу мадам Дени, король отказался от той терпимости, которую он открыто проявлял. "Считайте, что со всем этим покончено", - писал он по поводу тюремного заключения, - и чтобы я никогда больше не слышал об этой надоедливой племяннице, у которой не так много достоинств, как у ее дяди, чтобы прикрыть свои недостатки. Люди говорят о слуге Мольера, но никто никогда не заговорит о племяннице Вольтера".

Поэта возмущало такое пренебрежение к своей племяннице, поскольку он снисходительно относился к невзрачной кокетке, у которой не хватало ни остроумия, ни здравого смысла, чтобы заслужить прощение за легкомыслие ее вкусов и экстравагантность. Живя в ученом кругу, она, как попугай, говорила о литературе и писала пьесы для театра Ферни. - Она написала комедию, но актеры из уважения к Вольтеру отказались в ней играть. Она написала трагедию; но единственная милость, которую многолетние мольбы так и не смогли добиться от Вольтера, заключалась в том, что он прочитал ее".

Несмотря на свои ссоры, Вольтер благосклонно отзывался о немецкой свободе, которая позволяла публиковать произведения, посвященные Великому курфюрсту. Он не мог вынести враждебного настроения своей страны и покинул Париж, чтобы поселиться в Женеве, этой свободной республике, которая оказывала гостеприимство беженцам из всех стран. Он построил два отшельничества, одно для лета и одно для зимы, оба с прекрасными видами, которыми он наслаждался в течение двадцати последующих лет, хотя и не довольствовался одним убежищем. В 1758 году он купил пожизненную долю в Турне и поместье Ферней, заявив, что "философы должны иметь две или три норы под землей от собак, которые преследуют их". В Ферне он осудил религию того времени, обвинив Церковь в ненависти к истине и реальному знанию, с которыми сочетались ужасная жестокость и отсутствие терпимости.

Сделать суеверие смешным было одним из объектов сатиры Вольтера, поскольку таким образом он надеялся добиться должного уважения к разуму. Все злоупотребления должны были быть искоренены, а также такие традиции, которые делали людей рабами. Позорная борьба между иезуитами и янсенистами была в самом разгаре. Как могла существовать религия, когда одна сторона, верящая в дела, отрицала вероучение другой, верящей в благодать больше, чем в дела, и когда обе стороны стремились посвятить себя преследованиям?

Во времена Вольтера осуждение свободного письма исходило главным образом от духовенства. Они заковывали разум в кандалы и подчиняли его духовенству. Передо мной был человек, насмехающийся над властью, на которую претендуют члены святого сообщества. Узкий фанатизм священников требовал, чтобы его держали в рабстве. И все же он насмехался не над людьми, которые вели хорошую жизнь, а над продажными людьми, которые позорили свое призвание. Ужасы инквизиции возрождались ревностными иезуитами, которые теряли авторитет из-за растущей силы другой партии католической церкви, известной тогда как янсенисты.

Янсенисты следовали доктринам Кальвина в своей вере в предопределение и необходимость обращения, но они сильно отличались от протестантов по многим пунктам, считая, что душа человека не спасается сразу после обращения, хотя обращение может быть мгновенным. Они были твердо убеждены, что каждая человеческая душа должна иметь личные отношения со своим Создателем, но считали, что это возможно только через Римскую церковь. Их главной

причиной ссоры с иезуитами было обвинение, выдвинутое против священников этого ордена в том, что они слишком легко отпускали грехи, не будучи уверенными в истинном раскаянии грешников.

Кровь Вольтера вскипела, когда он услышал, что трое молодых протестантов были убиты за то, что взяли в руки оружие при звуке набата, думая, что это сигнал к восстанию. Он принял под свое покровительство в Женеве вдову и детей протестанта Каласа, который был разбит колесованием в 1762 году из-за того, что было ложно объявлено, что он убил своего сына, чтобы помешать ему стать католиком. Юноша по имени Ла Барр был приговорен по ходатайству епископа к отрезанию языка и правой руки за то, что его подозревали в том, что он подделал распятие. Впоследствии он был приговорен к смертной казни на основании самых надуманных улик.

Вольтер был в ярости от невежества таких фанатиков. В писаниях неверующих того времени звучал смех, но это был смех, вдохновленный жалкой верой в то, что шутка - единственное средство пережить то, что может произойти. "Остроумные вещи плохо сочетаются с массовыми убийствами", - заметил Вольтер. В нем была сила разрушать, и он приступил к разрушению.

В 1750 году духовенство отказалось платить свою долю налогов, хотя в их руках находилась пятая часть Франции. Философ заметил, что суеверия неизбежно приводят к появлению плохих граждан и описывают зло, постигшее общество в результате праздной жизни, которая поддерживалась трудом более трудолюбивых подданных. Но в своих достойных похвалы нападках на дух католицизма своего времени, который опустился до низменной жестокости, Вольтер всегда апеллировал к разуму, а не к чувствам. Он хотел освободить разум и расширить знания. Он провозгласил разум богиней и предоставил другому человеку указывать путь к социальной революции.

Именно Жан-Жак Руссо заставил людей задуматься о возможности государства, в котором все граждане должны быть свободны и равны. Он подвергся изгнанию и большим лишениям за смелые планы, которые он выдвигал. Парижский парламент был безжалостен, когда в 1762 году были опубликованы две книги — *"Эмиль"* и *"Общественный договор"*.

Руссо, писатель скромного происхождения, был близким учеником Вольтера с тех пор, как его ум впервые сформировался в определенную индивидуальность. Он много раз был беден и почти умирал с голоду, занимался гравировкой и копированием нот и неблагодарно обошелся с несколькими добрыми покровителями. Как и Вольтер, он путешествовал по Европе, найдя убежище в Женеве, откуда происходила семья его отца. Он был человеком грязной жизни и без морали; но он был верен цели своей жизни и трудился над непосильными задачами, предпочитая писать не по велению собственной души.

Пьеса Руссо *"Деревенская дева"* имела успех при дворе, что принесло ему благосклонность веселых дам. Многим красавицам было трудно оторваться от чтения его странно романтического романа *"Новая Элоиза"*, в котором проповедовалось возвращение к природе, так долго пренебрегаемой искусственным веком Парижа. Все условности должны быть отброшены, чтобы человек мог достичь той чистоты, которая изначально была задумана Богом. Не должно быть ни королей, лишаящих своих подданных всякой свободы, ни знати, претендующей на землю, которая была наследием Божьих созданий.

Поначалу эта теория возвращения к природе понравилась правящим классам. Молодые король и королева действовали из лучших побуждений и были добры к народу. Людовик XVI ходил среди бедных и делал что-то, чтобы облегчить страдания, которые он видел. Мария-Антуанетта отказалась от экстравагантной карьеры модельера и проводила счастливые часы в деревушке Трианон. Дворяне и фрейлины играли в деревенщину, не подозревая о смертельных ударах, которые Жан-Жак наносил им в своих произведениях, которые так сильно вызвали к их чувствам. Появилась новая вера в человечность, которая посылала герцогиню ранним утром раздавать хлеб бедным, даже если вечером она танцевала при дворе, который поддерживался в роскоши за счет их невзгод. Поэт мог бы поздравить себя с сенсацией, вызванной идеями, которые по парламентскому эдикту отправили его в жалкое изгнание. Он не ставил своей целью разрушение старого порядка, но он изобразил идеальное государство, и для достижения этого идеального состояния люди безжалостно убивали своих собратьев. *Общественный договор* стал учебником первой революционной партии, и никто не восхищался Руссо более пылко, чем безжалостный носитель тирании, который следовал идее теоретика о том, что в республике иногда необходимо иметь диктатора.

При жизни Вольтера и Руссо существовали конкурирующие школы мысли. Последний был королем рынков, которому суждено было в последующие годы вдохновлять Конвент и Коммуну. Вольтер, спутник королей и страстный обладатель благосклонности мадам де Помпадур, не испытывал особой симпатии к автору книги, в которой сын скромного часовщика попирает суверенитет и не проявлял никакого мастерства в обращении с религией. Старший мужчина предложил младшему убежище, когда на него посыпались оскорбления; но Жан-Жак не потерпел этого и считал, что Женева должна была изгнать неверующего, поскольку Жан-Жак был набожным человеком в теории и шокирован поклонением чистому разуму. Безумные возгласы, приветствовавшие возвращение Вольтера в Париж после тридцати лет изгнания, должно быть, довольно горьким эхом отозвались в ушах Руссо, который презирал салоны и предпочел жить отдельно от всего общества.

Глава XV

Человек с Корсики

Родившийся 15 августа 1769 года, Наполеон Бонапарт с первых часов своего существования оказался в окружении всей этой суматохи и столкновений войны. Аяччо, расположенный на скалистом острове Корсика, был его родиной, хотя в его семье текла флорентийская кровь. Летиция Рамолино, мать Наполеона, была итальянского аристократического происхождения.

Корсика не была солнечным местом во времена младенчества этого юного героя, который научился размышлять о несправедливостях своего родного острова. Корсиканцы яростно восстали против суверенитета Генуи и были в состоянии сопротивляться всем попыткам подчинить их, пока в борьбу не вмешалась Франция и не добилась дипломатической хитростью того, чего нельзя было добиться простой силой оружия. Корсиканцы с еще большей горечью восприняли это завоевание, потому что они наслаждались тринадцатью годами независимости во всем, кроме названия, под руководством Паоли, всеми любимого патриота. Именно после того, как Паоли был изгнан в Англию, молодой Наполеон написал: "Я родился, когда моя страна погибала, тридцать тысяч французов блевали на наших берегах, заливая трон Свободы волнами крови; таково было зрелище, поразившее мои глаза".

Корсиканец Наполеон заявил о себе в юности, полной бедности и недовольства, когда он мечтал прийти к власти с помощью такого патриотизма, который облагородил Паоли. Шарль Бонапарт, его отец, перешел на сторону победителей и стремился заручиться дружбой Марбефа, французского губернатора Корсики.

Наполеон, второй из тринадцати детей, был обязан Марбефу помощью в его раннем образовании, поскольку его собственная семья не могла сделать ничего, кроме обеспечения самого необходимого для жизни. Шарль Бонапарт был праздным, беспечным человеком, и бедность семьи едва ли сказывалась на его жене Летиции, которая вышла замуж в пятнадцать лет и была вынуждена выполнять много тяжелой работы.

Наполеон поступил в военную школу в Бриенне в апреле 1779 года и оттуда посылал письма, в которых вполне мог предупредить своих родителей о том, что у них родился вундеркинд. Вся горечь гордого униженного духа вдохновляла их, независимо от того, умолял ли мальчик, презираемый более богатыми учениками, своего отца уволить его или настаивал, с полным пренебрежением к сыновней почтительности, каким-либо образом вернуть взятую им взаймы сумму денег.

"Если ни вы, ни мой покровитель не дадите мне средств поддерживать более достойный вид в школе, в которой я учусь, пришлите за мной домой, и это немедленно. Мне совершенно противно, что мои наглые товарищи смотрят на меня как на нищего, у которых есть только состояние, позволяющее рекомендовать их, и улыбаются моей бедности; здесь нет ни одного, кто не уступал бы мне в тех благородных чувствах, которые одушевляют мою душу.... Если мое положение не может быть улучшено, увезите меня из Бриенны; назначьте меня каким-нибудь механиком, если это необходимо; дайте мне только очутиться среди равных, и я отвечу за это, я скоро стану их выше. Вы можете судить о моем отчаянии по моему предложению; я еще раз повторяю это: я предпочел бы быть мастером в мастерской, чем подвергаться насмешкам в первоклассной академии".

Однако в академии Наполеон оставался объектом порицания родителей за свой амбициозный и надменный дух. Он был мрачен и замкнут, у него было мало товарищей, и даже в этом раннем возрасте он чувствовал свое превосходство над окружающими. Он восхищался Кромвелем, хотя и считал английского генерала незавершенным в его завоеваниях. Он прочитал Плутарха и *Комментарии* к Цезарю и решил, что его собственной карьерой должен стать путь солдата, хотя он снова написал стесненным в средствах семьям на Корсике, заявив: "Тот, кто не может позволить себе сделать из своего сына юриста, делает его плотником".

На данный момент он предпочел не обращать внимания на семейные узы, которые были особенно сильны среди островного сообщества. "Пусть образование моих братьев обойдется дешевле, - убеждал он, - пусть мои сестры работают, чтобы прокормить себя". В этом духе был налет безжалостного эгоизма, но корсиканец испытывал настоящую любовь к своим сородичам, что он продемонстрировал в дальнейшей жизни. Но в тот период он так страстно жаждал славы, что с готовностью пожертвовал бы самыми близкими ему людьми. Ему было невыносимо сознавать, что его необычные способности, возможно, никогда не найдут полного применения; он был уверен, что однажды сможет отплатить за любую проявленную к нему щедрость.

Разразилась Французская революция, и Наполеон увидел свой первый шанс отличиться. Его колледж хорошо рекомендовал его на должность в артиллерии, несмотря на странный отчет о характере и манерах молодого студента, который был написан для частного прочтения теми, кто назначал его. "Наполеон Бонапарт, корсиканец по происхождению, сдержанный и прилежный, пренебрегающий всеми удовольствиями учебы; обожает важные и рассудительные чтения; чрезвычайно внимателен к методическим наукам, умеренно по отношению к другим; хорошо разбирается в математике и географии; молчалив, любит одиночество, капризен, надменен, чрезмерно склонен к эгоизму, говорит мало, лаконичен в ответах, скор и строг в остротах, одержим большим самолюбием, честолюбив и полон надежд".

Вскоре после падения Бастилии Наполеон встал во главе революционной партии в Аяччо, надеясь стать оплотом Национальной гвардии, которую он пытался создать на острове Корсика. Он стремился стать командиром оплачиваемой туземной гвардии, если таковую удастся создать, и не был безрассуден в своих амбициях, поскольку был единственным корсиканским офицером, прошедшим подготовку в королевском военном училище. Но Франция отклонила предложение о создании таких сил, и Наполеону пришлось действовать по собственной инициативе. Он лишился своей должности во Франции, продлив свой отпуск в 1792 году. Объявленный дезертиром, он видел небольшой шанс на продвижение к военной славе. Действительно, он, вероятно, предстал бы перед военным трибуналом и был бы расстрелян, если бы Париж не был в замешательстве из-за начала войны Франции против европейских союзников. Он решил возглавить повстанцев Корсики и попытался овладеть Аяччо на Пасхальном фестивале.

Эта вторая попытка поднять восстание закончилась тем, что вся семья Буонапарте была изгнана разъяренными корсиканцами во Францию, которая отныне стала их приемной страной. Вспыхнула революция, король и королева отправились на эшафот, в то время как государственная измена, которая в мирное время могла бы привести к смерти офицера, оказалась ступенькой к высокому званию и продвижению по службе. Это была гражданская война, и в ней Наполеон первым проявил свое выдающееся мастерство в военной тактике. Он командовал артиллерией, осаждавшей Тулон в 1793 году, и был отмечен как человек с заслугами, получив командование бригадой и перейдя в звании генерала артиллерии во внешнюю войну, которую Республиканская Франция вела против всей Европы.

Командование армией Италии было предложено Наполеону Баррасом, который был одним из членов новой Директории, сформированной для управления Республикой. Богатая жена казалась необходимой бедному молодому человеку с только что раскрывшимися безграничными амбициями. Баррас познакомил корсиканца с Жозефиной Богарне, красивой

вдовой дворянина, ставшей жертвой террора. Ранее он познакомился с маленьким сыном Жозефины Юджином, когда мальчик пришел просить вернуть ему меч его отца.

Жозефина понравилась поклоннику своим дружелюбием, а ее, в свою очередь, привлекла его пылкая натура. Она была в состоянии продвигать его интересы благодаря своей близости с Баррасом, который пообещал, что Наполеон займет высокий пост в армии, если она станет его женой. Она вышла замуж за Наполеона в марте 1796 года, не испугавшись предсказания: "Ты будешь королевой, но все же не сядешь на трон". Тогда можно сказать, что карьера Наполеона началась всерьез. Это был рассвет новой эпохи в Европе, когда Франция выступила в качестве доминирующей державы. Австрия была против нее как мстительницы за Марию-Антуанетту, злополучную королеву Франции, которая была дочерью Марии Терезии. Англия и Россия были в союзе, хотя Россия была ненадежным и нелояльным союзником.

Нехватка денег могла бы испугать человека, менее стремящегося к успеху, чем молодой Наполеон. Однако он планировал кампанию в Италии как косвенный способ нападения на Австрию. Он смело обратился к своим солдатам, пообещав повести их на самые плодородные равнины в мире. "Богатые провинции, великие города будут в вашей власти", - заверил он их. "Там ты найдешь честь, славу и богатство". Его первый успех был заметен, но он не удовлетворил непомерную жажду его натуры. "В наши дни, - сказал он Мармону, - никто не задумал ничего великого; мне выпало привести пример".

С самого начала он считал себя генералом, независимым от Республики. У него была богатая добыча, и он мог платить своим людям, не прибегая к почти исчерпанным государственным средствам. Молча он проводил свою собственную политику на войне, и это сильно отличалось от политики любого генерала, ушедшего с поста до него. Он обращался с Папой так, как мог бы обращаться великий князь, предлагая защиту преследуемым священникам, которых Директория считала своими врагами. Он повсюду захватывал собственность, пренебрегая соблюдением нейтралитета. Забыв о своей итальянской крови, он увез множество картин и статуй из итальянских галерей, чтобы отправить их во Францию. Теперь он продемонстрировал свою дерзость и поразительную энергию своих завоевательных планов. Последствия ужасов и беспорядков революционных войн лишили его всякой совести. Он презирал Республику и французскую нацию как непригодную для республиканизма. "Республика с тридцатимиллионным населением! - восклицал он, завоевывая Италию. - с нашей моралью, с нашими пороками! Как такое возможно? Нация хочет вождя, вождя, овеванного славой, а не теорий правления, фраз, идеологических эссе, которые французы не понимают. Им нужны какие-нибудь игрушки; этого будет достаточно; они будут играть с ними и позволят вести себя, всегда предполагая, что им ловко мешают видеть цель, к которой они движутся". Но коварный корсиканец не часто говорил так прямо! Стремясь к императорской власти, он тщательно скрывал свои намерения, поскольку поддерживавшая его армия симпатизировала республиканцам.

Наполеон завоевал Италию, когда ему было всего двадцать семь. В 1796 году он вступил в Милан под одобрительные возгласы народа, его войска прошли под триумфальной аркой. Итальянцы с того дня приняли его трехцветный флаг.

Директория передала завоевателю командование армией, которая должна была быть использована против Англии. Старое отчаянное соперничество вспыхнуло снова теперь, когда французы увидели шанс восстановить власть в Индии. Целью Наполеона было вести войну в Египте, и ему требовалось много денег для своей кампании в далекой стране. Во время завоевания Италии ему удалось раздобыть деньги из папских сундуков, и он также мог рассчитывать на огромную добычу, захваченную в Берне, когда старая конституция Швейцарии была свергнута и основана новая Республика. Он захватил Мальту, "самое сильное место в Европе", и продолжил оккупацию Александрии в 1798 году. В феврале следующего года он двинулся на Каир.

Господство Англии на море разрушило полный успех планов, которые разрабатывал Наполеон. Он никогда всерьез не думал об английском адмирале Нельсоне, пока его собственный флот не был разбит им вдребезги в морском сражении при Абукире. После этого он понял, что ему приходится считаться с могущественным врагом.

Турки решили предвосхитить план Наполеона по обеспечению Греции свободы, подготовив огромную армию в Сирии. Французы взяли штурмом город Яффо, но были вынуждены снять осаду Акко. Таким образом, экспедиция не увенчалась успехом, хотя Наполеон одержал победу над турецкой армией при Абукире. Англичане одержали победу в Египте, и им посчастливилось вернуть Мальту, которая исключала Францию из Средиземноморья. Наполеон с трудом ускользнул от английских крейсеров и вернулся во Францию, где быстро пришел к власти, получив после своего рода революции титул первого консула. Он должен был занимать свой пост в течение десяти лет и получать жалованье в полмиллиона франков. В действительности была создана сильная монархия. Однако народ Франции по-прежнему считал себя свободной Республикой.

Война была объявлена Франции Австрией и Англией в 1800 году, и Первый консул увидел себя вознесенным на вершину военной славы. Он разгромил австрийцев при Маренго, в то время как его единственный соперник, Моро, выиграл великую битву при Гогенлиндене. При Маренго генерал, которого Наполеон превозносил больше всех остальных, пал мертвым на поле боя. Сам завоеватель горько оплакивал Дезэ, поскольку "он любил славу ради славы и Францию превыше всего". Но "Увы! плакать не разрешается, - сказал Наполеон, преодолевая слабость, как он и предполагал. Теперь он покончил с войнами небольшого масштаба и хотел дать Европе мирное время, прежде чем отваживаться на более масштабные предприятия. Победа при Маренго 14 июня 1800 года снова вырвала Италию у Австрии, которая вернула себе владение и власть на полуострове. Это также спасло Францию от вторжения. Австрия была вынуждена согласиться на перемирие - унижение, которого она не предвидела, когда направляла свои могучие армии против Первого консула. Наполеон радовался этому успеху, предложив Руже де Лиллю, автору *Марсельезы*, чтобы боевой гимн ознаменовал наступление мира победой.

Люневильский мирный договор 1801 года настолько эффективно урегулировал континентальные разногласия, что Наполеон получил возможность заниматься внутренними делами Французской Республики. Католическая церковь была восстановлена *Конкордатом*, но поставлена в зависимость от нового правителя, а не от партии Бурбонов. Амьенский мирный договор 1802 года предусматривал перемирие в военных действиях Франции и Англии.

Когда во всем мире воцарился мир, консульство не поленилось восстановить конституцию. Способности Наполеона обеспечили успешное выполнение этой грандиозной задачи. Он стремился создать твердое правительство во Франции, поскольку это помогло бы ему достичь вершины своих амбиций. Он составил знаменитый Гражданский кодекс, на котором были основаны будущие законы, и восстановил древний Французский университет. Финансовые реформы привели к созданию Банка Франции, а также к убеждению Наполеона в том, что заслуги должны быть публично признаны путем награждения выдающихся людей орденом Почетного легиона.

Выдающаяся энергия и интеллект этого военачальника проявились в проведенных им реформах там, где царила неразбериха. Франция устала от республиканского правительства, которое поставило ее на грань банкротства и разорения, и была склонна благосклонно относиться к идее монархии.

Наполеон решил, что это должна быть монархия Бонапарта, а не Бурбонов. Церковь перестала поддерживать притязания брата Людовика XVI. Наполеон также *завоевал* дворянство своими ратными подвигами, а указы миротворца примирили иностранные кабинеты. Все закончилось, как и предвидел благоразумный, тем, что Первый консул выбрал для себя старый военный титул императора.

Его коронация 2 декабря 1804 года была великолепной церемонией, не имеющей себе равных со времен падения величественных Бурбонов. Наполеон возложил священную диадему себе на голову, а затем на голову Жозефины, которая преклонила колени, чтобы принять ее. Вид у него был мрачный, когда он получил этот символ успешного честолюбия, ибо масса людей хранила молчание, и он был встревожен узурпацией привилегии, которая не принадлежала ему по праву рождения. Авторитет папы подтвердил его смелый поступок, но он боялся отношения своей армии. "Величайшим человеком в мире" провозгласил его Клебер после разгрома турок при Абукире в Египте. Ему предстояло проделать немало работы, прежде чем он достигнет вершины, с которой сможет по праву претендовать на такое восхищение. Придворная жизнь в Сен-Клу показалась ему очень утомительной после спокойствия его резиденции в Мальмезоне.

"У меня нет ни минуты свободной, мне следовало бы быть женой скромного крестьянина", - писала Жозефина в порыве нетерпения из-за ограничений, наложенных на императрицу. Но она отчаянно цеплялась за этот титул, когда знала, что его у нее отнимут. Она была женой Наполеона четырнадцать лет, но так и не родилась наследница, которая унаследовала бы власть и продолжила династию, которую он надеялся основать. Она развелась в 1809 году, когда он женился на Марии Луизе Австрийской.

Мир не мог длиться долго, пока Наполеон находился на троне Франции, каким бы решительным он ни был в своем решении сломить господство врага по ту сторону Ла-Манша. Он не забыл Египет и свою неудачу в Средиземном море. Он решил сокрушить английский флот объединением флотов Европы. Он был занят смелыми проектами вторжения в Англию из Булони. Расстояние по морю было таким коротким, что островитян, наслушавшихся диких историй о "корсиканском людоеде", охватила паника. Нельсон был надеждой нации в опасный 1805 год, когда английский флот одержал славную победу при Трафальгаре и спас Англию от ужасного вторжения. Но герой Трафальгара встретил свою смерть в час успеха, и еще до окончания года победа Наполеона при Аустерлице разрушила коалицию, возглавляемую австрийским императором и царем, и заставила весь континент трепетать перед завоевателем.

Известие об этой битве, действительно, ускорило смерть Питта, английского министра, который благородно боролся против усиления Франции. Он знал, что Французская империя достигнет вершины славы и что коалиция России, Пруссии и Австрии потерпит катастрофическое поражение.

"Пруссаки хотят получить урок", - заявил Наполеон, воодушевленный великолепием своих недавних усилий. Он разбил их при Йене и Ауэрштадте и вошел в Берлин, чтобы завладеть мечом и кушаком Фридриха Великого, а также прусскими штандартами. Он оказал честь этому прославленному императору, запретив развеивание знамен и орлов над местом, где покоился Фридрих, и заявил, что доволен личными вещами Фридриха, поскольку они заслуживают большего почета, чем любые другие сокровища.

По Тильзитскому мирному договору, заключенному с Александром Русским на плоту по реке Неман, Пруссия подверглась новым унижениям. Гордое творение военного гения Фридриха исчезло. Была даже неоправданная поспешность в передаче крепостей завоевателю. Страна была разделена между Россией, Саксонией и Вестфалией, созданной для правления Жерома Бонапарта, младшего брата Наполеона. Теперь он устанавливал королей с легкостью прирожденного автократа. Его брат Жозеф стал королем Неаполя, а его брат Людовик - королем Голландии.

Возникло новое дворянство, ибо почести должны были быть в равной степени возданы великим полководцам, которые помогли ему одержать победы. Новый император пользовался широкой благосклонностью, не веря вбескорыстную привязанность. Он щедро заплатил за проявление юмора, известное как его "vivacités", занеся в личную книгу такие пункты, как "Пятнадцать наполеонов Менневалью за тычок в ухо, боевого коня моему адъютанту Мутону за пинок, полторы тысячи арпен в имперских лесах Бассано за то, что таскал его по моей комнате за волосы".

Эти награды истощили империю и вызвали недовольство корсиканского авантюриста, осмелившегося поставить всю Европу под власть Бонапарта. Семья не переносила свое возвышение смиренно, но требовала все более высокого ранга и должности. Иосиф был возведен в высокое положение короля Испании после того, как законный король был изгнан насильственным путем. Патриотизм испанцев пробудился и нашел отклик в соседнем королевстве Португалия. Наполеон был вынужден послать свои лучшие армии на полуостров, где английский герой сэр Артур Уэлсли неуклонно продвигался к Пиренеям и французской границе.

Поход в Россию был частично спровоцирован браком императора с Марией Луизой Австрийской. Ходили разговоры о браке между Наполеоном и сестрой царя. Затем обустройство Тильзита стало ненужным после унижения Австрии. Наполеон хотел избавиться от своего союзника Александра и был готов использовать в качестве предлога для войны отказ России полностью принять его "континентальную систему". Эта система, призванная сокрушить торговое превосходство Англии, запретив другим странам торговать с ней, была, таким образом, как показали события, причиной падения самого Наполеона.

Огромная французская армия пробилась в Россию и вошла в Москву, древнюю столицу, жители которой были сожжены и покинуты. При отступлении армии из города в разгар зимы тысячи людей погибли от холода и голода, а 30 000 человек уже пали в результате бесплодной победы при Бородино.

Наполеон был близок к своему падению, когда он с боями пересек континент в ужасном походе, в результате которого армия численностью в четверть миллиона человек сократилась до не более чем двенадцати тысяч. Ему пришлось столкнуться с очередной неудачей и результатами разрушительной имперской политики в 1814 году, когда он потерпел поражение при Лейпциге от Австрии, России и Пруссии, которые самым отчаянным образом объединились против него. Союзники опубликовали во Франкфурте свой знаменитый манифест "Мир с Францией, но война против империи". Они вынудили Наполеона отречься от престола и восстановили род Бурбонов. Для Людовика XVIII был сформирован двор в Тюильри, в то время как Наполеон был отправлен на Эльбу.

Брат Людовика XVI, граф Артуа, вернулся, все еще восхищенный увядшими красотами эпохи Реставрации. Трогательная фигура дочери Людовика XVI, герцогини Ангулемской, была замечена среди вынужденного веселья нового режима, а мадам де Сталь часто появлялась при дворе Людовика XVIII, забыв о своих недавних революционных чувствах.

Наполеон очень устал от своего бездействия на острове Эльба. Он всю свою жизнь занимался военным делом и скучал по обществу солдат. Он с сожалением думал о своих старых ветеранах, когда приветствовал присланных к нему охранников. Возможно, он надеялся и на приезд своей жены, расхаживая взад и вперед по узкой дорожке у моря, где ежедневно совершал зарядку. Но Мария-Луиза вернулась в свою страну.

Наполеон нашел некоторый простор для своей деятельности в правительстве острова и регулярно давал аудиенции народу. Могло показаться, что он утратил честолюбие, когда читал в своей библиотеке или играл с ручной обезьянкой, из которой сделал домашнее животное, но в его голове формировался очень дерзкий план. Он решил еще раз вернуться во Францию и обратиться к армии с просьбой восстановить его в должности.

Бурбоны так и не стали снова популярны среди нации, которая была воодушевлена жадой военных успехов. Жизнь в Тюильри казалась пустой и легкомысленной, в ней не хватало великих личностей. Сопротивление было незначительным, когда пришло известие, что Наполеон высадился и встал во главе войск в Гренобле.

Он взывал к древнему духу Юга, который прежде восставал во имя свободы. Феодализм и угнетение крестьян вернутся под власть бурбонов, заверил он их. Они начали смотреть на отрешенного от престола императора как на Ангела Избавления. Жители Лиона были полны такого же энтузиазма, добиваясь более теплых слов, чем обычно срывались с уст Наполеона. "Я люблю вас", - воскликнул он и привез их с собой в столицу. Ночью он вошел в Тюильри, и снова орел Империи перелетел со шпилья на шпиль каждой парижской церкви.

Между освобождением от бурбонов и последней борьбой Наполеона за господство прошло сто дней. Король предпринял слабую попытку противостоять императору. Однако именно объединенные армии Англии и Пруссии встретились с французами на поле Ватерлоо в 1815 году. С 13 марта по 22 июня у Наполеона было время оценить мощь Уэлсли, ныне герцога

Веллингтона. Великолепные силы некогда неутомимого французского генерала шли на убыль. Наполеон, который не имел обыкновения прислушиваться к советам, теперь спрашивал мнения других. Диктатор, столь быстро принимавший решения, заколебался в час опасности. Он потерпел поражение при Ватерлоо 18 июня 1815 года от Блюхера и Веллингтона вместе взятых. Сражение бушевало с середины утра до восьми часов вечера и закончилось разгромом французских войск. Император вторично совершил церемонию отречения и, сломив свою ужасную волю, сдался на борту "*Беллерофонта*" англичанам.

Английское правительство опасалось повторного возвращения, подобного триумфальному бегству с Эльбы. Ни один враг никогда не был так страшен для Англии, как Наполеон. Он должен быть полностью удален с европейского континента. Остров Святой Елены был выбран в качестве места заключения, и сэр Хадсон Лоу приставил к нему в некотором роде тюремщика. Была предоставлена определенная личная свобода, но пленник на одинокой скале не дожид до того, чтобы вновь обрести свободу. Он умер в 1821 году в ненастный день, произнеся "*tête d'armée*" в последние минуты бреда.

Глава XVI

"Бог и люди"

Дипломаты, собравшиеся на Венский конгресс, чтобы уладить дела Европы, столь странно встревоженные стремительной карьерой этого гениального солдата Наполеона, имели в виду восстановить, насколько это возможно, старые формы правления.

Италия была неспокойна, не желая отказываться от патриотических мечтаний, вдохновленных завоевателем. Народ с ужасом увидел, что надежде на единство пришел конец с тех пор, как полуостров, разделенный на четыре государства, снова был разделен и попал под ненавистное иго Австрии. Солдаты из Пьемонта и Ломбардии, из Венеции и Неаполя, Пармы и Модены сражались бок о бок, разделяя славу военного деспота и готовые терпеть тиранию, которая давала им твердое правление и долю справедливости. Они видели, что процветание их земли последует за более регулярным налогообложением и отменой социальных привилегий, тяготевших над крестьянами. Они с нетерпением ожидали расширения торговли по мере строительства дорог и мостов, и они приветствовали возможность получить образование и подготовиться к национальной жизни. Наполеон всегда держал перед ними картину великого итальянского государства, освобожденного от иностранных государей и реализующего обещания знаменитого Средневековья.

Однако Наполеон ничего не сделал для продвижения дела свободы Италии перед своим окончательным изгнанием. Итальянцы сделали бы Эжена Богарне королем объединенной Италии, но Эжен был верен отчиму, который подчинил своей власти территорию, лежащую между Альпами и центром полуострова. Мюрат, шурин Наполеона, схватился бы за скипетр, ибо его сносили непреодолимые амбиции. Своим быстрым продвижением из неизвестности к званию генерала он был обязан корсиканцу, чья собственная карьера привела его к тому, что он помогал людям подняться благодаря своим заслугам. Мюрат участвовал в борьбе за Италию, когда лозунгом всегда была Свобода. Новый дух снизошел на ленивых наследников древнего имени. Они горели желанием добиться свободы Италии и прислушивались только к голосу, предлагавшему независимость.

Князь Меттерних, абсолютный правитель Австрии, отказался от противоречивых притязаний и разделил государства между мелкими правителями, которые обращались к нему за политическим руководством. Италия была "всего лишь географическим выражением", с удовлетворением отметил он. Кадеты австрийского дома владели Тосканой и Моденой, а Мария Луиза, бывшая императрица, была возведена в Парме. Пий VII еще крепче взялся за папские владения в Центральной Италии. Франциск II, император Австрии, захватил Венецию и Ломбардию, в то время как Бурбоны в лице Фердинанда I получили Неаполь и Сицилию - весьма спорное наследие. Виктор Эммануил, король Сардинии, получил также герцогства Савойское и Пьемонтское. Сан-Марино все еще оставалось республикой, одиноко и печально стоявшей на водах Адриатики. Италия была разделена на государства, как во времена средневековья, но сейчас, увы! ни одно государство не могло похвастаться свободным правлением.

Итальянцы, питавшиеся хлебом рабов, чувствовали, что находятся в рабстве у Вены. Меттерних решил, что они не должны знать другого хозяина, кроме него самого, и за всеми попытками восстания пристально следили шпионы. Полиция не позволяла ничего печатать или говорить против правительства, которое было решительно настроено осуждать беспорядки. Были пылкие души, жаждущие сражаться за дело Италии и Свободы. Существовали тайные общества, решавшиеся на отчаянные меры. Повсюду царило недовольство, вызванное недоверием Меттерниха к социальному прогрессу.

Страдания лидеров повстанцев тронули сострадание Джузеппе Мадзини, сына опытного врача из города Генуя. Он был всего лишь мальчиком, когда к нему обратился беженец, чье дикое лицо рассказывало историю жестокости и угнетения. С этого момента он осознал деградацию Италии и выбрал траурный цвет для своей одежды; он начал изучать героическую борьбу, которая сделала мучениками его соотечественников в последние годы, и он начал формировать дальновидные проекты, которые привели его к изучению литературы — его первой жертве. Он стремился к литературной карьере и отказался от нее, чтобы полностью посвятить себя обязанностям перед соотечественниками и страной.

В 1827 году Мадзини присоединился к карбонариям, или угольщикам, обществу, которое работало в разных странах с одной целью — противостоять деспоту и легитимистам. На двадцатидвухлетнего молодого человека, без сомнения, произвела впечатление торжественная клятва посвящения, которую он должен был принести над обнаженным кинжалом, но вскоре

ему пришлось признать, что усилия карбонариев были обречены на печальный провал. Членство было слишком ограничено профессиональным классом, и было слишком мало обращений к молодежи Италии. Предательство было распространено среди различных секций широко распространенной организации. Человеку было легко быть осужденным на основании смутных подозрений. Когда Мадзини был арестован, с него пришлось снять обвинение в заговоре, поскольку невозможно было найти двух свидетелей, но было выражено общее неодобрение его образа жизни. Губернатор Генуи очень резко отозвался о привычке студента разгуливать по ночам в задумчивом молчании. "О чем, черт возьми, ему в его возрасте думать?" сердито спросил он. "Нам не нравится, когда молодые люди думают, не зная, о чем они думают".

"Славные июльские дни" 1830 года освободили французов от монархии, которая угрожала либеральным принципам, и побудили недовольных в других странах предпринять новые усилия во имя свободы. Определенные постановления, опубликованные 25 июля Министерством иностранных дел Франции, приостановили свободу печати, изменили закон о выборах в Палаты депутатов и закрыли ряд либеральных журналов. Париж поднялся, чтобы оказать сопротивление, и 28 июля люди из Сент-Антуанского предместья захватили Отель де Вилль, снова подняв трехцветный флаг. Карл X был свергнут в пользу Луи Филиппа, короля-гражданина, который был сыном герцога Орлеанского, когда-то известного как Филипп Равенство. Таким образом, "народный трон с республиканскими институтами" пришел на смену абсолютной монархии бурбонов. В других странах горячо верили, что новый король Франции поддержит попытки упразднить тиранию, но Луи Филипп боялся потерять власть, и в Италии восстание в пользу новой свободы было подавлено армией, присланной из Австрии. Еще не пришло время для нанесения удара, который привел бы к достижению цели карбонариев, изгнав каждого австрийца из их страны.

Мадзини отправился в изгнание, осознав, что в организации общества, попытки которого потерпели такую неудачу, был какой-то фатальный изъян. Он утвердился в своей вере в то, что молодежь Италии должна быть воодушевлена и образована для достижения собственной эмансипации. "Молодежь живет свободой, - сказал он, - растет с большим энтузиазмом и верой". Затем он обратился с призывом к зачислению этих неопытных героев. "Посвятите их высокой миссии; воздействуйте на них соперничеством и похвалой; распространяйте в их рядах слово огня, слово вдохновения; говорите им о стране, о славе, о могуществе, о великих воспоминаниях". Поэтому он напомнил им о прошлом и о гении, который ослепил мир, когда тот поднялся из земли странной страсти и странной красоты. Данте был для него больше, чем поэт. Он испытывал ту же любовь к единству, смотрел в будущее и предвидел день, когда раб-рабыня сбросит ярмо и провозгласит национальное единство.

Молодые итальянцы сплотились под знаменем патриота, чьи слова зажгли в них искру самопожертвования. Они с радостью приняли его увещевания, пообещав им повиноваться. Он указал на тернистый путь, но в конце была награда - просветление души, венчающее каждое великое начинание. О себе нужно было забыть, а семейные узы разорвать, если они сдерживали притязания страны. Мадзини считал семью священной, но он призывал родителей отказаться от своих сыновей во время национальной опасности. Долг каждого отца - воспитать из своих детей граждан. Человечество предъявляло требования, которые некоторые могли удовлетворить, только подвергнувшись долгому мученичеству.

Сам Мадзини расстался с генуэзским домом, который был очень опустошен без прекрасного сына, подававшего такие блестящие надежды. Он жил в жалком одиночестве, не имея возможности жениться на женщине, которую любил, потому что изгнанник не мог предложить ни с кем разделить свой очаг. Он чувствовал каждый укол отчаяния, но никогда бы не вернулся к легкому принятию порочной системы. Он просил всего у своих последователей и все отдал, заявив, что необходимо сделать выбор между добром и злом.

Работа, которая должна была вызвать мощную революцию, началась в маленькой комнате в Марселе. Австрия не откажется от своей власти в Италии, пока ее силой не выгонят из страны. Должна быть война, и должны быть солдаты, обученные сражаться вместе. Это казалось безнадежным предприятием для нескольких молодых людей с очень умеренными средствами и способностями, но молодая Италия росла, и бывшее молчаливое согласие уже никогда не могло быть восстановлено. Мадзини писал с легким сердцем, заражая своих товарищей бодростью духа. Он по-прежнему был одет в черное, но его плащ был из богатого генуэзского бархата. Широкая "республиканская" шляпа не скрывала длинных черных вьющихся волос, оттенявших черты лица почти идеальной правильности. Его темные глаза, весело сверкая, привлекали сомневающихся к уверенности и укрепляли тех, кто уже разделял подобный идеал. Он был лидером по натуре и работал не покладая рук, щедро делясь тем, что никогда не было в избытке.

Политические памфлеты, написанные неутомимым пером, рассылались по всей Италии с помощью очень странных устройств. Государство было отделено от государства многими торговыми препятствиями, которые препятствовали распространению литературы, а Наполеон отказал в свободе печати. Заговорщикам было необходимо иметь свой собственный печатный станок и прятать контрабандный товар в бочках со смолой и пакетах с сосисками!

В Генуе были представлены все классы в Молодой Италии, которая вытеснила измотанных карбонариев. В списке были моряки и ремесленники, и Гарибальди, доблестный капитан торгового флота, поклялся в преданности делу свободы. Он уже завоевал сердца каждого моряка в своей команде и сделал себе имя, написав превосходные стихи.

Мадзини обратился к Пьемонту, государству военных традиций, за помощью в борьбе, которая должна была превратить Альпы в границу новой итальянской нации. Он написал Чарльзу Альберту, который придерживался либеральных взглядов, умоляя его встать во главе новой партии. "Объединяйтесь под своим флагом, Союзом, Свободой и Независимостью!" - умолял он. "Освободи Италию от варваров, построй будущее, будь Наполеоном итальянской свободы. Твоя безопасность - в острие меча; обнажи его и выброси ножны. Но помни, если ты этого не сделаешь, другие сделают это без тебя и против тебя".

Тысячи людей стекались, чтобы присоединиться к новой ассоциации, которая начала вызывать опасения у могущественных правительств. Был раскрыт военный заговор, в который были вовлечены многие унтер-офицеры. Скромных сержантов судили военным трибуналом, пытали, чтобы они предали своих сообщников, и приговаривали к смертной казни, прославляя мученичество за дело Молодой Италии.

Мадзини потерял друга своей юности, Якопо Руффини, и эта потеря подействовала на него как чувство бедствия, слишком тяжелое, чтобы его можно было вынести. Ему пришлось напомнить себе, что самопожертвование необходимо, и ускорить подготовку к новому наступлению под

командованием генерала Рамолино, который служил Наполеону. Он находился в изгнании в Женеве и выбрал Савойю в качестве базы операций. Вся попытка с треском провалилась, и почти не было сделано ни единого выстрела.

После этого восстания было потеряно даже убежище в Швейцарии. Он перебегал от дома к дому, затравленный и отчаявшийся, слыша проклятия бывших союзников теперь, когда он навлек на них беду. Он не мог даже достать книги в качестве утешения для своего усталого ума, а одежду и деньги было трудно достать, поскольку его друзья знали, насколько назойливой была Молодая Италия в требованиях и как легко он уступил нищему. Им овладела горечь, грозившая испортить его прекрасную натуру и лишить мужества. Италия снова погрузилась в апатию, и он не знал, как ее разбудить. Он склонил голову и попросил прощения у Бога за то, что осмелился пожертвовать в этом последнем усилии жизнями многих других.

Мадзини снова поднялся, решив обойтись без друзей и родни, если долг запрещает ему такие утешения. Он подумал о жизни Ювенала, призывая римлянина просить о "душе, которая не боится смерти и которая спокойно переносит жизненную боль и труд". Он отказался от мечтаний о любви и честолюбивых устремлений к себе, чувствуя, что единственный способ добиться успеха для Италии - поставить религию превыше политики. Восемнадцатый век восстал за права и эгоистичные интересы, а девятнадцатый век готовился следовать тому же учению. Права не помогли бы создать идеальное правительство Мадзини. Мужчины боролись за право на богослужение и иногда старались не пользоваться привилегией, когда они ее получали. Мужчины требовали голосов и продавали их, после героической борьбы.

В 1837 году Лондон принял изгнанников, которые нигде не могли найти радушного приема. Туман и убожество города представляли собой мрачную перспективу для патриотов из страны солнца и красок. Бедность отрезала их от общения с равными себе. Мадзини довольствовался рисом и картофелем, но у братьев Руффини случались моменты реакции. Совместное хозяйство пострадало от нашествия нуждающихся изгнанников. Были ссоры и визиты в ломбарды. Долги и трудности с заработком денег добавляли грязный элемент.

У Мадзини появилось несколько друзей, когда Раффини покинули Англию. Он знал Карлайла, великого историка, и часто бывал в его доме. Эти два человека отличались по многим пунктам, но в основном "служили одному и тому же богу". Карлайл восхищался деспотом, в то время как итальянец ненавидел тиранию. В гостиной разгорелся жаркий спор, где изгнанник говорил о свободе, пребывая в блаженном неведении, что его мокрые сапоги пачкают ковер у хозяина! Происходили возвышенные беседы о провидце Данте, после чего Карлайл поспешно отпускал своего гостя, потому что ему не терпелось вернуться в свой кабинет.

Пророк потерял зрение, но оно вернулось к нему, когда он работал среди жалких маленьких крестьян, привезенных из Италии для эксплуатации шарманщиками. Он сам учил мальчиков и нашел друзей, которые присматривали за ними. Гризи, знаменитая певица, помогала зарабатывать деньги для школы в Хаттон-Гарден.

Достичь рабочих классов стало великим стремлением Мадзини. "Италия народа" - фраза, которую он полюбил с тех пор. Он вызвал симпатии общественности новой газетой, которую он редактировал, *"Апостолато пополаре"*. Это послужило определенной цели в пробуждении духа, который был за границей и требовал национализма.

Революция вспыхнула в 1847 году, когда Сицилия сбросила ярмо Бурбонов, а Неаполь получил конституцию от короля Фердинанда. Римляне последовали их примеру, и Пьемонт с Тосканой не отставали. Из Вены пришли радостные новости, сообщавшие о смещении Меттерниха с трона власти. Одна за другой итальянские марионетки этого министра падали, безвольно подчиняясь воле торжествующего народа, и Италия могла размахивать флагом "Бог и люди" повсюду, за исключением австрийских провинций и зависимых от них герцогств.

Мадзини вернулся и узнал, что его считают благородным учителем патриотизма, вдохновлявшего полуостров. Годы одиночества и печали стерлись из его памяти в тот радостный и славный момент, когда он вошел в освобожденный Милан в победоносной процессии. Армии собирались для последней схватки, которая должна была завершить триумф первого восстания. Классовые предрассудки были забыты в великом крестовом походе за освобождение нации. Карл Альберт возглавил их, наконец перешедших на его сторону; но у него не было сил противостоять силе Австрии, и он был вынужден пасть на колени, в то время как Северная Италия терпела унижение капитуляции.

Мадзини нес знамя Гарибальди в тщетной надежде, что победа народа искупит поражение принцев. Он отправился в Рим, чтобы стать свидетелем строительства новой Республики. Он давно думал о том, что Вечный город может стать центром объединенной Италии. Он испытал глубокое чувство благоговения, получив честь стать триумвиром. Никакой партийный дух не должен руководить республикой, пока он находится у власти как правитель, никакая классовая война не должна разделять город. Давно лелеемые идеалы оказались верными и вдохновили тех, кто разделял власть. Священники были рады освободиться от тиранической власти папы, которого теперь изгнали из города. Некоторые из наиболее ревностных отказались бы от обрядов римско-католической религии, но Мадзини был за продолжение богослужений. Он не приказал бы сжигать исповедальни, поскольку исповедь приносила облегчение душам верующих.

В частной жизни Триумвир цеплялся за простоту, чтобы подать пример отказа от отделения от рабочего класса. Он обедал очень скудно и выбрал для своего жилища самую маленькую комнату на Квиринале. Он давал аудиенцию любому, кто обращался к нему, и отдавал силы и энергичность с той же щедростью, которая вдохновляла его тратить скромное жалованье, полагающееся его должности, на своих более бедных собратьев. Он был полон решимости показать силу Республики всем европейским городам, которые стремились к такой же свободе.

Папа попытался восстановить свою власть и нашел союзника в Луи Наполеоне, племяннике великого императора, который стал президентом Республики, изгнавшей Гражданина-короля Франции. Людовик стремился примирить французскую армию и духовенство. Он осадил Рим с армией в 85 000 человек и встретил храброе сопротивление.

В списке римских защитников были известные имена — Мамели, военный поэт, и Уго Басси, великий проповедник, сражавшийся под началом Гарибальди, будущего лидера. Мадзини кричал им, что капитуляция не для них. "Монархии могут капитулировать, республики умирают и несут свое свидетельство даже мученической смертью".

3 июля 1849 года Рим пал перед превосходящими силами противника, хотя завоеватели боялись встретиться лицом к лицу с угрюмыми врагами, которые противостояли им у самых ворот обреченной республиканской твердыни. Пророк задержался на улицах, где он должен

был поддерживать развевающийся флаг, приспущенный Собранием. Он поседел от ожесточенной двухмесячной осады, но сердце приказывало ему не покидать свой пост из-за страха смерти. Втайне он страстно желал заполучить нож убийцы, ибо тогда он пролил бы жертвенную кровь во имя патриотизма.

Глава XVII

"За Италию и Виктора Эммануила!"

Год революции, начавшийся с самых блестящих надежд, закончился катастрофически для итальянских патриотов. Князья объединились с крестьянами в стремлении продвигать дело свободы, но поражение отняло у них веру. Солдаты потеряли веру в лидеров движения и веру, увы! в идеалах, за которые они боролись.

Карл Альберт, король Сардинии, продолжал бороться в одиночку, когда невзгоды лишили его самых верных сторонников боевого рвения. Когда-то он был неуверен в себе и колебался, но в последние дни своей жизни стал стойким и смог мужественно ответить на обвинения, которые выдвигали против него его враги. Он собрал около 80 000 человек и поставил их под начало польских лидеров — серьезная ошибка, поскольку солдаты были предвзяты из-за странного иностранного облика своих офицеров и начали войну без энтузиазма по отношению к своим генералам.

Фельдмаршал Радецкий, грозный враг, выставил на поле боя лишь те же силы, но у него было преимущество в том, что он был известен как герой-победитель. Его криком было "За Турин!", ноотважные пьемонтцы сплотились, чтобы защитить свой город и распространить весть о радостной победе по всему итальянскому полуострову. Другие защитники свободы теперь осмелились поднять головы, снова подумав об Италии, свободной и объединенной.

В битве при Новаре, произошедшей апрельским утром 1849 года, король Сардинии отказался от своего трона и жаждал смерти, чтобы хоть как-то запоздало компенсировать неудачу своей попытки противостоять могуществу Австрии. "Позвольте мне умереть, это мой последний день", - сказал он, когда офицеры и рядовые хотели спасти его от участи 4000 сардинцев, которые лежали мертвыми и ранеными. Ему не пришлось встретить смерть, но он уехал, указывая на своего сына Виктора Эммануила II, когда тот покидал свою армию. "Вот ваш король!" он сказал, что отказывается от всех претензий на королевскую власть теперь, когда потерпел поражение. Он пообещал, что будет служить рядовым, если итальянские войска снова начнут войну с Австрией.

После позора при Новаре и бегства из Рима казалось, что Мадзини больше ничего не может сделать для дела патриотизма, которому он так благородно служил. Он оставил надежду на великую Итальянскую республику и увидел, что сердца людей обращены к молодому королю Виктору и монархии.

Однако Гарибальди, солдат удачи, не отказался от устремлений Мадзини, лидера, которому он всегда был предан. "Когда я был молод, у меня были только мечты", - сказал он. "Я искал человека, который мог бы дать мне совет и направить мои юношеские годы; я искал его, как измученный жаждой человек ищет воду. Этого человека я нашел; он один поддерживал священный огонь; он один наблюдал, пока весь мир спал; он всегда оставался моим другом, полным любви к своей стране, полной преданности делу свободы: этот человек - Джозеф Мадзини".

Поклонение пророку привело доблестного, отважного моряка к отчаянным побегам и странным превратностям судьбы. Он был приговорен к смертной казни как "враг государства и подлежит всем наказаниям разбойника первой категории". Он бежал в Южную Америку и скакал по нехоженным пампасам, наслаждаясь дикой жизнью природы. Он был командиром военно-морского флота и защищал Монте-Видео. Он был заключен в тюрьму и подвергнут пыткам и взял в жены Аниту, дочь дона Бенито Риверио де Сильва из Лагуны.

Гарибальди не мог позволить себе даже плату за свадьбу священника, поскольку его жизнь всегда была бедной, поэтому он подарил ему старые серебряные часы. Когда он был главой Итальянского легиона, ему нравилось сидеть в темноте, потому что он обнаружил, что простым солдатам не раздают свечи. Красные рубашки его последователей изначально были куплены из-за их дешевизны, поскольку предназначались для использования мужчинами, работавшими на больших скотоводческих рынках Аргентины. О грязном происхождении *Камиции Росса* вскоре забыли, поскольку она стала почетным знаком. Его слава была воспета во многих зарубежных странах, и он обычно фигурировал на фотографиях Гарибальди.

Появление легиона вызвало некоторую тревогу в Риме — мужчин со смуглыми лицами, увенчанными остроконечными шляпами и развевающимися плюмажами. Сам Гарибальди ехал на белом коне и привлек к себе благосклонное внимание, потому что он был доблестным наездником, и его красная рубашка шла ему не меньше, чем щегольская шапочка с золотыми украшениями. Три тысячи человек приняли предложение, сделанное вождем, когда пришло известие, что французы приближаются к городу. Он не обещал им ни золота, ни отличий, но дал шанс встретиться с их давним врагом Австрией. Им предстояли холод и голод, а также усталость от постоянных переходов. Смерть была бы уделом многих в их рядах, жестокими пытками их тюремщиков. Все люди были преступниками, которые до последнего защищали Рим, Республику, и в пределах их страны им могли отказать в хлебе и воде.

Прозвучал призыв к войне, и Гарибальди повел за собой три тысячи человек, включая Уго Басси и благороднейших странствующих рыцарей. Попытка добраться до Венеции была сорвана штормом, и Анита трагически погибла в крестьянской хижине, куда ее затащили в поисках убежища. Гарибальди бежал в Соединенные Штаты и никогда больше не видел многих из своих отважных товарищей. Венеция оказалась перед острой необходимостью защищаться от Австрии. Она поклялась сопротивляться до последнего, и президент Манин отказался сдаваться, даже когда на город обрушилась холера и жители умирали от голода. Он обратился к Англии, но получил только совет заключить соглашение с осаждающими. В конце концов он

капитулировал, потому что город подвергся бомбардировке австрийской армией, и он опасался, что завоеватели осуществят жестокую месть, если город все еще будет сопротивляться. После восемнадцатимесячной осады Венеции нечего было есть. Манин уехал в Марсель, горько оплакиваемый венецианцами. Сам порог его дома был сломан австрийцами, которые обнаружили на нем его имя. Уго Басси поцеловал его, выражая чувства многих. "Рядом с Богом и Италией — перед папой—Манином!"

Виктор Эммануил, молодой король Сардинии, не снискал такой популярности, страдая от предубеждения против своей семьи, Савойского дома, и против своей жены, австрийки по происхождению. Он вззошел на трон в мрачное время, унаследовав королевское наследство, полное разорения и нищеты. Армия была опозорена, а казна пуста. Он обладал достоинством короля и поразительной смелостью, но ему было бы трудно управлять Италией без своего советника и друга, графа Кавура.

Пророк Мадзини и солдат Гарибальди завоевали сердца итальянцев, преданных делу Италии. Кавур страдал от того же недоверия, что и Виктор Эммануил, но он знал свою задачу и выполнял ее. Он был государственным деятелем, который сформировал правительство и создал нынешнюю стабильную монархию. Ему приходилось довольствоваться меньшим, чем энтузиасты-республиканцы. У него было мало иллюзий, и он верил, что в политике возможно выбирать цель, но редко возможно выбирать средства.

Государственный деятель, родившийся в Пьемонте в 1810 году, был благородного происхождения и достаточно богат, будучи крестником Полины, сестры великого Наполеона. Он вступил в армию инженером в 1828 году, но обнаружил, что эта жизнь ему не по вкусу, поскольку ему не разрешалось свободно выражать свое мнение. Он подал в отставку в 1831 году и уехал в деревню, где преуспел как фермер. В те дни он много путешествовал и посетил Англию, где изучал социальные проблемы.

Из всех иностранцев Кавур, пожалуй, извлек наибольшую пользу из изучения английского парламента со стороны. Он присутствовал на дебатах и писал статьи о свободной торговле и английском законе о бедных. У него были просвещенные взгляды, и он хотел продвигать интересы Италии, подняв ее до положения державы в Европе. Он приступил к работе по наведению порядка в финансах Сардинии, но король признал непопулярность своего министра по прозвищу *бестия нейра*. В 1848 году он получил место в первом парламенте Пьемонта, а позже был министром торговли и сельского хозяйства. Он настаивал на реформах в интересах торговли и промышленности Италии, не утруждая себя консультациями с демократами, своими врагами. Его политика была либеральной, но он намеревался действовать медленно. "Пьемонт должна начать с того, что возвысится, восстановив в Европе, а также в Италии положение и кредит, равные ее амбициям. Следовательно, должна быть политика, непоколебимая в своих целях, но гибкая и разнообразная в отношении используемых средств". Характер Кавура был обобщен в этих словах. Он не доверял насильственным мерам и все же мог действовать с кажущейся опрометчивостью в кризисной ситуации, когда благоразумие означало бы неудачу.

Премьер-министр в 1852 году, он увидел возможность два года спустя завоевать славу Пьемонта. Русские сопротивлялись западным державам, которые защищали владения Порты. Министры подали в отставку, и страна была поражена, но Кавур подписал обязательство направить силы численностью 15 000 человек в Крым, чтобы помочь Турции в борьбе с Россией. "Было бы неплохо доказать, что Италия сохранила военные доблести своей истории после

поражения при Новаре", - сказал он в ответ на все упреки. Результат показал мудрость государственного деятеля и оправдал его смелость. Сардинцы отличились в Крыму, и Италия смогла вступить в переговоры с великими европейскими державами, которые устроили Парижский мир.

Парижский конгресс стал для Кавура временем, когда он проникся сочувствием к бедам итальянских государств, все еще находящихся под тираническим влиянием Австрии. Он также осудил порабощение Неаполя и навлек ненависть на короля Фердинанда, но "Австрия, - сказал он, - является заклятым врагом независимости Италии; постоянная опасность для единственной свободной нации в Италии, нации, которую я имею честь представлять".

Англия ограничилась выражением сочувствия, но Луи Наполеон, ныне император Франции, казался вполне вероятным союзником. Он встретился с Кавуром в Пломбьере, на водопое в Вогезах, в июле 1858 года и заключил официальное соглашение об изгнании австрийцев из Италии. Окончательные договоренности были достигнуты следующей весной в Париже. "Дело сделано", - торжествующе заявил Кавур, министр. "Мы вошли в историю, а теперь за ужин".

Мадзини в Англии прочитал об этом союзе с мрачными предчувствиями, поскольку, будучи республиканцем, не доверял президенту Франции, провозгласившему себя императором. Он сказал, что Наполеон III теперь будет действовать в своих собственных целях. Он протестовал напрасно. Гарибальди обрадовался и вернулся с Капреры, где пытался разбить сад на бесплодном острове.

Кавур боролся с некоторыми предрассудками, когда предложил зачислить Гарибальди и его последователей в армию Сардинии. Шарль Альбер отказался от меча героя в дни своей ожесточенной борьбы, и офицеры регулярной армии до сих пор косо смотрели на капитана-революционера.

Но австрийские войска были бесчисленны, в них были новобранцы из Тироля и Богемии, из долин Штирии и венгерских степей. Требовалась огромная армия, чтобы противостоять им. Французские солдаты сражались храбро, но они уступали австрийцам в дисциплине. Когда союзники выиграли тяжелую битву при Монтебелло, было приятно думать об этом оркестре из 3000 человек, поющих во время марша "*Addio mia bella, addio*", как рыцари-легенды. Они пересекли озеро Маджоре, вторглись на территорию противника и захватили весь район озер Низменности.

В июне союзники одержали победу при Мадженте, а 8 числа того же месяца король и император вступили в Милан, окрыленные победой. Австрийцы бежали, и ключи от города оказались во владении Виктора Эммануила.

Император Австрии Франциск Иосиф принял командование армией, когда среди изумительной красоты итальянских пейзажей итальянским летом разыгралась великая битва при Сольферино. Было 24 июня, и крестьянин собирал урожай в Ломбардии, задаваясь вопросом, должен ли он пожинать для завоевателя на следующий день. Французские офицеры снискали большую славу, когда они атаковали холмы, которые должны были быть взяты, прежде чем они смогут добиться успеха в штурме Сольферино. После ожесточенной шестичасовой борьбы улицы маленького городка были завалены телами убитых и умирающих. К вечеру победа союзников над Австрией была несомненной.

Наполеон III сдержал свое обещание итальянскому народу, который был воодушевлен успехом пьемонтской армии под командованием Виктора Эммануила при Сан-Мартино. Но он жестоко разочаровал их, прервав свою победоносную карьеру и отправив генерала Флери в австрийский лагерь требовать перемирия. Европа была поражена, когда были подписаны предварительные условия мира, поскольку все ожидали, что Австрия будет приведена к покорности. Италия была в отчаянии, потому что Венеция еще не была завоевана для них.

Кавур пришел в ярость, сожалея о том, что доверился Наполеону и своему королю Виктору Эммануилу, которые согласились на предложения о перемирии. Теперь он осыпал их упреками в том, что они отказались от итальянского дела. Он ушел в отставку с горечью, поскольку именно он заключил союз Франции и Италии.

Наполеон вернулся во Францию, преследуемый возмущением страны, которую он пришел освободить. Он жаловался на их неблагодарность, хотя мог бы знать, что Ломбардия не согласится на свободу ценой потери Венеции. Он был взбешен, когда от него потребовали плату за помощь. Отныне Франция объявляла Ниццу и Савойю французскими провинциями. Савойя была страной Виктора Эммануила, а Ницца - почетной родиной обожаемого Гарибальди!

Жители Ниццы выбрали Гарибальди в новую Палату представителей 1860 года, поскольку надеялись, что он приложит усилия для спасения своего родного города. У него была некоторая идея поднять революцию против французского правления, но он решил освободить Сицилию как более могущественное предприятие. Виктор Эммануил завершил жертвоприношение, которое отдало "колыбель его расы" иностранцу. В конце концов он примирился с уступкой, потому что считал, что Италия уже многого добилась.

Кавур открыто не одобрял атаку, которую Гарибальди готовился нанести на суверенитет Бурбонов. Многие говорили, что он сделал все возможное, чтобы расстроить планы солдата, потому что между ними была вражда. Гарибальди не мог простить уступку Ниццы, на которую до этого согласились государственные деятели. Он испытывал горькие чувства к министру Виктора Эммануила, но он был верен Виктору Эммануилу. Его отряд добровольцев, известный как Тысяча, выступил маршем от имени короля, и вождь отказался зачислять тех, чьи республиканские чувства вызывали у них неприязнь к идее единства Италии. "Италия и Виктор Эммануил", клич альпийских охотников, был общепризнанной целью его предприятия.

Гарибальди отплыл в обстановке сильного волнения, с гордостью пообещав королю Сардинии "новую и великолепную драгоценность", если предприятие увенчается успехом. Знамя восстания уже было поднято Розалиной Пило, красивой сицилийской аристократкой, вся жизнь которой была посвящена делу защиты родины. Повстанцы ожидали Гарибальди с лихорадочным желанием добиться успеха в борьбе с неаполитанской армией, которая насчитывала 150 000 человек. Они знали, что лидер привел с собой всего несколько солдат, но это были отборные люди. Ходили странные истории об успехах Гарибальди в войне, которые были вызваны сверхъестественным вмешательством. Говорили, что молитвы его прекрасной старой матери-крестьянки возобладали до самой ее смерти, когда ее дух пришел побеседовать с героем перед битвой.

The Meeting of Victor Emmanuel and Garibaldi
Pietro Aldi

204

Встреча Виктора Эммануила и Гарибальди (Пьетро Альди)

Краснорубашечники высадились в Марсале, тысяча человек, упакованных патриотически настроенным владельцем на торговые суда. Гарибальди повел их в горный город Салеми, который яростно выступал против династии Бурбонов. Там он провозгласил себя диктатором Сицилии от имени Виктора Эммануила, которому вскоре предстояло стать правителем всей Италии. К Тысяче присоединились крестьяне, вооруженные ржавыми пистолетами и одетые в живописные козы шкуры. Вождь принял их с почестями, который был рад видеть, что Сицилия стремится к свободе. Монах-францисканец бросился на колени перед могущественным вождем и попросил разрешения присоединиться к экспедиции. "Пойдем с нами, ты будешь нашим Уго Басси", - сказал Гарибальди, с болью вспоминая оборону Рима и судьбу защитников.

В Палермо, столице Сицилии, неаполитанские солдаты ожидали прибытия этой Тысячи. Они рискнули атаковать первыми, будучи очень сильными по численности. Самые храбрые, возможно, побоялись бы выступить против королевских войск в таком невыгодном положении, но Гарибальди держался твердо, когда раздался ропот о капитуляции. "Здесь мы умрем", - сказал он, и великое чудо свершилось. "Вчера мы сражались и победили", - написал вождь почти отчаявшемуся Пило. Две армии объединились, и Пило пал, сраженный пулей. Было 27 мая, когда Гарибальди вошел в ворота Палермо.

Жители забили в колокола, радуясь прибытию храброй Тысячи в свой город. За стенами все еще шла ожесточенная борьба, и неаполитанский флот бомбардировал город. 30 мая было заключено перемирие, поскольку роялисты нуждались в продовольствии и не понимали, что

боеприпасы Гарибальди были исчерпаны. Он отказался подчиниться любым унижительным условиям, которые могли быть предложены Палермо. Он пригрозил возобновить военные действия, если враг все еще подумает о них. Все были готовы к войне, хотя и знали, чем такая война должна была закончиться. Именно актом роялистов была завершена эвакуация города.

Революция достигла успеха в других местах, и в последний раз флаг Бурбонов был поднят в водах Сицилии. Завоевание Сицилии заняло всего несколько дней. Оттуда диктатор отправился на юг Италии и двинулся на Неаполитанское королевство.

Виктор Эммануэль остановил бы героя "Палермо", и Кавуру было не по себе. Официального согласия на этот дерзкий акт агрессии дано не было, и иностранные державы написали письма протеста, в то время как король Франциск II, преемник Фердинанда, предложил такие взятки, как пятьдесят миллионов франков и неаполитанский военно-морской флот, чтобы помочь в освобождении Венеции. Франция вынудила короля Сардинии приложить усилия, чтобы обуздать популярного солдата. Гарибальди пообещал Виктору Эммануилу повиноваться ему, когда тот сделает его королем Италии.

Решающее сражение при Вольтурно произошло в первый день октября 1860 года, в день рождения короля Франциска. "Победа по всей линии фронта" - таково было сообщение, отправленное Гарибальди в Неаполь после десятичасовых боев. Кавур высказывал серьезные опасения, что после этого армия двинется на Рим и изгонит французов. Но король продвигался к югу Италии, чтобы предотвратить любые действия, которые могли бы спровоцировать Францию, и Гарибальди, шедший на север, спешил с лошади, когда встретил пьемонтцев, и, подойдя к Виктору Эммануилу, приветствовал его королем Италии. Неаполь и Сицилия, а также Умбрия и Марши приняли решение в пользу объединенного скипетра Савойского дома. Это было обращение Гарибальди к народу, которое призывало его принять нового короля с миром и любовью. "Больше никаких политических расцветок, никаких партий, никаких разногласий", - надеялся он, начиная с 7 ноября 1860 года. Именно в тот день создатель королей и король вместе вошли в Неаполь. Гарибальди отказался от всех почестей, завоеванных его мечом, и уехал на свой остров Капрера, все еще бедный человек, но имя которого могло всколыхнуть всю Европу.

Итальянское королевство было провозглашено новым парламентом, собравшимся в феврале 1861 года в Турине. Были представлены все части Италии, кроме Рима и Венеции, и король Виктор Эммануил II вступил в свое правление в качестве правителя Италии "милостью Божьей и волей нации".

Глава XVIII

Третий Наполеон

Италия была свободной, но Италия еще не была единой, как надеялись такие патриоты, как Гарибальди. Венеция и Рим должны быть присоединены к владениям Виктора Эммануила, прежде чем он сможет похвастаться тем, что держит под своим контролем всю Италию от Альп до Адриатики.

Рим, мечта героев, находился во власти папы, чью власть должен был поддерживать французский гарнизон. Наполеон III цеплялся за свой союз с католической церковью и отказывался вывести свои войска и оставить своего папского союзника беззащитным, поскольку его нисколько не заботили взгляды итальянских мечтателей, которые жаждали, чтобы Вечный город был свободным.

В истории жизни этого французского императора, от поддержки которого стали зависеть столь многие союзники, была романтика. Он был сыном Луи Бонапарта и Гортензии Богарне, которая была дочерью императрицы Жозефины. Во время правления Луи Филиппа этот племянник великого узурпатора провел свое время в унылом изгнании, большую часть времени живя в Лондоне и скрывая большие амбиции за угрюмым молчанием. Он посетил Францию в 1840 году и попытался взойти на трон, но безуспешно, поскольку был заключен в крепость Хэм, государственную тюрьму. Он сбежал, переодевшись рабочим, и предпринял вторую попытку поднять парижскую чернь на революцию в 1848 году, когда Европа была взбудоражена яростным недовольством. Король бежал, спасая свою жизнь, и снова была образована Республика с Луи Наполеоном в качестве президента, но это не удовлетворило потомка великого Бонапарта. Ему удалось с помощью армии получить императорскую корону, которую никогда не носил второй Наполеон, который умер, когда был еще слишком молод, чтобы показать, обладал ли он чертами характера своей семьи. Отныне французский король Наполеон III уже не мог рассматриваться просто как авантюрист. Авторитет папы римского стал зависеть от французских войск, и итальянцам пришлось дорого заплатить за французское оружие в своей борьбе против Австрии.

Париж возобновил свое веселье, когда Наполеон женился на своей красавице-испанке Эжени, которая обладала королевской гордостью, хотя и не была королевского происхождения. Снова были охотничьи сборища, когда охотники носили отважную зеленую и алую форму вместо бурбонской синей и серебряной; были придворные праздники, по сравнению с которыми развлечения Луи Филиппа, честного короля-гражданина, в ретроспективе кажутся очень скучными. Испанская императрица жаждала соперничать со славой Марии-Антуанетты, австрийской жены Людовика XVI, последовавшей за этим королем на эшафот. Как и Марию-Антуанетту, ее порицали за экстравагантность, поскольку брак был непопулярен среди всех слоев общества. Буржуазия или средний класс отказались принять доводы императора о том, что лучше вступить в брак с иностранцем обычного ранга, чем пытаться возвеличить новую империю путем союза с дочерью какого-нибудь деспотичного короля.

Тем не менее Франция с энтузиазмом развлекалась знаменитыми празднествами и охотой в Компьене, в то время как третий Наполеон хитроумно начал разрабатывать свой план получения влияния в Европе, которое сделало бы его таким же великим человеком, как корсиканец, которого все боялись. Незначительная внешность императора ввела в заблуждение многих его

соратников, которые были склонны смотреть на него как на правителя, который удовлетворился бы подчиненным положением в международных делах. Он одевался в странные, бросающиеся в глаза цвета и неловко двигался; его глаза были странно непроницаемыми, и он казался вялым и безразличным, даже когда обдумывал какой-то тонкий план, как поразить Европу.

Рассказывались мрачные истории о роли Наполеона в Крымской войне, когда Турция потребовала помощи против России, которая наносила ущерб ее армии и флоту. Многие подозревали, что французский император использовал Англию в качестве козыря, и видели, что английские войска приняли на себя основную тяжесть всех ужасных бедствий, обрушившихся на захватчиков юга России. Альма, Балаклава и Инкерман были победами, которые запомнились навсегда, потому что героям этих сражений пришлось сражаться с более зловещими врагами, чем русские войска, которые они разгромили на поле боя. Запасы продовольствия и одежды доставлялись слишком долго, прежде чем они доставлялись измученным солдатам, и возникло подозрение в несправедливом благосклонном отношении к французским солдатам, когда их английские союзники искали подходящее место для лагеря. Война закончилась в 1855 году падением Севастополя, и впоследствии было примечательно, что наполеоновское великолепие значительно возросло, что мнимый член королевской семьи, казалось, решил развлекать королевских гостей, которые когда-то косо смотрели на него.

Франция начала верить, что никакая дальнейшая революция не сможет поколебать Вторую империю, которая, по крайней мере, была уверена в своей гордости. Тем не менее, Австрия была разгромлена Пруссией в великой битве при Садове в 1866 году, и прусское государство быстро развивалось под руководством способного министра и короля. Мало кто из французов осознавал важность поступка короля Вильгельма, когда он вызвал герра Отто фон Бисмарка из своих померанских поместий в качестве своего главного политического советника. Быстро растущая мощь прусских войск не произвела достаточного впечатления на Наполеона, который предпринял глупую экспедицию в Мексику, чтобы посадить австрийского эрцгерцога на трон, некогда принадлежавший древнему роду Монтесума. Известие о Садове вызвало "крик агонии" при его дворе в Тюильри, где все с уверенностью ожидали победы Австрии. Наполеон мог бы выступить арбитром между двумя странами, но он упустил прекрасную возможность в одном из тех наполовину угрюмых пассивных настроений, которые охватывали его, когда он чувствовал подавленность из-за своей физической слабости. Пруссия начала закладывать фундамент германского единства, исключив Австрию со своей территории.

Наполеон передал Венецию Италии, когда она была передана ему в конце австрийской войны, а Гарибальди вслед за этой уступкой предпринял покушение на Рим, который, по его решению, должен был стать столицей Италии. Он разбил папские войска при Монте-Ротондо, которые господствовали над Римом на севере, но потерпел поражение от французских войск в битве при Ментане. Отпор итальянского героя усилил национальную неприязнь к французскому вмешательству, но Наполеон согласился покинуть Рим только в 1870 году, когда ему понадобились все его солдаты, чтобы выполнить свое хвастовство о том, что он "покарает наглость короля Пруссии".

Франко-прусская война номинально возникла из-за ссоры из-за испанского трона, на который претендовал принц из дома Гогенцоллернов, сначала получив разрешение Вильгельма I принять это достоинство. Этот принц, Леопольд, не был членом прусской королевской семьи, но он был прусским подданным и дальним родственником кайзера. Поэтому было вполне

естественно, что он попросил королевской санкции на свой поступок, и вполне естественно, что Вильгельм одобрил его, если Испания предложит корону.

Наполеон искал какую-то причину разногласий с Пруссией, потому что Бисмарк отказался помочь ему завоевать Бельгию и Люксембург в 1869 году. Он завидовал этой новой военной мощи, поскольку его собственная слава намного превосходила ратные подвиги, совершенные войсками прусского генерала фон Мольтке. Он думал, что война против его соперника поможет ему вновь завоевать восхищение французов. Они были унижены провалом мексиканского плана и увидели новую опасность для своей страны в единстве Италии и новой конфедерации Северной Германии.

Измученный болезнью Наполеон мог бы сдержать свои собственные амбиции, если бы его императрица не слишком рвалась к войне. Маршал Лебеф ввел его в заблуждение, заставив вообразить, что его собственная армия достаточно боеспособна, чтобы провести любую военную кампанию. Он позволил своему кабинету министров потребовать от Вильгельма I, чтобы претензии принца Леопольда на испанскую корону, которые были отозваны, никогда не возобновлялись, по крайней мере, с санкции Пруссии. В необоснованном требовании было отказано, и Франция объявила войну в июле 1870 года, через восемнадцать лет после того, как на руинах Французской республики возникла новая империя.

Другие европейские державы не стали бы вступать в эту войну, хотя Англия предложила выступить посредником между соперничающими державами. Франции и Пруссии пришлось испытать силу своих армий без союзников, и ни одна из них не думала, какой ужасной будет цена этой длительной национальной вражды. Наполеон сам выступил в поход, оставив Эжени регентом Франции, а король Пруссии возглавил свою собственную армию под командованием генералов фон Мольтке и фон Руна.

Французская армия вторглась в Южную Германию, но была вынуждена в беспорядке отступить после битвы при Уорте. Битва при Седане 1 сентября 1870 года завершила войну, французы были разбиты и вынуждены сложить оружие. Наполеон храбро сражался, но был вынужден отдать свой меч Вильгельму I на поле боя. Он заявил, что сдал только свою личность, но сама Франция была вынуждена уступить после капитуляции Меца, который стойко сопротивлялся Пруссии. Императрица бежала в Англию, а император был свергнут. Франция снова была республикой, когда началась осада Парижа.

Горожане проявили странную нечувствительность к опасности, которой они подвергались, поскольку утверждали, что немцы не осмелились захватить город. Тем не менее парижане энергично тренировались и вооружались, когда за стенами города разрывались прусские снаряды, а звон колоколов сменил привычные для Парижа звуки веселья. Театры были закрыты, к ужасу легкомысленных людей, которых никакая тревога перед войной не отвлекла бы от их обычных занятий. Оперный театр превратился в казарму, потому что лагеря не могли вместить толпы, стекавшие туда из провинций.

По-прежнему многие высмеивали идею инвестиций со стороны прусских войск, и домовладельцы не были готовы к голоду, который застал их врасплох. Люди ужинали в ярко освещенных кафе и поглощали свои сытные трапезы, не думая о завтрашнем дне. Женщин на улицах стало меньше, а рабочие ходили с винтовками, но магазины по-прежнему привлекали своим товаром. Страх перед шпионами занимал мысли людей больше, чем страх голода —

иностранный акцент был достаточно подозрительным, чтобы вызвать арест! В столице было мало англичан, но эти немногие рисковали быть принятыми за пруссаков, поскольку низшие классы не делали различий между иностранцами.

Париж был захвачен 19 сентября 1870 года, и горожане испытывали ужасную нужду. В октябре Вильгельм обосновал свою штаб-квартиру в Версале, часть французского правительства отправилась в Тур. Гамбетта, новый министр, приложил все усилия, чтобы заручиться помощью Франции. Он вылетел из Парижа на воздушном шаре, и таким же образом были отправлены почтовые голуби, чтобы разнести новости по провинциям и привезти предложения помощи. Уже были предложены странные способы приготовления пищи, и все припасы стоили очень дорого. Конина была объявлена питательной, и ученые продемонстрировали ценные свойства желатина. Домохозяйки корпели надкулинарными книгами в поисках способов использования того материала, который у них был, когда говядина и масло не годились. Ученый профессор научил их выращивать салаты и спаржу на балконах перед окнами. Семенные лавки были захвачены энтузиастами, которые благосклонно отнеслись к этой новой идее.

Полет Гамбетты на воздушном шаре на время снял тревогу, потому что каждый парижанин ожидал, что придет помощь. Но вскоре не стало хватать газа для надувания воздушных шаров, и потребовались крепкие посыльные, которые осмелились бы прорваться через прусские позиции. После нескольких неудачных попыток были разосланы овчарки в качестве носильщиков, но прусские часовые схватили животных, и вскоре голуби стали единственным средством связи с провинциями.

Парижане требовали открытия театров, хотя теперь и испытывали муки голода. Они с готовностью парировали, когда прозвучала какая-то речь о том, как Нерон возился на скрипке, пока горел Рим. По их словам, их город еще не был охвачен пожаром, а Наполеон, Нерон-виновник катастрофы, не умел играть на скрипке, потому что у него не было музыкального слуха! Национальный цирк был открыт 23 октября, хотя топливо было на исходе и скоро должны были наступить холода.

Зимой росли цены на продукты, от которых привередливые отказались ранее, во время осады. Крыса стоила франк, а яйца продавались по 80 франков за дюжину. Говядина и баранина полностью исчезли с прилавков, а сливочное масло подорожало до пятидесяти франков за полукилограмма. Бедняки терпели ужасные лишения, и многие дети умирали от воздействия хлеба, вымоченного в вине, потому что молоко стоило смехотворно дорого. Тем не менее, было отпраздновано четыреста браков, и Париж не говорил о капитуляции перед своими прусскими врагами.

В течение октября и ноября в птицефабриках время от времени появлялись гусиные или голуби, но при виде индейки собиралась толпа, и все завидовали тем, кто мог позволить себе приобрести кроликов, даже если они платили не менее 50 франков. Вскоре собак и кошек в Париже стали редко видеть, а медвежатину продавали и с жадностью поедали. На Рождество и Новый год очень немногие магазины выставляли обычные подарки, поскольку немецкие игрушки не пользовались популярностью в праздничный сезон, и дети блокадников с грустью говорили о том, что "встретят Новый год без новогодних подарков".

Снаряды попадали в дома в январе 1871 года - событие, наиболее поразившее парижан, которые ожидали официального призыва сдаться до того, как произошли подобные действия.

После первого шока удивления не было слышно криков страха. Переговоры о капитуляции были заключены 26 января, но не из-за этой новой опасности, а потому что гражданам больше не на что было купить хлеба.

Гамбетта сопротивлялся до последнего, но его диктатуре пришел конец, и Национальное собрание в Бордо избрало М. Тьера своим президентом. По Франкфуртскому мирному договору, подписанному в мае 1871 года, Франция передала Пруссии Эльзас и Лотарингию вместе с фортами Мец, Лонгвий и Тионвиль. Она также должна была выплатить военную контрибуцию в размере 200 000 000 фунтов стерлингов. Усилиями Бисмарка императорская корона была возложена на голову Вильгельма I, а завоеватель Франции был провозглашен императором Объединенной Германии в Большом зеркальном зале Версаля представителями ведущих европейских государств. Немецкие войска были выведены из Парижа, где около шести недель бушевала гражданская война, великие здания города были сожжены дотла.

Европа была удовлетворена тем, что объединенная Германия должна занять место имперской Франции, политика которой была сугубо личной и эгоистичной с момента ее первого основания в 1852 году. Падение Наполеона III не вызвало особого сожаления ни при одном дворе, поскольку он обладал всеми беспринципными амбициями своего могущественного предшественника, но не обладал гением Первого Наполеона.

Глава XIX

Реформатор Востока

Италия завоевала единство после доблестной борьбы, а Греция примерно за пятьдесят лет до этого восстала против турок-варваров и стала независимым королевством. Традиции прошлого помогли им, поскольку волонтеры помнили времена, когда искусство и красота обитали на берегах безливого Средиземного моря. Песни и романсы окружали имя расы Кошута ореолом, когда патриот поднялся, чтобы освободить Венгрию от жестокой тирании Австрии. Всеобщее сочувствие революционному духу проявилось за границей в 1848 году, когда тиран Меттерних подал в отставку и признал, что времена абсолютизма прошли.

Иначе обстояло дело с восставшими поляками, которые жили слишком далеко от народов Запада, чтобы вызвать их страстные симпатии. Франция обещала помочь их делу, но подвела их в час опасности. Польша предприняла отчаянную борьбу за утверждение своей независимости

в 1830 году, когда в России правил Николай Самодержец. Поляки вошли в Литву, которую они хотели воссоединить со своим древним королевством, но потерпели полное поражение, потеряв Варшаву, свою столицу, свою Церковь и язык, а также собственную администрацию.

При Николае I, правителе, преданном военной мощи своей империи, шансов на свободу было мало. Сам он не питал любви к Западу и смелым реформам, которые могли бы принести ему просвещенных и недовольных подданных. Он приводил к полному подчинению всех, кто выступал против его власти. Прямолинейный солдат упрямо цеплялся бы за древнюю Московию Петра. Он закрыл глаза на падение абсолютизма в Европе и умер, как и правил, защитником Православной церкви России, заклятым врагом революционеров.

Александр II наследовал своему отцу, в то время как Крымская война отвлекала Восток новыми проблемами и новыми военными действиями. Союзники-христиане сражались на стороне неверных, а Франция и Англия объявили себя на стороне Турции.

Во время знаменитой осады Севастополя молодой русский офицер боролся за повышение по службе. Он написал яркие описания полей сражений и армий. Он писал сатирические стихи о роли, которую сыграла его собственная страна. Граф Лев Толстой был всего лишь младшим лейтенантом, который весело жил в Казанском университете и разделял большинство взглядов своего класса, когда подал прошение об отправке в Крым. Храброе поведение рядовых, сражавшихся стойко, не думая о награде или страхе смерти, произвело впечатление на графа с его знанием корыстолюбивых дворян. Он начал любить крестьян, которых видел смутными, отдаленными тенями в деревенском поместье своего отца. Там он научился не обращаться с ними жестоко, как большинство землевладельцев, но только после того, как он познакомился с грубой жизнью бастиона с Алексеем, крепостным, подаренным ему при поступлении в университет, Толстой приобрел ту особую привязанность к Людям, которая тогда не была характерна для русских.

После войны молодой писатель обнаружил, что, хотя он и не достиг какого-либо высокого звания в армии, в литературе ему были оказаны высокие почести. Тургенев, опытный романист, был готов приветствовать его как равного. Одаренному офицеру льстили и чествовали сколько душе угодно, пока страстная любовь к истине не вывела его из общества.

После смерти Николая, что было неизбежно, началась реакция, и Александр II стремился перенять прогресс Запада. Немецкие писатели начали описывать жизнь скромных людей, и их книги читали в других странах. Россия сопровождалась описаниями жизни в естественных условиях, тишины степей и уединения леса, где охотники и трапперы занимались своими делами вдали от общества.

Толстой отправился в Германию в 1857 году, стремясь изучить социальные условия, чтобы научиться воспитывать несчастных крепостных в России, связанных, терпеливых и немногословных, у ног землевладельцев, возможно, жаждущих независимости, когда они терпели какую-либо ужасную несправедливость, но терпеливых в лучшие времена, когда были еда и тепло и хозяин сравнительно невозмутимого нрава.

Толстой уже написал *Поликушку*, крестьянскую повесть, которая привлекла некоторое внимание. Он был влюблен в слова "Люди" и "Прогресс" и постоянно произносил их, попирая условности. Желание быть оригинальным было сильным в нем, когда он следовал обычным

стремлениям русских к моде. Он наслаждался этим блужданием по неизвестным тропам, где никто не бывал до него. Он был искренен, но он еще не приступил к делу своей жизни.

В Люцерне он был полон горечи по отношению к богатым посетителям отеля, которые отказались подать милостыню бродячему музыканту. Он подвел мужчину к своему столику и предложил вина, чтобы тот подкрепился. Возмущение других гостей заставило его еще яростнее заострить внимание на бессердечии тех, кто пренебрегает своими более бедными соседями. И все же аристократ-донкихот по-прежнему роскошно одевался и проводил много времени за занятиями спортом, которые были развлечением его детства. Он чуть не расстался с жизнью, пытаясь застрелить медведицу в лесу. Зверь приблизил свое лицо к ее рту и вонзил зубы в плоть возле левого глаза. Бесстрашный спортсмен сбежал, но еще долго потом носил следы побоев.

В 1861 году в России началась новая эра и новый период в жизни Толстого, который отныне был связан с историей сельского народа. Александр II издал указ об освобождении крепостных, и Толстой был одним из арбитров, назначенных для надзора за распределением земли, распределения налогов и определения условий покупки. За каждого крестьянина полагался надел земли, облагаемый в течение шестидесяти лет специальным поземельным налогом. В своем невежестве крепостные, скорее всего, продавали себя в новое рабство, где владельцы были склонны заключать жесткие сделки. Многие землевладельцы пытались выделить землю без пастбищ, так что скотоводам приходилось наниматься по непомерно высокой ставке. Раньше существовало два способа удерживать крепостных — более примитивный метод, когда их заставляли работать столько-то дней в неделю на хозяина, прежде чем они могли сами обеспечивать свои нужды, и более просвещенный способ взимания *толькооброка*, или ежегодной дани. Толстой уже разрешил своему крепостному *"продолжать оброк"*, но, по его словам, он не сделал ничего особенно щедрого, когда был принят новый закон, предусматривающий освобождение.

Однако, насколько это было возможно, он защищал освобожденных людей от тирании других землевладельцев, которые начали испытывать к нему глубокую неприязнь. Он избавил бедняков от их недоверия с помощью образовательного эксперимента, который он опробовал в своей родной Ясной Поляне.

Школа, открытая графом Толстым, была *"бесплатной"* во всех смыслах этого слова, которая тогда становилась популярной. Дети не платили никакой платы и не были обязаны регулярно посещать занятия. Они бегали туда-сюда, когда им заблагорассудится, и не боялись наказаний. Учитель был твердо убежден, что обязательное обучение совершенно бесполезно. Он преподавал так, как хотели ученики, смиренно принимая их взгляды на этот вопрос. Яркое повествование приводило в восторг усердных крестьянских мальчиков в их грубых овчинах и шерстяных шарфах. Они кричали *"Продолжайте, продолжайте"*, когда урок должен был закончиться. Всем, кто проявлял усталость, предлагалось *"пойти к малышам"*. Сначала крестьяне боялись школы, слыша удивительные истории о том, что там происходило. В конце концов они завоевали доверие, и тогда правительство заподозрило неладное.

Толстой бросил свою работу с чувством неудовлетворенности и удалился к дикой жизни с башкирами в степи, где надеялся восстановить физическое здоровье, когда пришло известие,

что в школах прошли обыски и учителя арестованы. На невежественных людей это произвело впечатление преступника.

Ненависть к правительству, где такой обыск мог проводиться безнаказанно, не сильно изменилась после выражения императором сожаления о случившемся. Пруд в поместье Толстого был разрыт, шкафы и сундуки в его собственном доме вскрыты, а пол в конюшне взломан ломами. Даже дневник и письма интимного характера, которые хранились в секрете от собственной семьи графа, были прочитаны вслух жандармами. В порыве гнева реформатор написал о том, что бросает свой дом и уезжает из России, "где каждый не может знать, что его ждет с минуты на минуту".

В 1862 году Толстой женился на Софии Берс, дочери русского врача. Он снова начал писать, чувствуя меньшее рвение к общественной работе и необходимость зарабатывать деньги для своей семьи. *Казаки* описывали дикие радости существования вдали от цивилизации, где все радости возникают от физических нагрузок. Толстой познал такую жизнь во время своего пребывания на Кавказе. Это особенно привлекало его, поскольку он был восхищенным последователем Руссо в прославлении возвращения к природе.

В Ясном имении было чем заняться, ибо сельскохозяйственный труд означал хорошо обработанную землю, а это означало процветание. Большая семья была укрыта под крышей, где царила простота, и в то же время царил большой комфорт. Толстой носил грубую одежду крестьянина и наслаждался мыслью, что его часто принимают за крестьянина, хотя когда-то его сильно беспокоили грубые черты лица и отсутствие физической красоты. Семейные заботы поглотили его, и книги, которые он теперь постоянно дарил миру. Его имя произносили повсюду, и многочисленные посетители нарушали его уединение. "*Война и мир*", описание наполеоновских времен в России, не пользовалось особой популярностью ни у либералов, ни у консерваторов на Востоке, но считалось великим художественным произведением. *Анна Каренина* дала описания общества в городе и деревне, с которыми не мог сравниться даже Тургенев, писатель, чья дружба с Толстым часто прерывалась ожесточенными ссорами. Природа реформатора не терпела ничего искусственного. Он презирал формальную благотворительность и видимость труда. Услышав, что юная дочь Тургенева сидит, одетая в шелка, чтобы починить порванную одежду бедности в рамках своего образования, он прокомментировал это со своей обычной резкостью. Замечание не было прощено, и ссора разделила мужчин, которые, тем не менее, испытывали странное влечение друг к другу. Русский поэт Фет действительно был единственным другом в литературном мире, которому всегда удавалось заслужить одобрение великого романиста.

Когда сыновья подросли, семье пришлось проводить часть года в Москве, чтобы мальчики могли поступить в университет. Приходилось жить в гостеприимстве русских из высшего сословия, и раскол прокрался в семью, где отец и мать отличались сильной привязанностью. Толстой был одет в овчину рабочего, войлочную шапку и сапоги, и он ел свою простую кашу за столом, за которым другие обедали менее скупно. Он отказался от привычек своего класса, когда ему было пятьдесят, и перенял привычки крестьян. В деревне он вставал рано и отправлялся в поле работать на вдову и сироту, которым могли понадобиться его услуги. Он надеялся обрести душевную легкость, присущую физическому труду, приступив к этим обязанностям, но его ум

часто беспокоили религиозные вопросы. Он служил Богу, как сам считал, после периода неверия, естественного для молодых людей его положения.

Он научился делать сапоги и подковы и гордился своим мастерством сапожника. Он отказался от полевых видов спорта, потому что они были жестокими, и отказался от табака, единственной роскоши Мадзини, потому что считал его вредным для здоровья и потаканием своим желаниям. В его глазах деньги были настолько порочной вещью, что он не пользовался ими и не носил с собой. "Что делает человека хорошим, так это то, что у него мало желаний", - мудро сказал он. Были трудности на пути избавления от всего его имущества, поскольку дети семьи не могли быть полностью лишены своего наследства. Их было тринадцать, и не все они разделяли идеи великого реформатора.

В 1888 году Толстой успокоил свой разум актом формального отречения. Графиня должна была управлять поместьями, переданными в доверительное управление ее детям. Граф по-прежнему должен был жить в том же доме, но решил теснее связать себя с народом. Он вызвался помочь, когда в 1880 году проводилась перепись населения, и видел бедные дома неподалеку от своей маленькой деревни. Он был чемпионом района с тех пор, как защитил молодого солдата, несправедливо осужденного. Под "деревом бедняков" всегда собиралась кучка просителей, готовых подстеречь его, когда он выйдет с крыльца. Иногда они просили невозможного, но он всегда был добр.

Любовь к крепостному была наследственной. Отец Толстого был добродушным человеком, и те, кто воспитывал мечтательного мальчика в Ясной, настаивали на мягком обращении как с людьми, так и с животными. Ему нравилась история об ординарце, некогда крепостном в фамильном поместье, который попал в плен вместе со своим отцом после осады Эрфурта. Верный слуга таклюбил своего хозяина, что спрятал все свои деньги в сапог, который не снимал несколько месяцев, хотя на нем образовалась рана. Эти истории соответствовали собственному опыту реформатора, связанному с боями солдат под Севастополем.

Его разум постоянно искал новые способы достучаться до людей. Он верил, что они будут читать, если будут написаны простые книги, которые им понравятся. Он отложил другие свои труды в сторону и написал серию очаровательных рассказов, призванных тронуть неграмотных и отвлечь их от страсти к водке или русскому коньяку и их пагубных увлечений. *Иван-Дурак* был одним из первых из них. "*Сила тьмы*" пользовалась огромной популярностью. Буквари и простые версии Священных Писаний многое сделали для того, чтобы развеять лень ума у крестьян, но правительство не отнеслось благосклонно к этим усилиям. Для них прогрессивный граф был опасен, хотя он держался особняком от тех фанатиков из высших классов, которые начали появляться в народе под видом рабочих, чтобы распространять тревожащие доктрины.

Полицейская система России предусматривала жесткую цензуру литературы. И все же только один намек Толстой сделал в своих *Признаниях* на революционное движение, которое побудило молодых мужчин и женщин пожертвовать своими домами и свободой из-за веры в то, что та часть общества, которую они представляли, не имела права охотиться на низших. Религия, по его словам, не была для них источником вдохновения, поскольку, как и большинство образованного класса в России, они были неверующими. Другим в своем служении Богу и человечеству был человек, который начал жизнь с заявления, что счастье приходит от поклонения себе. С возрастом он молился о том, чтобы найти истину в том человечестве, которое верило очень просто, как другие верили в старину, но он не мог быть удовлетворен

практикой благочестия. Его пытали до тех пор, пока он не создал для себя ту религию, которая отделяла его от его собратьев, любивших прогресс.

Дни преследований на Востоке были такими же ужасными, как и в былые времена средневековых пыток на западе. За свои социальные цели мужчины и женщины были приговорены к смерти или изгнанию. Унылые пустоши Сибири поглотили жизни, когда-то яркие и прекрасные. Известные по номерам, а не по названиям, они влачили изнурительное существование в суровом холоде арктической зимы. "По приказу царя" их пороли, мучили, заковывали в цепи и низводили до уровня животных, лишенных разума. Как только дух свободы поднял голову, он был подавлен абсолютизмом и мощной машиной правительства, которое использовало диких казаков, чтобы внушить благоговейный страх горячим теориям незащитных студентов. Образованные люди становились все более распространенными среди крестьян, благодаря руководству Толстого. Он указал им путь и не мог раскаяться, когда они избрали его, ибо долг реформатора - обеспечить себе последователей. Анархии он не предвидел и был обеспокоен ее проявлениями. Мягкий ум старика, мирно покоящегося в деревне, не мог проникнуть в темные уголки городов, где собирались мятежники и вынашивали заговоры против тирана. Несмотря на либеральные меры Александра, нигилисты не были удовлетворены столь деспотическим правительством. Было предпринято множество попыток покушения на него, прежде чем он был убит ручной бомбой 13 марта 1881 года.

Александр III отказался от реформ, и недовольство в России возросло, где заговоры заговорщиков вызвали все зверства шпионской системы, которая все еще существовала. Вражда к правительству еще больше усилилась во время голода, когда тысячи крестьян погибли ужасной смертью. Толстой активно участвовал в своих попытках помочь больным и голодающим в 1891 году, когда положение людей было душераздирающим. Он получил благодарность, которая была свойственна человеку, которого очень легко обескуражить. Крестьяне вполне естественно обратились к нему за поддержкой в трудную минуту.

Беда постигла престарелого лидера из-за секты в кавказских провинциях, которая с жаром приняла его новые взгляды. Духоборы держали все свое имущество общим и устанавливали для себя моральные законы, основанные на толстовской форме религии. Они отказались служить солдатами, что, как говорили, было вызовом их губернатору. Лидеры были сосланы, а несколько сотен зачислены в "дисциплинарный полк" в качестве наказания. Толстому удалось вызвать сочувствие к ним в Англии, и им разрешили эмигрировать вместо того, чтобы подвергаться преследованиям. Он написал "*Воскресение*", роман, посвященный ужасной жизни российских тюрем, чтобы раздобыть деньги для облегчения их участи. Он был формально отлучен от церкви за нападки на Православную церковь России в 1901 году. Приговор заставил его еще больше ожесточиться по отношению к российскому правительству. Он страстно желал увидеть мир в восточной стране, откуда рассказы о жестокости и угнетении потрясали более гуманные провинции Европы. Он был бы рад остановить бесчинства с бросанием бомб, которые творили нигилистические общества. Он мог сочувствовать беспокойству молодежи, но по своему долгому жизненному опыту знал, что насилие не приведет их к достижению поставленных целей.

Трагедия аристократа в мужском костюме, стремящегося к самосовершенствованию и низвергнутого компромиссом, ставшим необходимым из-за любви к другим, подходила к концу, когда ему исполнилось восемьдесят. Он отдал бы все, и кое-что у него сохранилось. Мирские

пожитки были изъяты из его жилища с его атмосферой честного, доброго уюта. Все больше и больше потомок амбициозного министра Петра Великого начинал ощущать необходимость полного отречения. Прошло много времени с тех пор, как он познакомился с буйной жизнью городов, но даже покой его загородного убежища был нарушен разногласиями, поскольку не все разделяли тоску по полному самоотречению, которая владела душой Льва Толстого, теперь терзаемой угрызениями совести.

Зимой 1910 года старик покинул дом, где он жил в полной безопасности с первых лет своего счастливого брака. Стояла суровая погода, и его хрупкое телосложение было слишком слабым для долгого трудного путешествия, которое он запланировал, чтобы добраться до места уединения в горах Кавказа. Он решил провести свои последние дни в полном уединении и отказаться от общения с миром, который предъявлял к нему слишком много требований. Он умер в этом последнем стремлении к идеальной чистоте и так и не достиг обители, где надеялся закончить свои дни. Весть о его смерти на отдаленной железнодорожной станции распространилась по Европе еще до того, как он действительно почувствовал тяжесть зимнего холода. Смерть Толстого вызвала всеобщую скорбь среди тех, кто считал его величайшим из современных реформаторов.

Глава XX

Герой в истории

На протяжении веков мелькают фигуры, известные как герои, некоторые не героические по внешнему виду, но великие благодаря той самой силе, которая запретила им полностью исчезать со сцен борьбы. Поэты, написавшие бессмертные строки, и философы, высмеивавшие низость эпохи, создавшей ложь для поклонения, реформаторы с яростной верой в дело, которое столь же достойные люди, как и они сами, ненавидели до безжалостного преследования — все они стоят в одном ряду с солдатом, в ранге выше монарха, чье имя должно быть занесено в список, потому что его личность была сильна в формировании событий, вошедших в историю его страны. Высокие и низкие, принц или крестьянин — все познали муки борьбы с противоборствующими силами, поскольку без усилий никто не достиг героизма.

Возвращая нас в Средневековье, Данте и Савонарола восхищаются узкими рамками, которые ограничивали видение таких свободных, ничем не скованных умов. Маленький серый городок Тоскана живет главным образом славой поэтессы и проповедницы, которая так страстно любила ее, хотя она оказалась жестокой и неблагодарной матерью. Итальянское государство

перестало отстаивать свою независимость, и партийные распри больше не привлекают посредника к заключению мира и, по возможности, к тому, чтобы завладеть некоторыми из богатых сокровищ флорентийцев, чьи работы ценились издавна. Картины удивительной красоты были испорчены и украдены, скульптуры рассыпались в пыль, которая толстым слоем лежит на могилах павших великих людей. Но слова *"Божественной комедии"* никогда не будут забыты, и слава эпоса всегда будет принадлежать итальянской литературе. Весь холодный и бесстрастный интеллект эпохи Возрождения может быть воплощен в Лоренцо Великолепном, который поощрял языческие верования, которые приор Сан-Марко стремился ниспровергнуть. Враги по жизни, они служат противоположными типами итальянцев пятнадцатого века: один серьезный, пылкий, исполненный рвения к самопожертвованию, другой - эпикурец, удовлетворяющий каждую прихоть, но заслуживающий похвалы, потому что в каждой форме он поощрял красоту. Есть что-то прекрасное в великодушии тирана-Медичи, когда он пытался умиротворить честного монаха; есть что-то бесконечно благородное в самой слабости мученика, чья смерть разочаровала столько его последователей, потому что доказала, что он не обладал чудодейственными способностями.

По сравнению с очарованием южных городов фон для драмы между человеком и дьяволом кажется тусклым, но даже в Центральной Европе во времена Реформации были романтические персонажи. Ни один чувственный итальянский ум не смог бы так отважно бросить вызов папе и императору и изменить религию многих европейских народов, если бы мир не был залит кровью. Лютер - менее доблестный защитник, чем Вильгельм Оранский, который боролся за веротерпимость и потерял за это жизнь и богатство, но его слова были мощным оружием для исправления древних злоупотреблений Церкви. Он необычайно тверд в рядах людей, борющихся за свободу души, но едва ли осмеливающихся бороться против стеснительных догм прошлого.

Солдаты католической церкви обладают всем очарованием традиций, которые делают их бессмертными — теперь они святые, чей удел был самым скромным на земле. Крестоносец на протяжении веков сталкивался со звоном мечей и доспехов, привлекая любителей романтики, хотя он совершал менее доблестные поступки, чем монах сурового аскетизма, чьи правила запрещали ему нарушать мир. Он по-прежнему наслаждается славой, как наслаждался часом побед и битвой, которая могла принести смерть, но не могла обернуться позором. Братья Святого Доминика и святого Франциска уклонялись в жизни, по крайней мере, от того почтения, с которым приносили в жертву мирские удовольствия. Они были удивительно простодушны и верили, что от их истории останется лишь какая-нибудь случайная картина на стенах их монастыря. Они считали себя недостойными похвалы, и их кредо жизнерадостного смирения запретило бы им принимать преклонение перед героями, которое в их эпоху расточалось более блестящим воинам Церкви.

Время отомстило Великому монарху и тирану-узурпатору, но их имена должны быть занесены в список героев, поскольку они сыграли важную роль в событиях, вошедших в историю, и не могут быть преданы забвению, хотя и перестали возвышаться над подданными, которых презирали. Личность Людовика XIV нуждается в мантии великолепия, которая спала с Франции с годами. За Наполеоном можно наблюдать в безвестности и изгнании до тех пор, пока цена бесчисленных побед не будет оценена более достоверно, чем это было возможно для его современников. Его

преемник стал всего лишь мишурной фигурой, со странной безнаказанностью вмешивающейся в судьбы Европы и обладающей качествами, в которых так мало героического, что только его смелые видения и его последняя крупная неудача делают память о последнем деспотическом правителе Франции такой, которая должна оставаться с памятью о тех других революционерах 1848 года.

Мадзини и Гарибальди снова получают уважение, которого лишила их бедность, когда они возглавили безнадежное дело и отказались от дома и страны. Земное восхищение пришло слишком поздно, чтобы утешить их в горестях изгнания и потери возлюбленной, но они оба знали, что борьба была не напрасной, которая сделает Италию свободной. Романтика забывает этих сынов Юга и их краткий вкус народной славы. Молодежь оглядывается назад, на кумиров, возведенных на вершины традиций, презирая поношенную современную одежду и любя окровавленные доспехи.

Руссо с триумфом поднялся над спорами языков, которые оспаривали бы его притязания на героизм, потому что его жизнь была омраченной и незавершенной. Теперь ему приписывают яростную безличную любовь к истине и чистоте. Он великий учитель и философ, хотя никто никогда не причислял его к героям по действию или характеру. Его циничный современник, Вольтер, все еще покрыт какой-то завесой смутной неизвестности, которая скрывает его гениальность от мира, склонного считать его простым насмешником и разрушителем верований. Возможно, у него более глубокая вера, чем у многих, кто взялся за меч, защищая религию, но он прикрывал свой дух терпимости множеством покровов насмешки, стыдясь быть героем в обычных одеждах, стремясь заслужить признание за свое остроумие, а не бессмертие за смелость убеждений, которых он так твердо придерживался.

Герои, маячащие за занавесом, который Судьба опускает перед каждой сценой мировой драмы, когда начинается другая пьеса, не равны по положению. Иногда в груди патриотов были эгоистичные цели, у реформаторов - мирские амбиции, у Святых - жажда преследования. И все же этих великих действующих лиц истории легко отличить от толпы актеров, сыгравших свои роли. Их слова привлекают внимание, их действия полны реальной значимости, и именно они вызывают аплодисменты, когда спектакль подходит к концу.